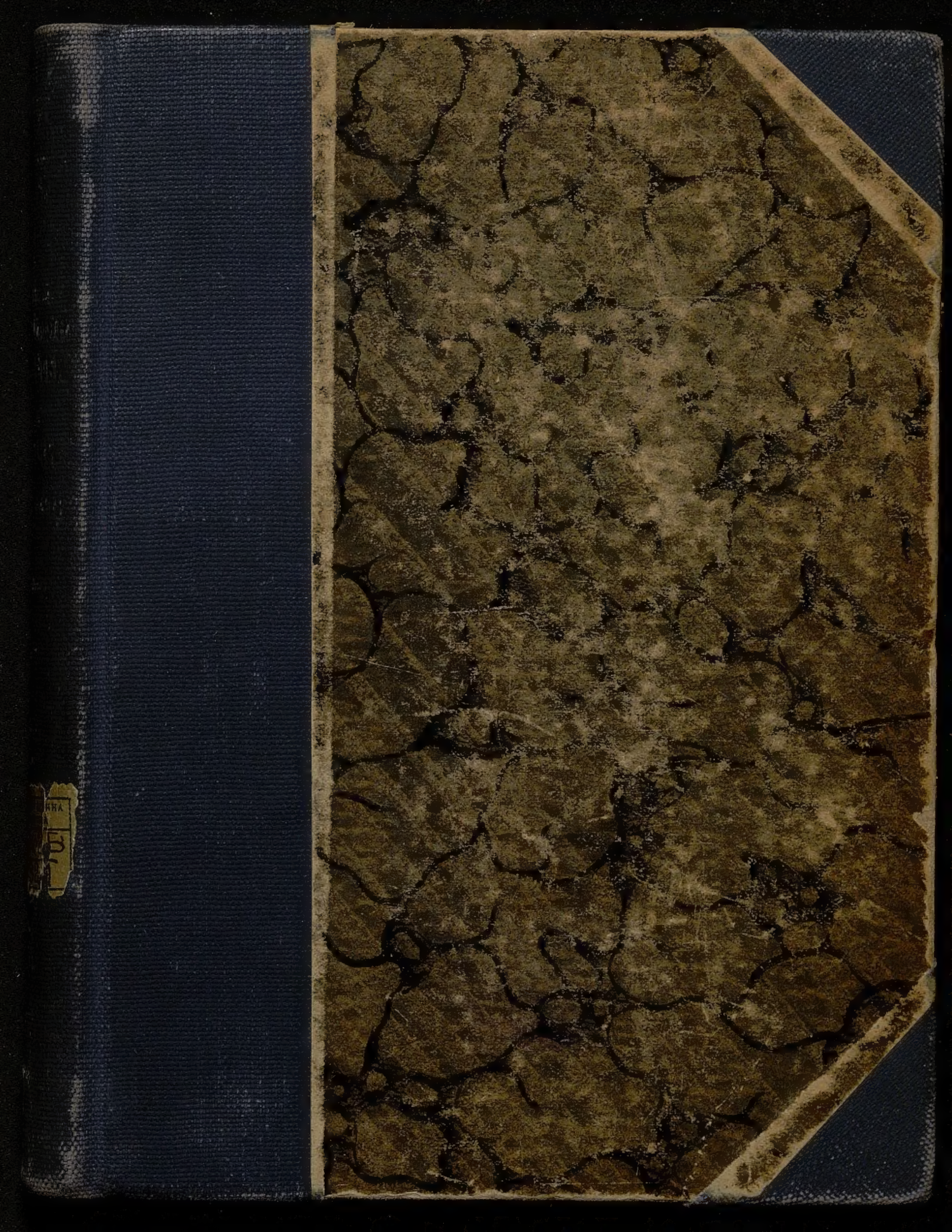
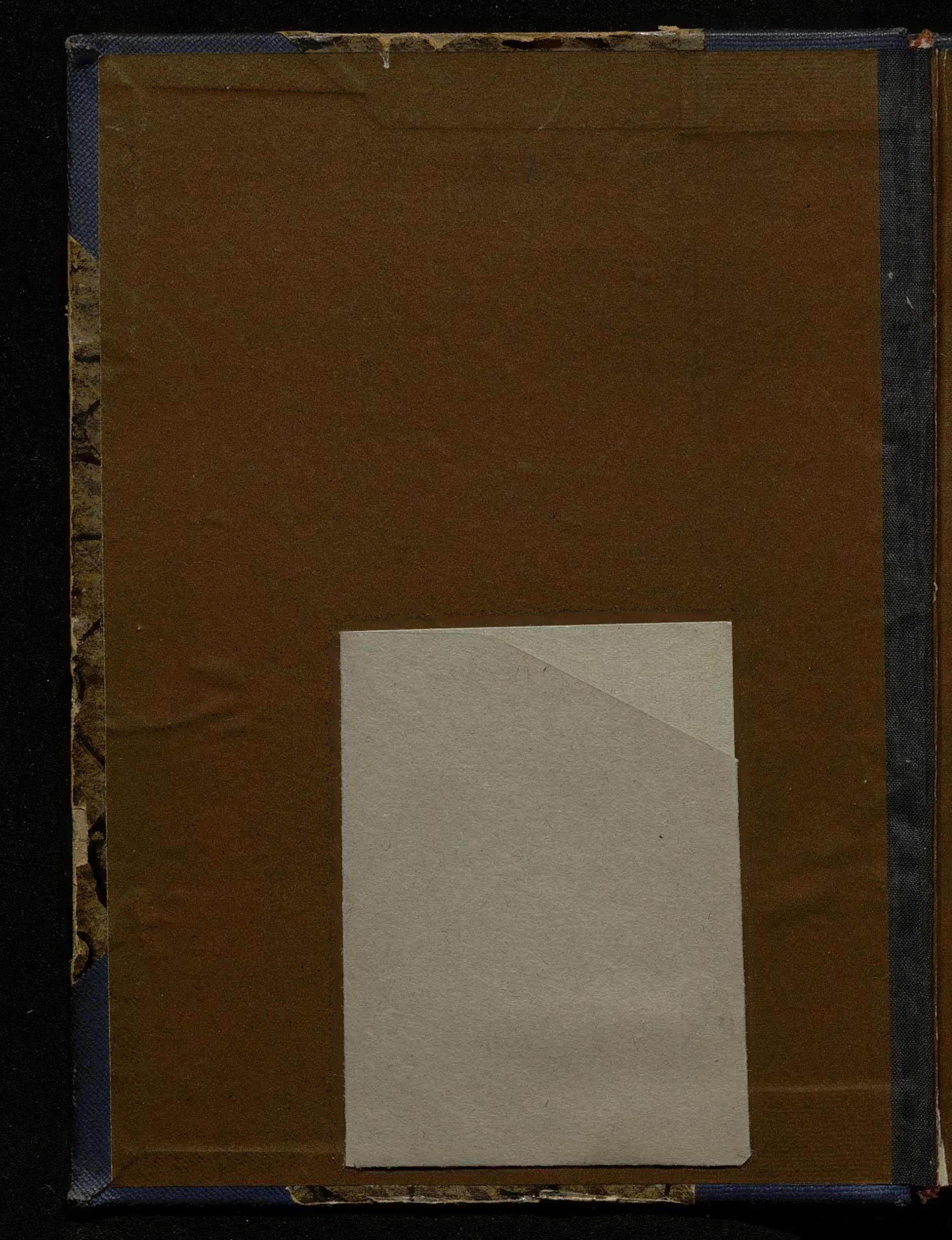
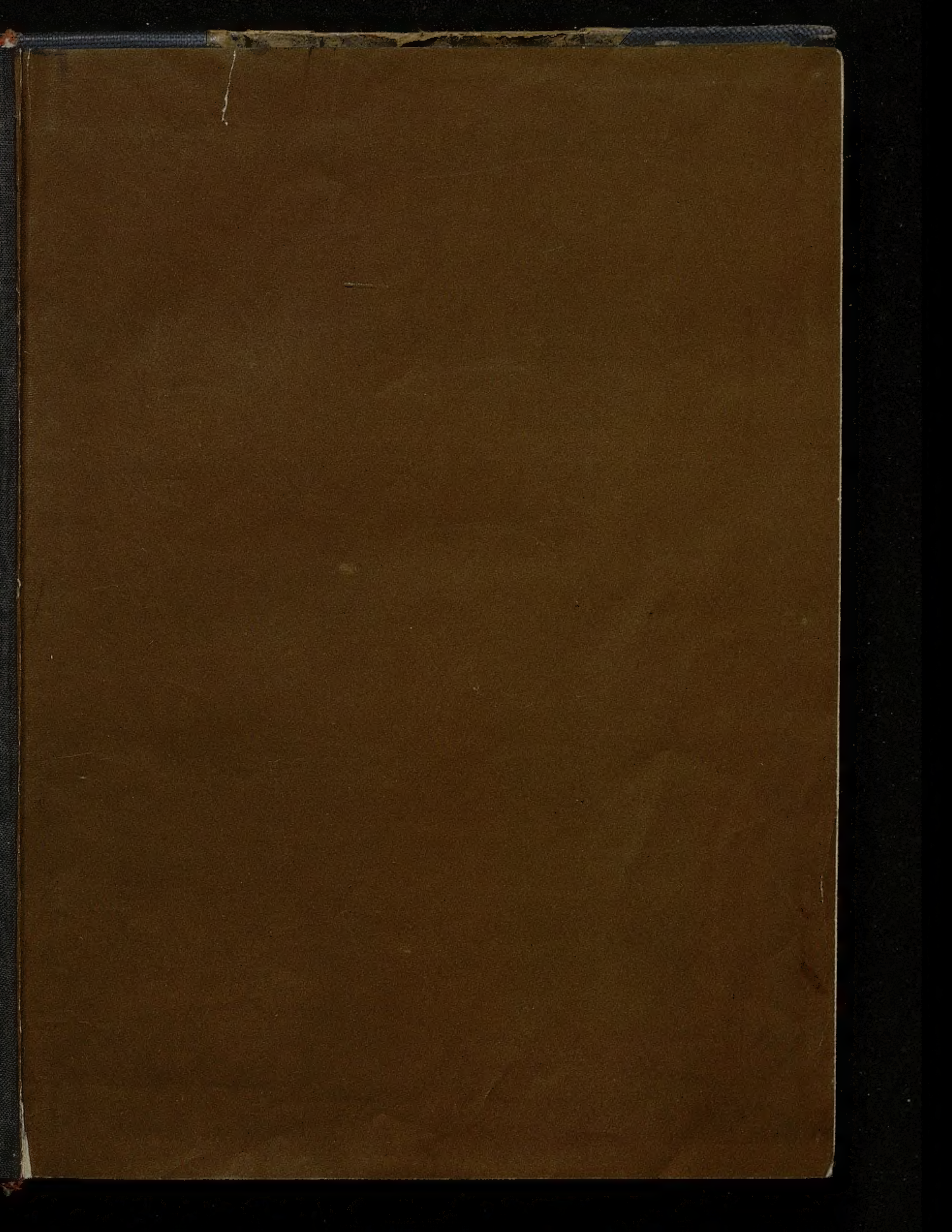






Шаумян

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ
им. СТ. ШАУМЯНА

С. Г. ШАУМЯН

СТАТЬИ и РЕЧИ

1917—1918 г.г.

Баку — 1929.

Гостипография „Красный Восток"
БАКПОЛИГРАФА БСНХ,
Баку, Карантинная, № 84.
Главлит № 5209. Заказ № 8946.
Тираж—600 экземпляров.

Выпуская в свет сборник „Статей и речей С. Шаумяна за 1917—1918 г.“, Институт С. Шаумяна считает нужным указать, что настоящее издание является только подготовительной работой к осуществлению того плана полного собрания сочинений С. Шаумяна, которое подготовляется в настоящее время Институтом.

Полное научное собрание сочинений С. Шаумяна будет состоять из 3-х томов: в I-й и II-й том войдут статьи и крупные работы Шаумяна за период с 1904 до 1917 г., а содержанием III-го тома в основном явятся статьи и речи, публикуемые в настоящем сборнике.

Наряду с этим институт сейчас занят работой над изданием научной биографии С. Шаумяна.

Трудность работы по изданию сочинений С. Шаумяна обусловлена тем, что его произведения рассеяны по многочисленным журналам и газетам за весь многолетний период его политической деятельности, из коих многие сейчас трудно розыскать; поиски затрудняются еще и тем, что большинство статей С. Шаумяна, относящихся к подпольному периоду, не имеют подписи.

В этом отношении положение с его произведениями за 1917—18 г. более благоприятно. Поэтому Институт Шаумяна пришел к убеждению о необходимости предварительного выпуска в более ускоренном порядке сборника „Статей и Речей“ С. Шаумяна за последний период его жизни и деятельности (1917—1918 г.).

Вследствие такого ускоренного порядка издания неизбежны те или другие пробелы; Институт ждет указаний о недостатках и пробелах настоящего издания со стороны товарищей, в первую очередь со стороны участников Бакинской Коммуны и соратников по борьбе С. Шаумяна.

Бакинская Коммуна 1917—18 г. г., вождем которой был Шаумян еще ждет своего будущего историка. В качестве исторического материала статьи и речи С. Шаумяна, отражающие живую историю борьбы Бакинского пролетариата и Коммунистической партии за Октябрьскую революцию в Закав-

казье, являясь живыми документами эпохи, представляют собой огромную ценность.

При оценке сложной и разнообразной тактики и стратегии Бакинской Коммуны и ее вождей, необходимо иметь в виду ту необычайно сложную обстановку переплетающихся классовых и национальных взаимоотношений, в которой протекала борьба за установление и укрепление Советской власти в Баку. Это своеобразие обстановки, резко отличающее Баку и Закавказье от Центральной России, требовало огромных маневренных способностей и гибкой тактики, построенной на учете всего сложного переплета национальных и классовых взаимоотношений.

Все это нашло в статьях и речах С. Шаумяна полное отражение. Изучение тактики и стратегии Бакинской Коммуны, получивших в свое время полное одобрение со стороны Ленина (см. прилож. 2), поможет пониманию истории развития и борьбы нашей Коммунистической партии.

„Статьи и Речи" не только живые документы эпохи. Рабочий класс и его партия, а в особенности его молодое поколение в борьбе с национализмом, ведущейся и сейчас, найдут в „Статьях и Речах" много ценных указаний и раз'яснений, встретят там немало поучительных страниц, посвященных выяснению природы национализма и националистических партий (мусават и дашнакцютюн) не потерявших до сегодняшнего дня своей актуальности и остроты. Блестящий анализ классовой природы контр-революционных партий, разоблачение оппортунистической, мелко-буржуазной и контр-революционной сущности меньшевизма и эс-эровской партии, беспощадная борьба с этими партиями на Кавказе—всему этому уделено много внимания в статьях и речах Шаумяна; внимательное изучение этих статей будет способствовать поднятию политического уровня молодого поколения рабочего класса и партийного молодняка.

Изучение статей и речей Шаумяна еще живее представит растущим пролетарским поколениям образ погибшего вождя Бакинских рабочих и руководителя Бакинской Коммуны.

Институт Шаумяна.

Новый взрыв революции в Петрограде.[1)]

Революционный Петроград вновь приковал к себе внимание всей России и всего мира. Рабочие и солдаты, выведенные из терпения, с оружием в руках вышли на улицу и выставили основное требование момента: переход власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Непосредственным поводом к выступлению послужил острый кризис во временном коалиционном правительстве. Мы, революционные социал-демократы, всегда указывали на незаконное сожительство во временном правительстве представителей демократии со ставленниками контр-революционной кадетской буржуазии. Это сожительство не могло быть длительным. Перед революционной властью в России стоят вопросы мировой исторической важности.

Вопрос о войне и мире, вопрос об экономической разрухе, о доведении революции до демократической республики, национальный вопрос, земельный вопрос и т. д., по всем этим вопросам интересы широких масс народа, с одной стороны, и октябристско-кадетской империалистической буржуазии, с другой,—диаметрально,противоположны. Кадетская буржуазия была и остается врагом революции и демократии.

Всероссийский С'езд Советов, состоявшийся недавно, поручил министрам социалистам вести мирную политику по отношении к Финляндии и Украине и итти навстречу их справедливым требованиям. А это разве могли переварить великорусские империалисты из кадетской партии? И телеграф принес нам известие, что именно при обсуждении украинского вопроса 4 буржуазных министра, по требованию их партии, ушли из правительства.

Недавно мы узнали также, что социалиста Прокоповича буржуазные министры не пожелали принять на пост министра торговли и промышленности, т. к. он заявил свое согласие с экономической программой Скобелева. Эта мотивировка указывает на то, что внутри министерства назрел уже острый кризис по вопросу об экономической политике.

И действительно могут ли представители капитала примириться с социальными планами обложения прибылей капиталистов, с желанием обуздать алчность и беззастенчивые грабительские аппетиты мародеров тыла? Конечно, нет.

С'езд потребовал принять немедленно меры, чтобы контр-революционная государственная дума и государственный совет были разогнаны. Чтобы реакционные старички, кующие там заговоры против революции и получающие до сих пор сотни тысяч рублей жалованья из народной казны, не действовали под фирмой государственных учреждений.

Волю с'езда должны были исполнить социалисты-министры. Но разве Милюковы, Родзянки и Маклаковы, могли без боя сдать свои крепкие позиции? А князь Львов ведь открыто заявил, что он никакого разгона не допустит.

Ясно, что при этих условиях никакого мира и соглашения в коалиционном правительстве существовать не могло. Кризиса нужно было ждать с минуты на минуту.

Вспомним еще вопрос о войне, о внешней политике. Как бы далеко не зашли Керенский и другие герои наступления в своем прислужничестве российским и английским империалистам, они не могли удовлетворить жадности нашей буржуазии, стремящейся к войне до „победоносного конца" и разгрому Германии. Половинчатая и двусмысленная мелко-буржуазная тактика социалистов-министров, которые с одной стороны кричат о наступлении, а с другой стороны по требованию с'езда продолжают попытки вступить в переговоры о немедленном заключении мира без аннексий и др.—ясно, что и здесь не могла не привести к разногласиям и кризису.

Кризис разразился. Петроградский гарнизон и рабочие вышли на улицу и сказали запутавшимся в своей политике меньшевикам и эс-эрам: пора опомниться. Пора бросить нелепые надежды—совершить революцию путем соглашения с контр-революционерами. Берите власть в свои руки.

Но поймут ли наши правящие, якобы-социалистические партии этот властный голос жизни или будут все еще упорствовать в своем тупом непонимании интересов революции?

„Бакинский Рабочий" № 23
7 июля 1917 г.

Еще раз о клеветниках.[2)]

История нас учит, что классы вымирающие, классы умирающие в борьбе с противником прибегают к самым недостойным приемам, не останавливаясь ни перед какими средствами, вплоть до подлогов, шантажа, провокации и т. д.

И чем ближе конец умирающему классу, тем все более и более он падает ниже в своих приемах борьбы, тем менее он разбирается в средствах.

Наше павшее самодержавие в последние десятилетия только и держалось на том, что, само будучи сплошь подкупным и изменническим, обвиняло своих политических противников в подкупности и измене. В чем только не обвиняли слуги самодержавия вождя кадетской партии Милюкова? Давно-ли Дубровины и Пуришкевичи утверждали, что Милюков и вся кадетская партия подкуплены финляндцами и „жидами“? Называли даже определенную сумму, полученную ими.

Давно-ли царское правосудие отправило на каторгу социал-демократов меньшевиков второй думы, в том числе нынешнего министра Церетелли, обвинив в заговоре и измене России?

Нет, все это было совсем недавно. И однако, та самая партия, которая старым режимом обвинялась в подкупности и измене, партия кадетская, теперь став господствующей, больше всего и пользуется теми низкими приемами борьбы, которые были свойственны павшему режиму. Гр. Милюковы, заняв места Дубровиных, подняли то самое грязное оружие, которое выпало из рук самодержавия.

Против кого же они подняли это оружие? Против наиболее сейчас революционного класса—пролетариата, представленного политически большевизмом.

В чем только не обвиняется большевизм? И в подкупе германцами, и в измене, и в провокации. Ежедневно в десятках миллионов экземплярах газет и листков буржуазия упорно и систематически внушает бессознательным массам, что большевизм есть результат провокации.

Великое пролетарское движение, движение миллионных рабочих масс в воображении политически безграмотных людей представляется в виде затеи кучки „ленинцев“, или даже попросту германских шпионов.

Нет ничего легкомысленнее и ничего преступнее политически, как об‘яснение возникновения общественных движений провокацией.

Ни одна партия в России не дала таких крупных провокаторов как партия эсеров. И несмотря на это, ни один политически честный человек не допустил бы и мысли, что крестьянское движение в деревнях, или работа мелкобуржуазной интеллигенции в городах есть продукт провокации.

Те, которые подсылали к эсерам провокаторов, и те, которые эсеровское течение об‘ясняли провокацией—все они теперь жестоко наказаны: партия эсеров сейчас есть одна из господствующих партий.

Но, так как она уже господствующая партия, то все забыли о том, что из ее среды вышли знаменитые провокаторы: Азефы, Богровы, Гапоны и т. д.

Буржуазия забыла о „финляндских деньгах“, об эсеровских и меньшевистских провокаторах, и все свое внимание сосредоточила на большевизме.

И это понятно. Чтобы царствовать безраздельно, буржуазии нужно задушить политически пролетариат. Мелкая буржуазия, эсеры и меньшевики никогда не осмелятся выступить решительно, самостоятельно против нее.

Это, повидимому, сознают и некоторые смышленные мелко-буржуазные политики. Так, газета „День“, ведущая все время яростную кампанию против большевизма, уже пишет: „Если бы в нашей революционной истории не было ленинцев, их бы выдумали. Иначе, как же бороться с революцией?“.

Это сущая, святая правда, высказанная правой эсеровской газетой. Контр-революционная буржуазия опорочивает ленинцев, выставляет их как изменников революции, именно ради борьбы с этой революцией. Но, высказав эту мысль, эсеры никогда не должны забывать ее. В своей борьбе против большевизма эсеры и меньшевики зашли слишком уже далеко. И в политическом азарте они очень легко могут оказаться перед лицом контр-революционного зверя в лице союза буржуазии с самодержавием.

Телеграф сообщает, что Бюро Центр. Комитета совета р. и с. д., по требованию большевиков, постановило в виду распространения в буржуазных органах прессы и публичных листках слухов, порочащих большевиков, принять меры к расследованию дела.

Пусть будет суд. Но пусть это будет суд не контр-революционной буржуазии, а свободной революционной демократии.

Пусть выяснится перед всей Россией, кто они—эти безчестные клеветники, изо дня в день отравляющие сознание масс. Пусть выступит на поверхность вся грязь, накопившаяся в продажной желтой прессе, обслуживающей интересы гниющей буржуазии.

P. S. В последнюю минуту получено печатаемое выше воззвание Бюро Всероссийского Центр. Исп. Комитета, в котором авторитетный орган русской революции слухи о связи большевиков с германским правительством называет злонамеренными и провокаторскими и приглашает граждан не верить этим слухам. Мы рады, что центральный орган русской демократии, наконец, опомнился.

„Бакинский Рабочий“ № 24
9 июля 1917 г.

Петроградские события.[3]

Смысл происшедших в Петрограде событий остается для многих неясным. Ищут, по методу слуг бывшего царя, подстрекателей, хотят обвинить в этом большевиков, обвиняют русских солдат, рабочих и матросов, что они действовали под влиянием немецких агентов провокаторов; хотят об'явить протестующих врагами родины и революции, угрожают репрессиями и расправой. Это ли не приемы старого самодержавного правительства—тут весь арсенал аргументов, лжи и клеветы бывших клевретов бывшего царя.

И, действительно, социалистический пролетариат, революционная армия и матросы, об'являются врагами революции, а князь Львов, Терещенко, Мануйлов, Гучков, Родзянко и прочие контр-революционеры об'являются защитниками революции. Большего смешения понятий и более смехотворных утверждений трудно представить себе. Но кто внимательно следил за развертывающимися в Петрограде событиями, для того не могло быть неожиданностью последнее выступление петроградского пролетариата и гарнизона.

Недовольство политикой Временного Правительства среди петроградских рабочих и солдат наростало все более и более. Враждебное и недоверчивое отношение к министрам-„социалистам" все более усиливалось.

Они с нетерпением ждали с'езда советов р. и с. д. в надежде, что они возьмут власть в свои руки; но с'езд выразил доверие коалиционному министерству, министерству, которое сквозь пальцы смотрело на контр-революционную и империалистическую агитацию в стране, министерству, которое рабски следовало указке английского капитала. Это подлило масла в огонь. Рабочие и солдаты Петрограда стали готовиться к демонстрации 10-го июня. Как же отнеслась наша „правящая" партия меньшевиков и с.-революционеров к широкому недовольству рабочих и солдатских масс?

Если бы они были настоящими социалистами, настоящими демократами, они чутко должны были прислушаться к биению народного пульса, выяснить причины народного недовольства и устранить эти причины. Социалист не может и не должен применять насилия к революционным солдатам, крестьянам и рабочим.

Между тем наши министры-„социалисты“ стали говорить со злобой, с пеной у рта, о заговоре, о необходимости обезоружить петроградский пролетариат и гарнизон.

Так не могли говорить социалисты. Они должны были понимать, что широкое общественное движение вызывается глубокими социально-политическими причинами, а не деятельностью отдельных лиц, как бы талантливы они ни были. Если большевизм нашел отклик широких масс, это значит, что он имеет почву и репрессиями его не уничтожишь, что большевизм выражает чаяния народных масс. А недовольство рабочих масс имело глубокие причины. Из заявления кн. Львова мы узнаем, что у коалиционного правительства была определенная контр-революционная программа: „решительная и последовательная борьба со всякого рода захватами земель, посевов, инвентаря... устранение всяких попыток к разрешению коренных вопросов будущего устройства России до учредительного собрания“. Когда министры-„социалисты“ потребовали от кн. Львова „об‘явления в России республиканского образа правления, уничтожения Государственной думы и проведения в жизнь законопроектов по земельному вопросу, выработанных министром земледелия Черновым“, кн. Львов оставил пост министра председателя.

Пролетарские и солдатские массы здоровым инстинктом почувствовали истинный характер деятельности коалиционного министерства. Недовольство в рабочих и солдатских массах наростало со страшной быстротой.

Кризис в коалиционном министерстве толкнул рабочие и солдатские массы на улицу, чтобы положить конец этому незаконному сожительству.

А теперь ищут агитаторов, подстрекателей.

А между тем из газеты „Новая Жизнь“ мы узнаем, что „на фракционном заседании большевиков было постановлено отправиться представителям фракции во все полки,

в которых по сведениям Исполнительного Комитета заметно брожение, для призыва подчиниться воззванию Исполнительных Комитетов".

Следовательно, здесь не было подстрекателей, было возмущение стихии против контр-революционной деятельности правительства. Теперь хотят карать, судить, расправу производить. Опомнитесь, господа. Вы рубите тот сук, на котором сидите.

Расправа с революционным Петроградом есть расправа с революцией, есть торжество контр-революции.

Помните, что Петроград есть самая сознательная, самая активная часть русской демократии. Прислушайтесь к ее голосу.

„Бакинский Рабочий" № 25.
12 июля 1917 г.

Позор.

Вожди стомиллионной мелкобуржуазной демократии России—наши министры-„социалисты“ пали слишком низко. Они воспользовались выходом на улицу петроградских рабочих и солдат. Они приписали им желание силою оружия свергнуть временное правительство, вызвали реакционные войска из провинции и устроили кровавую бойню петроградским рабочим и солдатам.

Верно, что петроградские солдаты вышли с оружием в руках. Но они выходили с оружием во время мирных манифестаций и прежде: и во время похорон жертв революции, и в день праздника 1-го мая. Они выходили с оружием в руках не с тем, чтобы пускать его в ход. Они в данном случае могли выйти с оружием в руках, боясь нападения со стороны контр-революционеров.

И они не ошиблись. Против них был подготовлен заговор. Их начали расстреливать, вызвали их самих на вооруженное сопротивление. И тогда уже напустили на них озверевшие войска, специально выписанные для усмирения революционного Петрограда. Это позор. И этим позором покрыли себя навеки люди, именующие себя „социалистами“—Керенский и Церетелли. Это была их заветная мечта: потопить в крови петроградское движение, идущее под знаменем революционной социал-демократии—под знаменем большевиков.

Мало того, Керенский и Церетелли покрыли себя худшим позором. Они допустили распространение гнусной клеветы против Ленина и других вождей большевиков, будто они работают на немецкие деньги. Спросите Церетелли, он глубоко убежден, что это ложь. Но он—и еще больше, чем он Керенский—пустили в оборот эту гнусную ложь, чтобы дискредитировать большевизм, чтобы легче было справиться с революционным Петроградом.

Так поступали с рабочими во всех буржуазных революциях. В известный момент они всегда оказывались „вра-

гами порядка“ и „изменниками родины“. И их расстреливали „во имя свободы“, „во имя революции“...

„Изменник“ Либкнехт сидит в германской каторжной тюрьме; Адлер—в австрийской; „изменник“ Маклин сидит в английской тюрьме. Нашли и в России „изменника“ Ленина.

В догонку летят преступные сообщения с фронта: старые царские генералы, увлекшие в безумную авантюру Керенского, перед лицом грозной катастрофы хотят свалить вину на большевиков. Во всех неудачах, во всем позоре, переживаемом армией, они обвиняют большевиков.

История едва ли знает более грандиозную провокацию против революционной партии. Всю темную Россию, бьющуюся в конвульсиях и ищущую выхода из тяжелого кризиса, всех обывателей и крестьян хотят натравить на большевиков.

Какой позор для наших правящих партий, для меньшевиков и эсеров.

„Социалист“ Керенский, встречавший войска, выписанные для расстрела петроградских рабочих, кричал им: „Пусть будут прокляты те, кто в дни тяжких испытаний предают родину“.

Мы присоединяемся к этому кличу:

„Пусть будут прокляты те, кто действительно предает родину и революцию“.

„Пусть будут прокляты те, которые творят контр-революцию, прикрываясь при этом именем революционеров и социалистов“.

„Бакинский Рабочий“ № 26.
14 июля 1917 г.

Революция в опасности.[1]

В сегодняшнем номере нашей газеты читатель найдет материалы, проливающие свет на события в Петрограде. Доклад Войтинского в Петроградском Совете, речь Ларина, письмо Троцкого и т. д.—выясняют с полной очевидностью, что то об'яснение, которое давала наша газета петроградским событиям, вполне соответствует действительности.

С другой стороны, ряд заметок и сообщений, печатаемых ниже (письмо Ленина, письмо Горького, сообщение из Стокгольма и т. д.) разоблачают тот гнусный клеветнический поход, который был начат против лучших вождей рабочего класса, с целью нанести решительный удар революционному движению.

Но газеты приносят нам известия другого характера.

Наши „правящие“ (теперь уже приходится это слово ставить в ковычки) партии в Петроградском совете, так же как и в Москве и в др. городах, бьют отбой, выступают в защиту большевиков и кричат о контр-революции справа.

Увы, кажется, уже слишком поздно. Благодаря их попустительству и содействию контр-революция окрепла настолько, что она грозит самому существованию советов рабочих депутатов.

Столичные газеты приносят известия, что реакционные войска, пригнанные в столицу для усмирения большевиков, справляют дикие оргии на улицах Петрограда.

Любимые войска Керенского бесчинствуют, громят все рабочие организации, арестовывают без ордеров и без разбора и большевиков, и меньшевиков, и эсеров. „В военном штабе—сообщает „Нов. Жизнь“ —без стеснения, открыто, говорят о том, что необходимо покончить и с Чхеидзе“....

В первые дни событий мы высказывали уверенность, что революционные выступления масс немедленно приведут к тому, что Центр. Исполнит. Ком. с. р. и с. д. и Исп. Ком. крестьянских депутатов, возьмут власть в свои руки,

и один из коренных вопросов русской революции будет разрешен на благо демократии. Оказалось, что мы были слишком хорошего мнения о наших „правящих“ партиях. Вместо того, чтобы пойти с революционными рабочими и солдатами, Исполнит. Комитет дал свою санкцию Керенскому —на вызов реакционных войск и на разгром петроградского движения.

Исполнит. Комитет советов тем самым подорвал тот сук, на котором он сидел. Он дискредитировал себя окончательно в глазах революционных масс и лишился всякой опоры, всякой силы.

Теперь, идущая к торжеству контр-революция может легко расправиться и с этим „авторитетным органом революционной демократии“...

Да, мы дожили до ужасных дней.

Уже поговаривают о том, чтобы выкинуть из правительства Чернова; говорят об уходе других министров-социалистов. Военный министр и премьер Керенский ведет переговоры с буржуазией о создании нового буржуазного временного правительства.

Положение грозное. Революция действительно в опасности.

Время, чтобы все честные революционеры—из рядов наших противников, меньшевиков и соц.-революл.,—задали себе вопрос, куда нас завела их тактика.

Следите особенно, товарищи, за поведением Керенского. Мы полагаем, что он зашел так далеко, что ему уже нет возврата в ряды демократии. Мы говорим это не для полемики, не для того, чтобы ущемить чье-либо самолюбие.

Мы никогда не считали положение столь грозным и единение в рядах революционной демократии столь необходимым, как сейчас.

Революция в опасности. Буржуазная контр-революция близка к своему торжеству. Нам нужна самокритика, нужна бдительность. Необходимо критическое отношение к вождям.

Продолжение ошибочной тактики неминуемо и в ближайшее время приведет к полному торжеству контр-революции.

Газета „Баку“ торжественно сообщает: „Ленин бежал в Германию“.

Будет ли предел когда-нибудь той гнусной лжи, которая ежедневно переполняет буржуазные газеты. Грязная уличная „Биржевка“ выдумала эту очередную гнусность, лишенная стыда и совести газета Вермишева крупными буквами возвещает эту гнусность своим читателям.

Вероятно завтра та же газета опровергнет это лживое сообщение, но зато она знает, что сегодня эта телеграмма уже сделает свое дело.

Кроме того, ведь завтра та же газета сообщит какую-нибудь новую гнусность по адресу Ленина и его друзей.

Г-да Вермишевы знают, что они делают...

„Бакинский Рабочий“ № 28.
19 июля 1917 г.

Ответ гр. Вермишеву.[5)]

В открытом письме, обращенном ко мне, вы пишете:

„Я обвиняю группу социал-демократии, руководившую митингами, происходившими в тифлисской городской думе в августе 1905 года, в том, что благодаря ее общей тактики и поведению председателя митинга, бывшего в тифлисской городской думе 29 августа 1905 года, публика, собравшаяся на этом митинге, подведена была под расстрел; вместе с тем я утверждаю, что та же тактика этой группы лишила меня всякой возможности влиять на ход событий, приведших к этому расстрелу; что, со своей стороны, та же группа сделала все, чтобы лишить меня, как городского голову, всякого авторитета в глазах собравшейся в думе публики.

Я утверждаю одновременно, что все указания газеты „Бакинский Рабочий", приведенные в № № 21, 27, относительно моей роли в этом расстреле и др. являются совершенной ложью.

Кто из нас прав, я или газета „Бакинский Рабочий", в лице вашем, пусть решит межпартийный суд в составе представителей политических партий в Баку, по одному от каждой за исключением той фракции социал-демократии, которая обвиняется мною по п. 1 этого моего предложения.

Кто из нас будет обвинен во лжи, тот обязан прекратить навсегда всякую общественную деятельность".

Предложение ваше, гр. Вермишев, ни с чем не сообразно.

Тифлисская организация меньшевиков 12 лет тому назад выдвинула против вас публично тяжкое обвинение. Вы за это время себя не реабилитировали. Такой суд, какой вы предлагаете мне сейчас, вы могли устроить всегда с вашими обвинителями, но вы этого не сделали.

При таких условиях всякий гражданин в праве бросить вам упрек на счет вашей репутации.

Теперь, выждав 12 лет, вы гордо выступаете. И сразу —от обороны переходите в наступление. Вы сами обвиняете тифлисских меньшевиков в том, в чем они обвиняли вас.

Но будете вы обвинять или оправдываться, ясно, что вы имеете дело с Тифлисом.

Мы не уклоняемся от суда, мы готовы держать ответ перед кем угодно за то, что мы пишем в нашей газете. Но подумайте, г. Вермишев, какой смысл имеет для вас суд с нами.

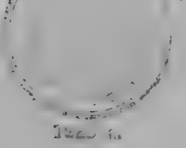
Мы сказали вам, что в Тифлисе вам брошено „убийственное“ обвинение, которое до сих пор с вас не снято. Это ли вы называете ложью?

Помилуйте, ведь вы не отрицаете того факта, что в вас это обвинение брошено. Что же вы называете ложью? Очевидно, самое обвинение, брошенное вам тифлисскими меньшевиками. А это обвинение ясно, что может быть проверено только в Тифлисе. Там живы еще люди, которые обвиняли вас. Те же вожди стоят во главе организации. Там найдутся сотни свидетелей, которые могут помочь суду выяснить истину. Если бы даже здесь в Баку был назначен суд, он должен был бы расследовать дело по существу в Тифлисе.

Нет, гр. Вермишев, не бросайтесь из стороны в сторону. Если вы действительно ищете суда, который выяснил бы истину, а не делаете только вид, что кого-то хотите привлечь, кого-то хотите уличить во лжи,—вы должны обратиться к тем, которые открыто, громко, публично бросили вам свое обвинение.

Еще раз, гр. Вермишев,—в Тифлис,—вот, куда вам следует обратиться. И, я думаю, гр. Вермишев, всякая полемика между нами по этому вопросу излишня.

„Бакинский Рабочий“ № 29.
21 июля 1917 г.



„Мертвецы“ Государственной Думы.

Когда большевики на с‘езде советов р. и с. д. требовали роспуска Государственной думы и Гос. совета, наши министры отвечали,—стоит ли беспокоиться и говорить об этих „мертвецах“, революция-де сама уже смела и упразднила их.

Теперь „мертвецы“ воскресли. Телеграф принес известие о частном совещании членов думы 18 июля. И вы посмотрите каким языком заговорили „мертвецы“.

Масленников заявляет, что „к думе, возгласившей революцию, примазалась кучка проходимцев, предателей, назвавшихся исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов“. Кто такие эти „проходимцы“ и „предатели“? Это, очевидно, прежде всего Чхеидзе, а также Церетелли, Керенский и др., ставшие министрами, как члены исполнительного комитета.

Пуришкевич заявляет: „Правительство не может терпеть параллельно с собой власти сов. рабочих и солд. деп... нужно распустить советы. Да здравствует дума, единственный орган, способный спасти Россию“.

Вот как заговорил Пуришкевич, которого, по выражению Мартова, „в течение 4-х месяцев не смогли посадить туда, куда сажают теперь большевиков“...

В речах ораторов упоминается Михаил Александрович, который отказался будто бы от трона только в пользу Государственной думы.

Родзянко заявляет в конце, что он „разделяет мнение Масленникова“ (это о „проходимцах“ и „предателях“ из Исполнительного Комитета), но находит, что „еще не настал психологический момент“.

А кн. Львов констатирует, что „выступление членов думы вызвано любовью к России, которая заставит нас итти на все“...

Вот каким языком заговорили „мертвецы“ из думы.

И это тогда, когда „психологический момент еще не наступил".

Что же мы услышим и увидим тогда, когда этот „момент наступит"?

А он наступит очень скоро. Политика, которую ведут Керенский и Церетелли, ведет нас семимильными шагами к полному торжеству контр-революции.

„Бакинский Рабочий" № 30.
23 июля 1917 г.

Реакция.

Каждый день приносит все новые и новые факты, которые говорят о все усиливающейся реакции. В первую очередь, поднявшая голову реакция требует уничтожения большевизма, как революционного течения, как партии. Временное Правительство, желая вступить в сделку с контр-революцией, идет навстречу этим требованиям. Дело о шпионстве Ленина и др. создано контр-революцией: она хочет создать новое дело Дрейфуса.

Ц. И. К. с. р. и с. д. создал было комиссию для расследования этого гнусного обвинения, но под давлением контр-революционной буржуазии комиссия должна быть распущена. Этим самым орган демократии спасовал перед контр-революцией и выдал ей наших товарищей. Результаты этого уже сказались: телеграф принес известие, что „министерство юстиции опубликовало некоторые данные“, послужившие основанием для их привлечения к судебной ответственности по обвинению „в измене и организации вооруженного восстания“. Но телеграф не сообщает нам, каковы эти данные.

Быть может данные министра юстиции равноценны данным Алексинского и Бурцева. Какое дело контр-революции до основательности обвинений, ей нужно хоть на время парализовать деятельность лиц опасных контр-революции; а затем пусть суд оправдает обвиняемых и покажет вздорность этих „данных“; к тому времени дело будет сделано, цели контр-революции будут достигнуты.

А наступательное движение контр-революции все продолжается: № 110 Московск. „Соц.-Дем.“ сообщает нам, что дни его сочтены, что по Москве ходят слухи о его закрытии.

Разгул контр-революции все усиливается и заносит свою руку прежде всего на рабочую печать, прекрасно понимая, какое это просветительное и организующее сред-

ство. От арестов большевиков и закрытия их газет перешли к арестам представителей других партий. „Новая Жизнь“ сообщает:

„По распоряжению Правительства Спасения Революции, в ночь на 16 июля т. г. арестованы в Гельсингфорсе б. члены Северного Областного Комитета партии с.-р. А. Устинов (Безземельный) и П. Прошян. Всего арестовано 15 человек“.

Наступательное шествие контр-революции может быть остановлено только в том случае, если советы раб. и крестьянских депутатов в последнюю минуту отвернутся от контр-революции и возьмут власть в свои руки. Думаем, что эта минута не совсем упущена.

„Бакинский Рабочий“ № 31.
26 июля 1917 г.

О кадетском с‘езде.

Кадеты на своем с‘езде празднуют победу. И они вполне правы. Между революцией, с одной стороны, и контрреволюцией, с другой, иными словами: между партией революционного пролетариата (большевиками) и кадетской партией, шла ожесточенная борьба за влияние на стомиллионную мелкобуржуазную демократию России. Бешеная агитация большевиков за переход власти в руки советов означала именно стремление революционного пролетариата оторвать мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков от влияния Милюковых и Гучковых, от рабского подчинения русскому и союзному империализму. Это был единственный путь спасения революции.

Но трусливая нерешительность вождей стомиллионной организованной демократии России превратилась в преступное предательство. В решительную минуту, когда нужно было сделать выбор: или с рабочим классом против буржуазии или с буржуазией против рабочего класса, советская демократия предпочла союз с буржуазией.

Мы говорим, что, выступая по требованию Милюковых против революционного пролетариата и солдат, меньшевики и эсеры подрубают тот сук, на котором они сидят. Они этого не понимали. Они не понимали вообще настойчивых и неистовых требований большевиков о переходе власти в руки советов. И в своем непонимании и нерешительности они дошли до явного предательства революции.

И Милюков торжественно провозглашает на с‘езде: мы победили! „Новое правительство осуществляет нашу программу“, говорит он. Церетелли, сторонник старой политики, уже ушел из правительства, уйдет скоро и Чернов,—обещает Милюков кадетскому с‘езду.

Кадеты добились отказа советов от контроля над деятельностью правительства. Добились даже того, чтобы „социалисты“-министры не отчитывались перед советами, хотя казалось бы, какое им до этого дело!

И правительство уже осуществляет программу кадетов. Учредительное собрание отложено. Московское совещание, против которого возражали советы, назначено. Власть советов приравнена к нулю.

„Теперь никто уже не говорит о мире"—заявляет министр иностранных дел Терещенко. Если союзные правительства до сих пор считались с внешней политикой советов, видя в них властных выразителей воли русского народа, они теперь отзываются презрительно об этой политике и говорят о необходимости покончить с разговорами о стокгольмской конференции. С другой стороны, военная политика временного правительства, услужливо начатая приказчиком империалистов Керенским еще до окончательного перехода его в кадетский лагерь, затем вся антидемократическая внутренняя политика правительства и, в частности, гонения против Финляндии,—подорвали всякое доверие к советам в рядах интернационалистской пролетарской демократии в союзных и враждующих странах.

Да, кадеты вправе торжествовать победу. Наши „правящие" партии—меньшевики и эсеры уже сдали им все свои позиции.

Но долго-ли г-да кадеты будут в роли победителей, это, конечно, другой вопрос.

Мы полагаем, что не надолго. „Будь, что будет, а все-таки будет праздник и на нашей улице"—говорил Чернышевский. Да, будет праздник и на улице у истинно-революционной демократии России!

„Бакинский Рабочий № 35.
4 августа 1917 г.

Политика малых дел.

Все обыватели и партии, отражающие обывательскую психологию, могут облегченно вздохнуть, как это делает бакинская меньшевистская газета „Социал-демократ"—кризис власти миновал, образовалось новое Вр. Правительство. Оно облечено самыми широкими полномочиями, оно имеет право в корне пресекать всякую классовую борьбу, всякий „беспорядок". Обыватель может быть спокоен: министр внутренних дел и министр военный получили право запрещать всякие собрания, с'езды (как хорошо „социалисты"-министры усвоили язык царских министров!), любая газета может быть закрыта министерским распоряжением, любая группа граждан может быть лишена свободы.

Ура! У нас есть твердая власть! Граждане города Глупова могут заснуть тем богатырским сном, каким они спали до революции.

Но теперь мы позволим обратиться в другую сторону, к рабочим, солдатам и крестьянам.

Подумаем, товарищи, чего стоило революционной демократии образование этой твердой власти.

Посмотрим, как защищали вожди большинства революционной демократии—соц.-революционеры и меньшевики —интересы революции, права органов революционной демократии.

Теперь министры ответственны „перед страной и совестью". Следовательно, революционная демократия лишилась самого главного своего права, права влиять на власть—это важное завоевание революции вожди большинства советов —меньшевики и соц.-революционеры уступили добровольно, в этом больше всего повинен кумир империалистической буржуазии, Керенский, который вел переговоры с буржуазными партиями. Советы не только отказались от власти, они отказались даже влиять на власть.

Результаты этого уже сказываются: постепенно верные слуги бывшего царя освобождаются из заключения (Гурко, Вырубова, Штюрмер и т. д.).

Телеграф нам уже принес известие, что царь увозится из Петрограда неизвестно куда, говорят в Тобольск (подальше от революционного Петрограда), и телеграфное агентство радостно сообщает, что „Совет рабочих и солдатских депутатов никакого участия в разрешении этого вопроса не принимал“.

Союзные империалисты, раньше считавшиеся с советами, как с властными органами русской демократии, теперь заговорили другим языком.

Телеграф сообщает, что английское правительство решило не давать разрешения на поездку в Стокгольм на конференцию. Однородные решения приняты С. Штатами, Францией и Италией, с которыми британское правительство снеслось по этому вопросу.

А наше Вр. Правительство заявляет, что оно не будет делать препятствий к поездке русских социалистов в Стокгольм (этого еще не доставало!), Вр. Правительство не может усвоить (предвидеть?) ее возможного решения, которое может принадлежать исключительно и единственно решению союзных правительств.

А Стокгольмская конференция ведь затея советского большинства—очевидно, с советами перестали считаться не только союзные правительства, но и наше Вр. Прав., во главе которого стоит Керенский.

Чем же советы будут теперь заниматься? Чем они оправдают право на существование?

Представители советского большинства уже намечают программу своей деятельности.

Прежде всего они хотят попытаться наладить совместную работу с теми демократическими организациями, которые по своему характеру весьма близко стоят к советам (напр., бюро по созыву кооперативного с‘езда, профес. союзы и т. п.).

Программа, намеченная в докладе Богданова и в общем одобренная на первом заседании Бюро Исп. Ком., останавливается исключительно на вопросе об обороне страны. Предполагается „способствовать под'ему производительности заводов, работающих на оборону“, указать крестьянам на „необходимость их содействия обороне“, организовать вербовку отрядов добровольцев, активно содействовать „займу свободы“ и т. д.

Во что это хотят превратить советы вожди большинства? В военно-промышленные комитеты? Но такое служение задаче советов не приведет ли эти органы революции к окончательной гибели, чего так жаждут представители контр-революции. Советы, отказавшись от политической деятельности и вступив на путь политики малых дел, отказались от всех прежних своих задач.

„Оставляется в стороне и борьба за доведение демократизации страны до конца, и реорганизация местных институтов власти и борьба с экономической разрухой и планомерное сопротивление реальной контр-революции и, наконец, борьба за мир".

Нет, большинству советов все это не по силам, другие силы, находящиеся вне советов, должны взяться за это дело, за дело укрепления положения советов и придания их деятельности истинно революционного размаха—эти силы: революционный пролетариат и революционная армия.

„Бакинский Рабочий" № 36.
6 августа 1917 г.

Современный момент.

Революция сделала крутой поворот. Мелкобуржуазные партии (с.-р. и м-ки) и их вожди поспешно сдают позиции, постыдно предают завоевания революции, интересы пролетариата, капитулируя перед натиском буржуазии Реакция наступила. В чем и где лежат ее причины?

Нужно обладать полным непониманием переживаемого момента,—если не учесть и не оценить этого столкновения классовых противоречий, которые с необычайной яркостью проявились сейчас. Пролетариат определенно вел и ведет свою линию, диктуемую всем сложившимся положением. Требование немедленного прекращения войны, проведения решительных революционных мер в экономической области (передача земли крестьянам, рабочий контроль над производством и распределением и т. д.), передача всей власти советам—вот платформа, на которой вел свою борьбу пролетариат.

С другой стороны, буржуазия,—особенно при поддержке английских, американских и французских империалистов столь же определенно вела свою классовую линию. Затягивание и разжигание войны—вот ее основной девиз. Поэтому для нее так ненавистны были всякие выступления в пользу мира и с таким скрежетом она проклинала „циммервальдизм“. Экономическая программа ее была также намечена вполне ясно. Еще в начале июня на конференции предпринимателей в Москве была принята резолюция, не допускающая вмешательства в хозяйственную жизнь и особенно резко высказывающаяся против рабочего контроля.

В области организации государственной власти буржуазия, особенно в лице кадетов, добивалась такой власти, которая выполняла бы полностью ее задачи, фактически шла бы под ее контролем, этого требовал и Милюков и К-о. Для достижения последнего они не прочь оставить в министерстве даже пару, другую „социалистов“ (вроде Керен-

ского или Церетелли). Это требуется для сохранения „демократического“ тона.

Между этими основными политическими и экономическими линиями шла ожесточенная борьба.

Жизнь оправдывала линию пролетариата и его влияние росло. Апрельский (20—20), июньский и, наконец июльский кризисы государственной власти характеризовались „выталкиванием“ буржуазии с министерских постов. При выборах в городские думы буржуазия всюду потерпела поражение.

Землей фактически распоряжались крестьяне, росло влияние рабочих в области контроля над производством. Это озлобляло буржуазию и она прибегала к локаутам и саботажу, как в экономической, так и в политической областях; закрытие заводов, бойкот мест и т. п. стало ее орудием борьбы. Гужон в экономической области проводил ту же линию, как Коновалов—в политической. Между этими двумя борющимися силами находилась мелкая буржуазия.

Вся беспомощность, трусость, бездарность и предательство политической линии мелкой буржуазии и ее вождей (Керенских, Церетелли, Данов и К-о) была продемонстрирована необычайно ярко в эти месяцы, полные напряжения и борьбы перед всем миром. Если в начале мелкая буржуазия шла под сильнейшим давлением пролетариата и рост влияния советов—знаменовал этот факт, то вместе с тем уже слагались те условия, которые заставили ее переметнуться на сторону буржуазии.

Особенное значение имели два обстоятельства: финансы и война. Заем Свободы—фактически вышел неудачным. Положение было критическое. Это обстоятельство вынуждало или на решительные, революционные меры в области финансовой и экономической, или обращение к карманам отечественных и иностранных капиталистов, дальнейшее заключение займов и просьбы о финансовой поддержке.

Был избран второй путь.

В этом сказалась зависимость мелкой буржуазии от крупной.

Второе обстоятельство—война.

Наступление, предпринятое при одобрении правящих партий с.-р. и м-ов и его крах—вот внешний толчек, побу-

дивший мелкую буржуазию быстро повернуть на путь реакции и искать спасения в об‘ятиях крупной буржуазии.

Вожди мелкой буржуазии в своей положительной деятельности оказались банкротами.

Ни в экономической, ни в политической областях они не могли вести жизнь по определенному руслу и разрешить поставленные задачи. И они как за якорь спасения, схватились за буржуазию, ища у ней спасения.

Они сейчас в политическом страхе банкротов выполняют все, что от них требует буржуазия. Их руками производится разгром левых социал-демократов (большевиков), их приказом войскам об‘явлена смертная казнь, это позорнейшее явление,—дальше идти некуда. Мелкобуржуазная реакция господствует. России предстоит пережить трудное время упадка, изжить мелкобуржуазные иллюзии. Но тем яснее выдвигается творческая роль пролетариата и тем определеннее на очередь ставится вопрос о пролетарской диктатуре при поддержке беднейших слоев крестьян.

Политика мелкой буржуазии оказалась несостоятельной во всех отношениях. Господство крупной буржуазии—приведет лишь к новой революции.

„Бакинский Рабочий“ № 38.
11 августа 1917 г.

Печать.[*]

В номере от 15 августа газ. „Баку“ помещена статья Д. Киреева под заглавием: „К прорыву на Рыжском фронте“.

Оказывается, вся вина за этот прорыв ложится на газ. „Бакинский Рабочий“.

„Г. г. Шаумяны могут быть довольны — пишет г. Киреев — их пропаганда и призывы по какому-то электрическому току передаются полкам, самовольно оставляющим позиции.

И полной нелепостью после этого представляется смертная казнь на фронте. Из Баку чуть не каждую неделю отправляются туда роты темных, полуграмотных людей, их предварительно здесь начиняют лозунгами: „Да здравствует братство народов“, „Долой войну“, и, когда они там, под страхом смерти, бегут с позиции, их начинают предавать смертной казни.

Великое преступление берем мы все над этим, когда попустительствуем этому. Виноваты в этом не г. г. Шаумяны, у которых на этот счет, конечно, существуют свои планы и которых единицы, виноваты мы, которые смотрим на все это равнодушными глазами и которых миллионы“.

Итак — пропаганда „Бакинского Рабочего“ по какому-то „электрическому току“ передается на Рижский фронт, и немцы прорывают его. Казнят там бедных солдат, когда этой казни заслуживают „г. г. Шаумяны“.

Если г. Киреев и не больно умен, зато, повидимому, достаточно кровожаден.

Обратите еще внимание на особые „планы“, которые „конечно“ имеются у г. г. Шаумянов на счет прорыва Рижского фронта...

Ах, вы, жалкие инсинуаторы.

В последнем номере „Кавк. Телеграфа“ ополчается против нас сам г. Вермишев. В кратком отчете о поездке в Тифлис по вопросу о присоединении промыслов нами было указано, что Вермишев и Ашуров пытались запугать Осо-

бый Закавказский Комитет возможностью протестов и эксцессов со стороны мусульманского населения. Г. Вермишев отрицает это. Мы утверждаем, что это был основной довод наших противников, хотя и выраженный в осторожной форме. И единственной причиной того, что ходатайство Бак. Исп. Ком. не было немедленно полностью удовлетворено, было именно то, что Чхенкели боялся осложнений на этой почве, как это и было им заявлено.

Недоволен г. Вермишев и тем, что мы не сообщили нашим читателям об одном... приеме, пущенном им вход против нас во время обсуждения этого вопроса в Особом Зак. Ком. Исчерпав все доводы, г. Вермишев извлек из кармана номер „Бакинского Рабочего" и обратил внимание членов Особ. Зак. Ком. на то, каким языком говорят по их адресу в этой газете. А там было сказано, между прочим: „если-б бакинские рабочие более энергично и решительно требовали присоединения промыслов, Особ. Зак. Ком. не посмел бы отказать им в этом".

Вот—мол, как по вашему адресу выражается газета, редактируемая Шаумяном.

Г-н Вермишев находит, что наш референт „благоразумно умолчал" об этом. Что-ж, пусть теперь читатель знает об этом поступке г. Вермишева и пусть оценит его по достоинству.

Со своей стороны я сообщу по этому поводу г-ну Вермишеву следующее. Когда он читал членам Особ. Зак. Ком. указанную выдержку из „Бак. Раб." я не удержался, чтоб не сказать сидевшему рядом со мной тов. Тер-Аракелову:

„Вермишев без провокации и доносов жить не может"...

„Бакинский Рабочий" № 41.
18 августа 1917 г.

Политика Временного Правительства и национальности.[7)]

В начале революции все социалистические партии заявляли, что они за самоопределение национальностей.

На с‘езде советов было решено настаивать перед Вр. Правит. на принятии следующих мер по отношению к Финляндии:

„1) Признание за сеймом права издания для окончательного одобрения всех законов, касающихся Финляндии, за исключением области внешней политики и вопросов военного законодательства и управления; 2) признание за сеймом права решать вопрос о созыве и роспуске сейма; 3) признание за финляндским народом права определять свою исполнительную власть“.

Такова же должна была быть политика по отношению к остальным национальностям, напр. к Украине.

Еще раньше некоторыми представителями теперешнего Вр. Правит. были сделаны очень категорические заявления представителям финского народа.

Министр труда Скобелев и председатель Ц. И. К. сов. р. и с. д. Чхеидзе осенью 1915 года заявили финляндцам, что „когда настанет время свободы, то судьба финляндских дел должна быть оставлена во власти сейма“.

В этом же смысле было сделано заявление теперешним министром-председателем Керенским.

Отчего ополчилось теперь Вр. Правит. против финского народа? Какие преступные цели ставил себе финляндский сейм? Финляндцы добивались самостоятельности во внутренних делах. Что же побудило правительство Керенского распустить сейм? Суть здесь в коалиционности, в соглашательстве. Демократия, если она останется демократией, не может препятствовать национальному самоопределению. Но буржуазия не может с этим примириться, это не в ее интересах; ее политика—политика захватная, полити-

ка грабительская, и она все время на протяжении нашей революции боролась с требованиями отдельных национальностей.

Мелко-буржуазная демократия, вступив на путь соглашательства с буржуазией, уступила в этом пункте, как и во всех прочих.

Империалистическая буржуазия руками мелко-буржуазных демократов, всуе именующих себя социалистами, делала свое дело, дело захвата и насилия. На этот путь стало правительство „социалиста" Керенского.

Это правительство разогнало финляндский сейм, как царское правительство разгоняло Думу, и угрожает вооруженной силой в случае, если сейм самовольно соберется.

На ряду с этим ведется борьба с национальными требованиями украинцев. А буржуазная печать прибегает к обычным своим приемам: германский штаб, германские деньги, германофилы и т. д. Недавно мы были свидетелями, как черносотенное Петерб. телеграфное агентство извратило телеграмму секретаря Рады.

Ныне соц.-демократическая фракция финляндского сейма обращается к русским социалистам с просьбой высказать свое отношение к политике правительства.

Наша партия, партия пролетариата, не может не осуждать политики репрессий, политики насилия над национальностями.

Еще на апрельской своей конференции наша партия высказала ясно и определенно свой взгляд на национальный вопрос и особенно выдвинула и подчеркнула для переживаемого времени право на самоопределение всех национальностей.

Это является основным демократическим требованием и всякое нарушение права на самоопределение с лицемерными ссылками на Учредительное Собрание, является преступлением против революции, против свободы.

Вот почему мы решительно осуждаем политику Вр. Правительства, в данном случае, как и всегда, творящего волю контр-революционной империалистической великорусской буржуазии.

„Бакинский Рабочий".
23 августа 1917 г.

Революция живет.

В номере от 22 августа „Известий“ Бак. сов. р. и в. д. помещена следующая знаменательная телеграмма от собственного корреспондента.

«19 августа. Отложенное на 18 августа заседание Петроградского Совета сегодня обсуждает в первую голову вопрос о смертной казни. Чхеидзе предлагает доклад о Московском совещании. Большевики и эс-эры против; большинство отклоняет. Мартов докладывает, что смертная казнь не целесообразна и недопустима судом, она применяется уже к обезоруженному противнику, как орудие борьбы с об‘ективными условиями, а также против нежелающих сражаться. Оратор приводит тенденциозно извращенные примеры (?) за смертною казнью скрывается контр-революция с мертвой петлей над всеми свободами. Оглашается резолюция эсеров: принимая во внимание, что „1) смертная казнь, как средство борьбы с преступностью, принципиально—отвергается всеми социалистическими партиями и даже всеми последовательными демократами; 2) смертная казнь развращающе действует на население, особенно на тех несчастных сынов народа, которых заставляют прямо или косвенно участвовать в применении ее; 3) введенная под предлогом борьбы с изменниками, смертная казнь при новом режиме все яснее обрисовывается, как мера устрашения солдатских масс в целях порабощения их командным составом; 4) введение смертной казни на фронте служит в глазах всех деятелей контр-революции вступлением и установлением как обычной меры репрессии во всей стране; 5) дезорганизации нужно противодействовать не мерами репрессий, а исключительно и последовательно проводимыми демократизацией и воодушевлением армии и сознанием, что она защищает родину—в резолюции Петроградский Совет постановляет протестовать против введения смертной казни на фронте, как против меры, могущей быть использован-

ной с контр-революционной целью и требовать от временного правительства отмены". Мартов предлагает добавление: выразить недоумение и протест против того, что Всероссийский Исполнительный Комитет до сих пор не нашел в себе решимости поднять вопрос о смертной казни. Большевик Володарский говорит: Ц. К. держался выжидательно, ни положительно, ни отрицательно, не осуждая; его позиция не известна.

Интернационалист Юренев предлагает меньшевикам привести мотивы их отклонения поправки интернационалистов против казни на Московском совещании. Выступает Церетелли и спрашивает, почему молчали месяц назад, когда ее вводили? Смертная казнь служит оружием революции; опасно только, если она используется контр-революцией; необходимо гарантировать неповторение того, что вызвало введение; необходимо укрепить революцию, а потому не уничтожать казнь. Добавление Мартова отклоняется 381 против 323; *резолюция принимается против Церетелли и двух, трех человек.*

Полученные вчера номера столичных газет подтверждают это сообщение, дополняя его интересными подробностями.

Мы читаем эти сообщения с глубоким нравственным удовлетворением. Мы горячо приветствуем Петербургских рабочих, громко, на весь мир заклеймивших позорный приказ Керенского о восстановлении смертной казни. Но это не есть только протест против смертной казни. Это есть смертный приговор революционного трибунала против политики министров —„социалистов". Церетелли, Чхеидзе и другие члены „славной стаи" предателей революции изобличены и выброшены за борт революционным пролетариатом.

Жалкие люди! Они думали, что могут повести пролетариат куда им вздумается, что рабочие позволят им хоронить революцию.

Пусть идут теперь Церетелли и Керенский искать утешения в об'ятиях Бубликовых и Корнилова. Возврата в ряды демократии для них уже нет. Пролетариат умеет быть и должен быть жестоким по отношению к „вождям", которые злоупотребляя властью, данной им революционным

народом, сдали все революционные позиции и, подготовив торжество врагов революции, сами стали орудием в руках контр-революции.

Единодушное выступление петербургских рабочих без различия фракций говорит нам о том, насколько правильна была политическая линия, взятая с самого начала нашей партией; оно говорит нам о том, что революция еще живет и развивается.

Пролетариат и революционная часть крестьянства должны по всей России поддержать славный авангард революции—петербургских и московских рабочих.

Да здравствует революция!

Да здравствует социалистический пролетариат!

„Бакинский Рабочий“ № 44.
25 августа 1917 г.

Начинается.

Усилиями меньшевиков и соц.-революционеров и их министров было созвано Московское совещание. На это совещание были стянуты контр-революционные силы со всей России. Как же эти последние могли не сделать попытки государственного переворота. Столичные газеты сообщают „о тревожных днях, пережитых в Москве во время совещания".

Слухи в Москве ходили очень определенные:

1) Некоторые казачьи части направляются с фронта к Москве.

2) Определенными военными кругами при содействии некоторых общественных слоев организуются решительные контр-революционные выступления.

3) В Вязьме задержан, шедший в Москву, казачий полк, неизвестно кем вызванный. 14 августа ходили слухи, что полк находится в Можайске.

4) Среди юнкеров московских училищ лицами, принадлежащими к высшему командному составу, велась усиленная контр-революционная агитация.

Все эти слухи заставляют московскую большевистскую газ. „Соц.-Дем." обратиться к властям со следующими вопросами:

1) Правильны ли слухи о заговоре для провозглашения диктатуры Корнилова или другого генерала, осуществить который предполагалось в дни Московского совещания?

2) Какие меры приняты против главарей заговора и их пособников?

3) Почему теперь, когда непосредственная опасность миновала, все это держится в такой тайне? и

4) Не откажутся ради сохранения этой тайны от принятия таких мер, которые для ликвидации заговора необходимы, но вместе с тем неизбежно откроют глаза массам на все происшедшее? Не от них ли эта тайна?

Мы ждем. Молчание по общему правилу мы примем за утвердительный ответ...“

Наступает критический момент революции, момент контр-революционных выступлений. Преступники перед революцией те, которые направили все свои удары против революционного пролетариата и революционной армии. Преступники те, которые, под влиянием науськиваний контрреволюционных кругов, обезоружили революционных рабочих и расформировали самые сознательные, самые революционные полки. Характерно, что военные власти сообщают об этом Московскому сов. р. и с. д., а те привлекают к обсуждению этого вопроса представителей... московских большевиков, „пользующихся влиянием во многих воинских частях, куда им на этот случай был открыт доступ“.

При свете этих заговорщицких планов получают яркое освещение требования об упразднении советов р. и с. д., изгнание политики из армии и т. д. Преступники те, которые поддерживают партии, выставляющие эти требования.

Плоды соглашательской политики сказываются.

„Бакинский Рабочий“ № 44.
25 августа 1917 г.

К повальным обыскам[8].

Рабочие массы города и промыслов охвачены небывалым волнением. Сокращение хлебного рациона слишком тяжелый удар по желудку рабочих, и им очень трудно примириться с этим.

Но они должны примириться.

Выдвигаемый массами план повальных обысков не выдерживает критики. Мы скажем прямо: это нелепая и очень опасная мера.

В основе требований рабочих лежит справедливое чувство возмущения против того, что от сокращения рациона будут страдать опять только рабочие. Богатый класс будет иметь вдоволь и хлеба, благодаря припрятанным запасам, и всяких других продуктов.

Справедливо и похвально также желание рабочих проявить массовую самодеятельность и активность в продовольственном вопросе.

Но товарищи рабочие плохо начинают свою массовую работу. Есть самодеятельность, ведущая к погромам и анархии. Такую самодеятельность мы осуждаем самым категорическим образом.

Мы можем приветствовать только организованную и революционную самодеятельность масс. К такой самодеятельности мы всегда призывали и призываем.

Повальные и самочинные обыски, особенно при бакинских условиях, могут несомненно привести к самым печальным последствиям.

К этой мере товарищи рабочие ни в коем случае не должны прибегать. Кто кричит о повальных обысках и думает, что это может принести пользу рабочим, тот не понимает причины теперешнего продовольственного кризиса.

Если вы сознательны и хотите быть активны, протестуйте против лжесоциалистического и явно буржуазного правительства, затягивающего войну и в конец разоряющего страну.

Требуйте введения рабочего и демократического контроля над производством и над торговлей.

Вот меры, которые могут быть полезны и к которым, в конце концов, неизбежно вы придете, после горького опыта.

А повальные обыски—мера бессмысленная. Подумайте только, что они могут дать. Ужасные злоупотребления со стороны темных и уголовных элементов, справедливое возмущение со стороны большинства ни в чем неповинного населения, к которым вы будете врываться в жилища. Быть может даже крупные эксцессы и столкновения.

Мы горячо призываем товарищей рабочих воздержаться от анархических обысков и не позорить себя ими.

Обыски нужны и аресты нужны для укрывателей и спекулянтов, но это должны делать наши центральные руководящие организации.

„Бакинский Рабочий" № 44.
25 августа 1917 г.

Не мешайте солдатам быть гражданами[9]).

Прапорщик Мельников, назначенный комиссаром при начальнике гарнизона, высказывает на страницах „Известий“ свой взгляд на дисциплину и на задачи комиссара. Повидимому, прап. Мельников человек прямой и откровенный, и это делает честь его характеру.

Но, читая его статью, можно подумать, что прап. Мельников назначен главнокомандующим всей русской армией и ему поставлена задача воспитать в течение нескольких лет новую армию и готовиться к завоеванию мира. Он рассказывает нам, что „техника современного вооружения настолько сложна, что наш рядовой гражданин только на третий год службы приучается сносно владеть современной винтовкой“. Дальше он говорит „о силе и моральном действии теперешнего огня“ и пр. К чему все это...

Возражения, которые делались на заседании Совета, и тревоги и сомнения, которые могли быть вызваны назначением пр. Мельникова, не имеют ничего общего с некоторыми верными мыслями о современной технике и пр., которые высказываются в его статье. Ошибается прап. Мельников и тогда, когда он предполагает, что возражавшие ему, „воспитанные на пинках и зуботычинах... не могут одуматься и сообразить, что есть и другая дисциплина, основанная на планомерном и сознательном воспитании солдат“. Об этой дисциплине прекрасно соображают все, возражавшие прап. Мельникову, но не в этом дело.

Нужно конкретней подойти к вопросу. Прап. Мельников назначается комиссаром в связи с заговором Корнилова и для предупреждения возможных контр-революционных выступлений в нашем городе. Как бы плох ни был русский солдат, как вояка, с точки зрения „современной техники“, он один и тот же в этом отношении как в лагере Корнилова, так и в лагере революции. Разница между теми и другими лежит не в области техники и дисциплины, а в об-

ласти гражданского и политического сознания. Если этому авантюристу удалось повести за собою часть русской армии, то только благодаря темноте и несознательности солдат. Отсюда ясно, что первая мысль, которая должна была возникнуть в нас при определении наших задач по борьбе с контр-революцией, это мысль о том, что из себя представляет в отношении сознательности бакинский солдат. Достаточно ли он воспитался политически в течение 6 мес. революции, чтобы не стать орудием в руках какого-нибудь местного авантюриста, если бы таковой оказался.

Вот здесь то и начинается разномыслие. Прап. Мельников находит, что бакинский гарнизон достаточно „грыз семячки“ и „митинговал“, т. е. занимался политикой. Его нужно оторвать от этого недостойного занятия и поставить под ружье, чтобы он занимался „делом“. Прап. Мельников отдает должное бакинскому гарнизону. Он находит, что по сравнению с развращенным Петербургом, наш гарнизон конечно, гораздо лучше, но все таки и здесь есть проклятая „Площадь Свободы“, которая не дает ему покоя.

Мы держимся противоположного взгляда. Мы считаем величайшим несчастием для бакинских рабочих и для солдат нашего гарнизона то, что в течение 6 месяцев не велась почти никакая политическая работа в наших казармах. И в этом мы виним в значительной мере и прежде всего самого прап. Мельникова и его друзей, других прапорщиков, которые опекали солдат и оберегали их от политики. В частности нас, большевиков, представителей пролетарской революционной партии, они не пускали в казармы, открыто заявляя, что большевикам нет места среди солдат.

Вот в этой политике наших прапорщиков и заключается корень зла: эта политика опеки над солдатами, унаследованная от самодержавия, и натравливания их на большевиков—лучшая почва для Корниловщины. На это указывает, между прочим, и характерный факт, открыто установленный, что Корнилов вел свои войска под лозунгом войны против большевиков.

Так воспитывали армию в течение 6 месяцев Керенские, Церетелли и местные прапорщики, внушая малосознательному солдату, что большевик—главный враг революции,

что нужно сторониться большевиков, нужно бороться с ними. И вот они воспитали армию, по крайней мере, некоторые части ее—на свою голову, подготовив кадры для Корнилова.

Командный состав, большинство офицерства делало преступное дело вполне сознательно.

Но мы охотно допускаем и верим, что есть среди них и такие, которые делали это, повторяем, преступное дело по недомыслию. Они не могли хорошо воспитывать солдат потому, что сами они очень мало воспитаны политически. Большинство наших прапорщиков, несмотря на их большие претензии, политически совершенно безграмотные люди.

Но прапорщик Мельников доволен делом рук своих: в бакинском гарнизоне все обстоит сравнительно благополучно. И когда его назначают комиссаром, он думает только о том, чтобы уничтожить „Площадь Свободы" и подтянуть солдат, спящих с винтовкой в руках у тюрьмы.

Вот, где мы расходимся во взглядах с прап. Мельниковым.

Мы считаем, что его взгляды, каковы бы ни были суб'ективные источники их, являются по своему об'ективному значению реакционными.

Если бы ему удалось осуществить свои намерения—еще больше изолировать бакинских солдат от политики, от „партийных дрязг и сплетен", как он презрительно выражается,—это было бы новым несчастием для дела революции у нас в Баку.

Откройте шире двери казармы, не мешайте солдату быть сознательным гражданином. Вот чего прежде всего мы требуем от комиссара.

Иначе вы окажетесь комиссаром не от революции, а от контр-революции.

* * *

Статья наша была уже написана, когда мы узнали, что пр. Мельников об'явил письменно свои „условия" Исп. К-ту с. р. и в. д. для принятия должности комиссара.

Пр. М-ов оправдал наши худшие опасения.

Первое его условие: закрыть немедленно Площадь Свободы для митингов. Второе—чтобы в городе не было никакой иной политики Совета и чтобы не было никакой критики этой политики. Это означает, что политические пар-

тии должны быть распущены; газеты, кроме „Известий“, должны быть закрыты и пр. и пр.

Да, нечего сказать,—хорошего защитника свободы мы имели бы в лице пр. Мельникова. Мы могли бы спокойно доверить ему борьбу с контр-революцией...

А ведь пр. Мельников один из самых видных „вождей“ Бакинского совета и бакинской „революционной демократии“ в течение уже нескольких месяцев...

В данном случае Исп. Ком. с. р. и в. д. не пошел так далеко за своим „вождем“. Условия пр. Мельникова единогласно отвергнуты и кандидатура его на пост комиссара снята.

„Бакинский Рабочий“ № 49.
6 сентября 1917 г.

Воля бакинских рабочих.[10)]

Мы писали в нашей газете, что Бакинский совет рабочих депутатов своей соглашательской политикой и своей бездеятельностью окончательно дискредитировал себя в глазах рабочих масс.

Мы указывали при этом, что это явление чревато большими опасностями: когда массы теряют доверие к своим руководящим организациям, они превращаются в беспорядочно и анархически действующую толпу. Такая толпа, как бы она ни была революционно настроена, неспособна ни к каким разумным и полезным политическим выступлениям.

При таких условиях ясно, что всякий сознательный рабочий, всякий революционер, должен был бить в набат и призывать к оздоровлению совета, к созданию нового выборного органа, который мог бы руководить массами в такой ответственный исторический момент.

Заседающие в Исполнит. Комитете „руководители" усмотрели в таких призывах „козни" своих политических противников и стали вопить о „демагогии". Но в рабочих массах эти призывы нашли горячий отклик. В одном только 128-м номере „Известий" напечатано восемь резолюций, в которых рабочие разных промыслов и районов заявляют о своем присоединении к резолюции большевиков и соц.-революционеров, принятой в совете р. и в. д. 30 августа. Эта резолюция, как известно, осуждала соглашательскую политику Исполнительного Комитета и, в частности, требовала создания бюро по борьбе с контр-революцией, которое действовало бы самостоятельно, независимо от буржуазии.

Мы уже знаем о том сраме, которым покрыл себя Исполнительный Комитет, заставивший совет через два дня, на заседании 1-го сентября, взять обратно эту резолюцию.

Но это не останавливает полевения рабочих, и они с большей энергией и большим возмущением выступают против Исполнительного Комитета.

Такие же резолюции недоверия и протеста с требованием перевыборов совета, с лозунгом перехода власти в руки демократии, помещались в нашей газете. Много таких резолюций не попадает совершенно в печать.

Наши „соглашатели“ утешаются тем, что считают рабочих за слепую толпу, идущую на „демагогию“, за теми, кто толпе „больше обещает“. В тех же номерах, где печатаются резолюции рабочих, они помещают пустейшие статьи (см., напр. передовицу в № 128 „Известий“) в защиту своей соглашательской политики, которую претенциозно об'являют сложной и мудрой политикой, недоступной для понимания толпы.

Нет, граждане, ни обман, ни самообман вам не помогут,—песенка ваша спета. Сверните ваше соглашательское знамя и идите туда, откуда вы пришли к нам в марте месяце. Идите сами к тем, с кем вы хотите примирять, об'единять рабочих.

Жизнь за эти шесть месяцев многому научила рабочих, и вам не совратить их больше с верного и классового пути.

Долой соглашательскую политику! Да здравствует борьба против контр-революционной буржуазии! Таков лозунг дня, такова воля бакинских рабочих.

„Бакинский Рабочий“ № 50.
8 сентября 1917 г.

К товарищам солдатам[11]).

Выборы 29 октября показали, что бакинский гарнизон почти целиком идет за нашей партией. Политические симпатии и политическое доверие солдат и матросов на стороне большевиков.

Бакинские рабочие знают, что двери казарм почти наглухо были закрыты перед большевиками, благодаря проискам некоторых сиятельных прапорщиков, хозяйничавших в местном гарнизоне. Агитаторы оборонцы, вроде эсера Шрейдера, меньшевика Садовского и других, вели самую гнусную травлю против нас, уверяя солдат, что большевики провокаторы, немецкие шпионы и т. д. Ничто не помогло нашим бесчестным противникам. Голос жизни и здоровый инстинкт народа взяли верх и солдаты поняли, что наша партия есть истинная выразительница интересов рабочих и солдат.

Говорят, что солдаты идут за нами потому, что они устали от войны. Верно, что солдаты устали и что это имеет громадное значение. Но неужели эта усталость стала чувствоваться только в последние месяцы. Неужели после трех лет войны, когда солдаты шли за оборонцами, они еще не были утомлены и измучены войной; ведь они все таки шли за ними. Нет, господа соглашатели, дело обстоит проще: они доверяли вам, но вы обманули их доверие. Восемь месяцев вашей политики открыли им глаза.

Говорят, солдаты идут за большевиками потому, что они много обещают им хлеба, обещают, вообще, создать им рай на земле. Это ложь. Большевики ничего не обещают, никого не обманывают. Большевики сами рабочие, сами солдаты; зачем они будут обманывать сами себя. Большевики—рабочие, большевики—солдаты говорят, что нужно скорее кончить войну, нужно скорее вернуть к производительной жизни миллионы здоровых людей, чтобы они добывали хлеб для своих семейств. Большевики говорят, что

нужно обуздать спекулянтов-буржуев, чтобы они меньше грабили народ.

Большевики ничего не обещают, они говорят самим рабочим, солдатам и крестьянам: берите власть в свои руки. Улучшайте свое экономическое и правовое положение. Отбирайте земли у помещиков. Дело не в обещаниях господа соглашатели, господа оборонцы. Разве вы мало их кормили обещаниями, мало им говорили красивых фраз, в течение 8 месяцев...

Не утешайте же себя новой ложью и клеветой по нашему адресу. Рабочие, солдаты и во многих местах также крестьяне идут за большевиками потому, что лозунги большевиков это лозунги жизни, это истинное выражение интересов и потребностей революционных народных масс.

Это поняли и бакинские солдаты, и 29 октября они голосовали за партию пролетариата, за большевиков. Мы горячо приветствуем товарищей, идущих в наши ряды, и обращаемся к ним с одним призывом.

Товарищи! Вы поняли под каким знаменем вы должны стоять. Но этого мало. Нужно еще с'организоваться и тесно сплотиться с передовыми рабочими. Создавайте партийные ячейки, выбирайте своих представителей, посылайте в нашу партию. Время не терпит, об'единяйтесь скорей, чтобы создать сильную и стройную солдатскую и матросскую организацию.

Только при помощи организации мы можем добиться наших целей и создать истинную опору для борьбы за свободу, за торжество дорогой нам революции.

„Бакинский Рабочий“ № 73.
1 ноября 1927 г.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов Бакинского района.[12]

Граждане!

Петроградский революционный пролетариат и гарнизон об'явили низложенным буржуазно-коалиционное правительство Керенского—Коновалова, и С'езд советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил новое правительство народных комиссаров во главе с Лениным. Переворот совершился бескровно. Правительство Керенского оказалось, благодаря его буржуазной, противонародной политике, настолько же лишенным всякой опоры в Петрограде, как восемь месяцев тому назад правительство Николая Романова.

Но жалкий и безумный авантюрист Керенский сделал последнюю попытку отстоять буржуазную власть, бежал из Петрограда и в роли Корнилова, во главе небольших войск направился на столицу с целью подавления рабочих и солдат.

Попытка Керенского кончилась крахом и он, покинутый даже этим отрядом, бежал и скрылся.

Граждане!

Новое, революционное правительство издало декрет о мире, о немедленной конфискации помещичьих земель и т. д. Оно принимает энергичнейшие меры для ликвидации войны и улучшения внутреннего положения страны.

Все, желающие блага народа и скорейшего водворения мира и порядка в истерзанной и измученной стране, должны немедленно и решительно стать на сторону нового правительства народных комиссаров во главе с Лениным.

Бакинский расширенный совет рабочих и солдатских депутатов, об'явивший себя, согласно решений от 31 октября и 2 ноября, сторонником нового революционного правительства, вместе с тем постановил, что в г. Баку власть должна перейти всецело в руки совета рабочих и солдатских депутатов. В этом постановлении сов. раб. и солд. деп. опи-

рается на твердую волю и сознательную поддержку бакинского пролетариата и бакинского гарнизона.

Комитет оборонческих и соглашательских партий меньшевиков, эсеров и дашнакцаканов покинул ряды рабочих и солдат и увел с собой около одной четверти состава совета на заседании 2 ноября (из 450 человек с ними ушло около 120 чел.). Оставшиеся левые социалисты-революционеры и большевики вместе с представителями гарнизона избрали новый Исполнительный Комитет, который уже сконструировался и приступил к деятельности.

Целью Исполнительного Комитета является прежде всего всемерная поддержка нового революционного правительства, борьба с разрухой и спекуляцией в городе Баку и водворение революционного порядка в нашем городе.

Граждане!

Не верьте провокационным слухам о готовящемся будто-бы выступлении большевиков, распускаемых испуганными обывателями или злонамеренными контр-революционными элементами.

Совет рабочих и солдатских депутатов, сильный поддержкой рабочих масс и всей честной демократии, опирающийся на силы бакинского революционного гарнизона, будет стоять на страже интересов беднейшего населения и будет охранять в городе полный революционный порядок.

Совет заявляет вместе с тем, что он беспощадно расправится со всякими попытками контр-революционных выступлений в нашем городе.

Призываем вас, граждане, к спокойствию и поддержке новых революционных органов власти.

Да здравствует революционный пролетариат и гарнизон Петербурга! Да здравствует новое революционное правительство во главе с Лениным!

Да здравствует власть Советов!

Пред. Исп. К-та с. р. и в. д.
Бакинского района *С. Г. Шаумян.*
Тов. председателя *Овсянников.*

„Бакинский Рабочий" № 76.
4 ноября 1917 г.

Русская революция и Закавказская власть.[13])

Три национальныя партии Закавказья—грузинская, в лице бывших социал-демократов меньшевиков, армянская, в лице партии „Дашнакцутюн“ и мусульманская, в лице партии „Мусават“ и Ханов-Хойских—поделили между собой Закавказье и создают свои национальные полки для того, чтобы закрепить за собою каждая свою автономию. В этом ничего неожиданного и неестественного нет. Наоборот, это настолько естественно, что и мы большевики сами выставили для отсталых мелкобуржуазных национальностей окраин право *на самоопределение*. Все историческое развитие армян за последния десятилетия и идеология партии „Дашнакцутюн“ должны были привести с неизбежностью к требованию автономии армян. Тоже самое можно сказать о мусульманских провинциях Закавказья, которые по быту, по религии и стремлениям своего населения не могли не проявить центробежных стремлений.

Если есть некоторая видимая неестественность, так это только в том, что тоже самое сделали в Грузии меньшевики, которые по программе своей и по традиции связаны с пролетарски интернациональной социал-демократией. Но эта неестественность именно только видимая, т. к. грузинские меньшевики, опиравшиеся в Грузии не на пролетариат, а на сельскую и городскую мелкую буржуазию, всегда были мелко-буржуазной национальной грузинской партией. Сейчас они выявили открыто всю свою классовую природу и показали, что меньшевики—это грузинский „Дашнакцутюн“, также как „Мусават“ есть мусульманский „Дашнакцутюн“.

Если мы критикуем меньшевиков, делаем это не потому, что они пользуются нами же провозглашенным правом на самоопределение, а что они самоопределяются как мелко-буржуазно-националистическая партия, продолжая однако называть себя социалистической партией.

Но главное зло заключается не в том, что в Закавказье образуются три национальные сатрапии. Главное зло в том, что под руководством Жордания и К-о Закавказье в эту критическую минуту фактически, реально,— пусть временно, как они говорят,—но отложилось от революционной России.

Жордания неоднократно публично заявил, что большевики об'единяют вокруг себя и ведут за собой российский пролетариат. За ними и идет громадное большинство армии. И вот этой революционной власти Закавказский Комиссариат признавать не желает. Он поворачивается спиной к революционной России. Мало того, злейшим врагом русской революции, главной опорой контр-революции, как известно всем, являются Каледин и Корнилов.

Закавказская власть своей политикой не только косвенно, но и прямо оказывает поддержку Каледину и в буквальном смысле вонзает нож в спину революции, совершает предательство по отношению к российскому пролетариату, к солдатам и крестьянам.

Закавказские национальности самоопределяется. Пусть так, но разве можно в такое время совершать предательство против российской революции, благодаря которой мы обеспечили себе право на самоопределение. На Кавказе стоит полмиллионная армия русских солдат, которые в течение трех лет проливали кровь, защищая пределы Кавказа. Как вы думаете, может ли она спокойно оставаться на фронте, когда вы предаете российскую революцию, когда вы Каледина предпочитаете Ленину. Русский солдат ничего не должен иметь против автономии Грузии, Армении, Азербайджана. Но он вправе решительно протестовать против вашего предательства по отношению к рабоче-крестьянской революции в России. Русский солдат может себе задать вопрос, зачем же я должен оберегать фронт от турок, если я „пришлый“ элемент на Кавказе, с интересами которого не желают считаться кавказцы. Всякий солдат на фронте может подумать, что революционный долг велит ему итти немедленно на Северный Кавказ против Калединых и Карауловых на защиту русской революции, во имя „земли и воли“.

Когда мы, большевики, говорили об этом, меньшевики кричат о „провокации“, о „демагогии“, говорят, что мы натравливаем русских на туземцев.

Жалкие слепцы! Это не провокация, не натравливание, а трезвое предостережение вам. Вы не понимаете, что вы говорите. Если-б мы об этом не говорили, вы думаете, этого не поняли бы сами солдаты. Ваше предательство вопиет к небу. Если вы не опомнитесь, не послушаетесь наших призывов, вы готовите невероятную анархию на Кавказе.

И что мешает меньшевикам или дашнакцаканам признать власть Народных Комиссаров и двинуть часть войск на Каледина. Разве это противоречит интересам самоопределяющихся национальностей Закавказья? Нисколько, и даже напротив. Это диктуется правильно понятыми интересами наций.

Правители Закавказья боятся, что мы останемся без хлеба. Какая близорукость. Именно, благодаря взятому курсу в ближайшее время можно ожидать голода в Закавказье. Калединщина, Карауловщина и вся неразбериха на Северном Кавказе может быть ликвидирована только военной силой, которую нужно немедленно двинуть на Северный Кавказ.

Нужно всю железнодорожную линию до Ростова взять под охрану революционных войск и тем обеспечить доставку хлеба для армии и для тыла.

Не раболепством перед контр-революцией, не целованием рук у Каледина и Караулова вы обеспечите хлеб для Закавказья, а войной против них и водворением на Северном Кавказе революционного порядка. И то, что мы предлагаем, будет не карательной экспедицией против *населения* Северного Кавказа, а *помощью* этому самому населению против диктатуры Калединых и Карауловых.

Мы утверждали, что интересы и русской революции и национальностей Закавказья требуют от вас одного и того же: *признать власть Совета Народных Комиссаров, двигайте войска против Калединых и Карауловых обеспечьте хлебом для армии и тыла в Закавказье.*

„Кавказский Рабочий“ № 215.
3 декабря 1917 г.
„Бак. Рабочий“ № 102.

Кавказские оборонцы—союзники Караулова[14].

Делегация рабочих, железнодорожников и солдат, прибывшая в Тифлис из Грозного, Гудермеса и Баку, обрисовала перед нами грозную картину контр-революции, свирепствующей на Северном Кавказе.

Происки Караулова и Каледина привели к грандиозной провокации, жертвами которой стали десятки тысяч рабочего и „иногороднего" населения Грозного. Убийства, насилия, увод в плен при самых ужасных условиях сотен женщин и детей, уничтожение нескольких станиц демократического казачества, непризнающего власти Караулова, такова печальная картина, нарисованная преступной рукой контр-революции на Северном Кавказе.

Караулов, не имевший достаточной опоры в русском и в казачьем населении для своего диктаторства, направил агентов-провокаторов к горским племенам и поднял их против рабочих и против солдат, распространяя ложные слухи о том, будто „большевики" идут против горцев, готовятся жечь и уничтожать чеченские и ингушские села. Эта провокация и создала разрушение и анархию на Северном Кавказе.

Результатом этой провокации является не только подавление и истребление демократии на Северном Кавказе, но и расстройство железнодорожного пути и приостановка транспорта. *Вот уже три недели не поступают с Северного Кавказа хлебные грузы для Закавказья.* То, что было около Петровска и ближе к Баку, поступило к нам и мы питались в это время, но новых грузов уже не отправляют и не могут отправлять. Армия, стоящая на кавказском фронте и население Закавказья обречены на неизбежный голод. Этот печальный факт, который может иметь ужасающие последствия, должен быть открыто признан.

Из докладов тех же делегатов с Северного Кавказа и Баку выяснилась предательская роль во всей этой истории

кавказских правящих партий. Установлено фактически и документально, что банды Караулова и Половцева вооружались стараниями тех людей, которые стояли во главе кавказской армии. Бакинский Совет арестовал 32 вагона патронов, которые отправлялись отсюда Караулову. На днях, 7—8 декабря, мы разоблачили еще отправку семи вагонов патронов тому же Караулову и заставили краевой и армейский центр телеграфировать в Баку о задержании этих вагонов. Нами же был обличен вызванный по телефону представитель Караулова, штабс-капитан дикой дивизии, которому собирались дать оружие и патроны для расстрела владикавказских и грозненских рабочих и некоторых казаков. Нами задержаны документы, уличающие преступников, поддерживающих контр-революцию на Северном Кавказе.

Генерал Пржевальский и его помощники—прямые соучастники и друзья Караулова и Половцева.

Комиссар Донской и другие герои кавказских оборонцев, будто бы социалисты, находятся под подозрением в соучастии и в попустительстве. Во всяком случае на них и на краевой центр ложится вся моральная и политическая ответственность за поддержку и вооружение контр-революции на Северном Кавказе. Помимо того, что отсюда посылалось вооружение, наши закавказские власти несомненно с ведома краевого центра, делали отсюда распоряжения о расформировании пехотных частей в Грозном и Пятигорске и т. д. Отсюда не только прислушивались к мольбам грозненских и владикавказских рабочих о помощи, но отнимали у них последнюю опору, имевшуюся у них на местах.

Кровь грозненских рабочих, муки и страдания населения Северного Кавказа на совести оборонцев из краевого центра. Это нужно открыто заявить. Надо заклеймить публично предателей революции, не желающих признать власти Совета Народных Комиссаров и поддерживающих контр-революционеров—Карауловых и Калединых.

Тяжелая ответственность ложится на краевой центр и за то, что армия и население Закавказья благодаря их политике обречены на голод. Господа Жордания и Гегечкори сей преступный, явный или тайный союз с Карауловым и

Калединым мотивировали тем, что это необходимо в интересах снабжения Закавказья хлебом. Мы указывали им, что именно их преступная политика приведет неизбежно к разрушению железных дорог и прекращению подвоза. Наши указания оправдались, к сожалению, раньше, чем мы ожидали.

Что ответят „дальновидные“ политики из Закавказского Комиссариата этому самому населению Закавказья, в интересах которого будто бы они так преступно подготовляли события на Северном Кавказе.

Пусть готовятся они к ответу. Первое слово осуждения они услышат на собравшемся с‘езде кавказской армии. Но это будет не последним словом.

Такие преступления безнаказанными не остаются. Суд не только истории, но и современников будет для них неумолим и беспощаден.

„Кавказский Рабочий“ № 218.
12 декабря 1917 г.

„Бакинский Рабочий“ № 109
17 декабря 1917 г.

Национализм на Кавказе и оголение фронта.[15])

Злейшим врагом революции на Кавказе всегда был и останется национализм. Стихийный национализм мусульман и организованный национализм армян привели в 1905 году к кровавой армяно-татарской резне. Злой „Шейтан“ использовал тогда национальную вражду, существовавшую между этими народами, и нанес смертельный удар революции 1905 года на Кавказе.

Тот же национализм играет злую шутку с кавказскими народами и сейчас, в революции 1917 года. Националистический курс, взятый тремя крупнейшими партиями Закавказья, приводит с первых же шагов к самым печальным последствиям. Стремление обособиться и самоопределиться по национальностям, попытки разграничить национальные территории, создание своих национальных полков—-все это совершается в атмосфере обостряющейся классовой борьбы и в присутствии полумиллионной русской армии на Кавказе, которая вдали от родины, в течение трех лет вела войну, защищая интересы этих самых народностей. Особенно сильное возмущение вызывает среди русских солдат то обстоятельство, что национальные войсковые части вооружаются и обмундировываются за счет русских солдат. Часто разоружают полки, чтобы вооружить тут же новые национальные части. Национальным частям уделяется, понятно, больше внимания и высказывается больше доверия, чем старому войску.

Недовольство и возмущение среди русских солдат растет еще .благодаря тому, что эти национальности, об‘единившись в Закавказский Комиссариат, отложились фактически от революционной России и не желают признать власти Совета Народных Комиссаров, власти того правительства, которое создано усилиями прежде всего рабочих и солдат, которое обеспечило уже землю крестьянам и дало перемирие стране.

Самым печальным последствием кавказского национализма является дезорганизация фронта. Пока мир еще не заключен, естественно, что войска должны еще охранять фронт, но при созданной кавказскими националистами атмосфере есть ли силы, которые бы могли удержать русские войска на своих позициях.

Когда образовался Закавказский автономный комиссариат и последняя связь с российской демократией, поддерживавшаяся меньшевиками, была порвана, для нас стало ясно, как день, к каким последствиям это должно было повести. И мы с первых же дней устно и печатно предупредили об этом закавказские правящие партии.

Мы говорили им: вы заняли позицию, которая погубит вас; она приведет неизбежно к открытию фронта; армия—говорили мы—недовольная вашей националистической политикой, стихийно, дезорганизованно хлынет с фронта и сметет и затопит вас. Теперь все это оправдалось. Несколько корпусов уже двинулись и идут.

Какие меры могут быть приняты для предотвращения бед, которые могут случиться при таком массовом стихийном движении. К сожалению нам кажется уже поздно и никакие меры не помогут.

Когда еще не было поздно, мы говорили: откажитесь от вашей националистической и партикулярной политики, признайте революционную власть Совета Народных Комиссаров, проводите в жизнь его земельные и рабочие декреты и демократизацию армии, порвите связи с Карауловым и Калединым, очиститесь от своего контр-революционного штаба с Пржевальским и Донским во главе, идите походом против контр-революции на Северном Кавказе, возьмите в свои руки железнодорожный путь на Сев. Кавказе, чтобы не оставить армию и население без хлеба,—*тогда армия может проникнуться доверием к вам и может признать вашу власть*, подобно тому, как армия на западном фронте доверяет Совету Народных Комиссаров и исполняет свой революционный долг, охраняя фронт до заключения мира

И сейчас, хотя и поздно, но, если какие нибудь меры могут помочь, могут повлиять в смысле урегулирования передвижения войск, а может быть даже удержать некоторые части на фронте или близ фронта—то это только перечисленные выше меры.

Кавказские меньшевики подняли в последнее время вой по поводу того, будто большевики своей агитацией натравливают русских солдат на туземцев и будто движение солдат с фронта является результатом нашей агитации.

Удивительное дело. Мы обвиняем их партию за ее реальную националистическую политику, естественно, провоцирующую русскую армию на определенные выступления.

Мы указываем на неизбежные последствия их политики, и когда наши указания оправдываются, они хотят свалить вину на нас. Не наша „агитация", не наши слова о вашем национализме, а ваши националистические дела провоцируют армию и двигают ее с фронта.

Никакие попытки свалить ответственность за вашу близорукость и безтактность, за ваш национализм и за вашу контр-революционность, благодаря которой армия ни на грош вам не доверяет,—не смогут вам помочь.

Застрельщиками сепаратистической и националистической политики этот раз, в 1917 году, явились на Кавказе меньшевики, открыто ставшие грузинской национальной партией. Не старые националисты „дашнакцаканы", а они первые выставили требование национально-территориальной автономии Грузии, они были инициаторами в создании национальных полков, и главная историческая ответственность за все печальные последствия этой политики падает, естественно, на головы Жордания, Гегечкори и К-о.

От этой ответственности им не уйти и никакого оправдания для них не существует.

„Кавказский Рабочий"
17 декабря 1917 года.

„Бакинский Рабочий" № 114
24 декабря 1917 года.

Второй Краевой С‘езд Кавказской Армии[16].

С 10-го по 23-е декабря в Тифлисе заседал второй краевой армейский с‘езд. Полгода тому назад, на первом с‘езде большевики представляли собой маленькую кучку, которую не замечали, с которой не считались. Сейчас на втором с‘езде самой крупной фракцией была фракция большевиков, насчитывавшая до 160 человек. Следующей по численности фракцией были правые эсеры, имевшие около 100 челов. и сократившиеся против первого с‘езда на добрую половину. Затем шли меньшевики (около 30 чел.), левые эсеры (чел. 15), затем украинцы, казачья группа, „Дашнакцутюн“ и небольшая группа беспартийных.

В начале с‘езда левый сектор, т. е. большевики с левыми эсерами, были в меньшинстве, но блок всех партий против левого крыла постепенно таял. К середине с‘езда мы имели перед собой две равные половины, а дальше к концу, перевес уже был явный на стороне большевиков. По самому кардинальному вопросу, вопросу о текущем моменте и о власти резолюция большевиков и левых эсеров получила 181 голос против 168 правого сектора. Пять перечисленных выше правых фракций мобилизовали все свои интеллигентные силы для того, чтобы сразить общего ненавистного врага—большевиков. Во главе их стоял „премьер“ Кавказа —Гегечкори, забывший о своих многотрудных обязанностях по управлению Закавказьем, с утра до вечера, в течение 13 дней, заседавший безотлучно на с‘езде.

Были пущены в ход все средства, чтобы не дать большинства на с‘езде большевикам. Пользуясь властью, оборонцы запрещали доставку большевистской литературы на фронт. Пользуясь техническим аппаратом, находившимся в их руках, они сделали все, чтобы фальсифицировать выборы. Мало того, на самом с‘езде, когда делегация с Северного Кавказа разоблачила контр-революционную политику закавказских оборонцев, создав на с‘езде убийственное для

последних настроение, Гегечкори совершенно неожиданно выкинул трюк по отношению к одному большевику, не имевшему никакого отношения к с'езду, но случайно присутствовавшему здесь, заявив, что тот в 1911 году в Петрограде подозревался в службе у охранки.

Другой раз, когда один из большевиков (пишущий эти строки) разоблачил грузинский национализм меньшевиков, Гегечкори стал кричать о „провокации", о натравливании русских солдат на грузинский народ и пр. Перед самым закрытием с'езда, чтобы испортить впечатление победы, одержанной большевиками, оборонцы бесстыдно солгали, будто ими только что получена телеграмма о прекращении мирных переговоров с Германией, о том, будто Ленин призывает к продолжению войны и т. д. Эта ложь была официально разоблачена тут же после с'езда.

Но все эти недостойные меры, к которым всегда прибегают умирающие партии, не спасли от провала оборонческо-соглашательский блок. С'езд прошел все-таки под знаком победы большевиков. Мы уже упомянули выше, что по текущему моменту принята была резолюция левых эсеров и большевиков, признающая власть Совета Народных Комиссаров, подвергающая резкой критике политику кавказских оборонцев и отвергающая контр-революционную власть Закавказского Комиссариата. Здесь же с'ездом была отправлена в Петроград от имени Кавказской армии приветственная телеграмма Совету Народных Комиссаров.

Другим острым вопросом, занявшим много времени и вызвавшим бурные прения на с'езде, был вопрос о Северном Кавказе. Нам удалось добиться почти единогласно признания, что события на Сев. Кавказе носят характер явно контрреволюционный и что необходимо отправить войска на Сев. Кавказ для борьбы с контр-революцией Карауловых, Филимоновых и Калединых. Попутно была дана убийственная критика политики Закавказского Комиссариата и Краевого Совета армии, которые были в фактическом блоке с Карауловыми и Половцевыми и снабжали их через генерала Пржевальского оружием и патронами для расстрела рабочих и солдат.

С'ездом была принята также формула перехода, предложенная большевиками по вопросу о деятельности оборон-

ческого краевого совета, требующая „тщательного“ расследования этой деятельности. Были приняты также резолюции большевиков о фронте, по турецко-армянскому вопросу, о вооружении уезжающих воинских частей и т. д.

С'езд нанес тяжелый удар прежде всего Закавказскому Комиссариату. Кавказская армия, считавшаяся оплотом оборончества, голосовавшая, еще так недавно в своем большинстве, при выборах в Учредительное Собрание за правых эсеров, заявила, что она признает единственной властью для себя власть Рабоче-Крестьянского правительства. Мало того, она заявила, что Закавказский Комиссариат для нее не существует и что верховной властью на Кавказе в военной сфере является Краевой Совет армии.

Закавказский Комиссариат как известно, кичился тем, что он является „советской“ властью. Если принять во внимание постановление армейского с'езда и прибавить к этому еще недоверие, выраженное Комиссариату с'ездом советов рабочих депутатов Северного Кавказа и Восточного Закавказья, заседавшим в Тифлисе одновременно с армейским с'ездом—мы можем констатировать с удовлетворением *полное банкротство Закавказского Комиссариата*.

Второй С'езд кавказской армии, избравший новый краевой совет, состоящий в большинстве из большевиков и левых эсеров, во главе с председателем большевиком т. Коргановым, закончился пением Интернационала и провозглашением лозунгов:

Долой Закавказский Комиссариат!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

Да здравствует скорый мир и братство народов!

„Бакинский Рабочий“ № 116.
30 декабря 1917 г.

О событиях на Северном Кавказе.[17])

(Речь, произнесенная на заседании 2-го Краевого С'езда Кавказской армии).

Товарищи! Перед нами выступали ораторы двоякого типа, различно освещавшие положение на Северном Кавказе. С одной стороны, казачий офицер-калединец, который удивлялся о какой контр-революции мы говорим на Сев. Кавказе; затем изящный горский князь Бамматов, бывший чиновник особых поручений при царском наместнике, теперь распинающийся за социализм и за революцию, который называл „гнусной провокацией" разговоры левого сектора о контр-революции на Сев. Кавказе; наконец, представитель краевого центра, Звонарев, который сводил все на Сев. Кавказе исключительно к абречеству и винил во всем солдат, которые ведут себя там, как победители, и обижают чеченцев. С другой стороны, выступал десяток ораторов, рабочих и солдат, делегатов с Сев. Кавказа, которые нарисовали перед нами ужасную картину анархии и контр-революции. Вы, товарищи из правого сектора, верили и бурно аплодировали первым ораторам. Мы, левые, привыкли больше верить рабочим и солдатам. Но, когда правая сторона так борно аплодировала горскому князю, уверявшему, что Сев. Кавказ представляет из себя уголок рая, и что никакой контр-революции там нет, я спрашивал себя, как же меньшевики хотели изобразить себя инициаторами постановки на с'езде вопроса о борьбе с контр-революцией на Сев. Кавказе и требовали переброски туда с этой целью крупных частей войск. Я спрашивал себя, как же вчера вы посылали делегацию на Сев. Кавказ и приняли для нее единогласно наказ, в котором говорится о необходимости самых решительных мер для прекращения контр-революционного движения Карауловых, Калединых и компании.

Я думаю, вы были более искренны, когда аплодировали контр-революционному князю, который, вероятно, яв-

ляется правой рукой Караулова. Но, при решении вопроса, я надеюсь, никто из вас не посмеет отрицать существования контр-революции на Сев. Кавказе и необходимости борьбы с ней.

Я перехожу к вопросу о причастности закавказских властей к этой контр-революции. Господа Звонарев и Донской категорически заявляли, что из Закавказья никакой помощи оружием и патронами Северному Кавказу не оказывалось. А у нас имеются документы, уличающие в этом ваши военные власти (читает телефонограммы за подписями генерала Дурново и других об отправке 4 вагонов патронов Караулову и 2 Филимонову, а также расписку полковника Запольского о приеме этих вагонов). И это не единственная справка; таких документов мы арестовали кучу, и они находятся сейчас в руках Жордания. Кроме того, 32 вагона патронов отправлялись Половцеву и были задержаны Бакинским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов (рассказывает подробности о Георгиевским складе, предоставленном в распоряжение Половцева, и о телеграммах его в связи с задержанием 32 вагонов). Несколько дней тому назад нами был арестован капитан дикой дивизии, приехавший по вызову из Тифлиса за патронами. В обмен на обещанный хлеб,—как видите товарищи,—закавказские друзья Караулова посылали ему патроны для расстрела рабочих. Но у меня имеется еще один интересный документ—телеграмма Пржевальского, который в беседе с Половцевым сообщает, между прочим, следующее: „Относительно патронов я переговорю. Терские части идут с патронами, быть может, удастся перехватить часть патронов, идущих в Тифлис из России. Сунженцам оружие выдано, уже грузится... Оружие из запасных полков можем набрать до 40 тысяч, не больше, когда будут, тогда поможем оружием... за патронами присылайте в Тифлис... Как вижу, дело у вас ладится, в чем желаю вам успеха и в дальнейшем. Передайте привет Михаилу Александровичу Караулову".

Я спрашиваю господ Донского и Звонарева, как они осмеливаются уверять нас, что из Закавказья никаких патронов, никакого оружия на Сев. Кавказ не посылалось. Или им все это не было известно. Если-б даже Донской, комиссар при штабе, и Краевой Совет этого действительно не

знали, может ли незнание служить для них оправданием Ни в коем случае. И они виноваты не только в попустительстве в данном случае, но и в прямой, сознательной поддержке контр-революции на Сев. Кавказе. По желанию Караулова, они требовали расформирования 112 полка в Пятигорске и 111 полка в Грозном, а эти полки являлись единственной опорой демократических организаций на Сев. Кавказе. Они посылали телеграммы за телеграммами, приказы за приказами по борьбе с пехотными частями и демократическими организациями, об арестах большевиков и пр. и пр.

И после этого вы, правые, обижаетесь, что мы называем вас союзниками Карауловых и Калединых.

Здесь пытаются изобразить дело так, как будто мы предлагаем отправить войска против горских народов, и мы хотим вторично завоевать Дагестан и пр. Это сознательная неправда. Наоборот, в оглашенной вчера резолюции нашей мы определенно говорим, что мы требуем войск против Карауловых и Половцевых, которые провоцируют чеченцев, ингушей, часть казачества и солдат друг против друга. А к горцам мы посылаем мирные делегации для выяснения нашего дружественного отношения к трудовым элементам всех племен и наций.

Мы требуем признания необходимости решительной борьбы против контр-революции Каледина и Караулова и переброски войск на Сев. Кавказ. Мы требуем смещения господ Пржевальских и Донских. Мы обвиняем в попустительстве и в поддержке контр-революции Краевой Армейский Совет.

Только открытые или тайные контр-революционеры, или их пособники могут не признать справедливости наших требований.

„Известия Бакинского Совета".
30 декабря 1917 г.

Присоединение промыслов к городу.

Об этом вопросе как будто все забыли. В чем дело?

Бакинские рабочие путем упорной и продолжительной борьбы добились признания необходимости присоединения промысловых районов. Нужно было сломить упорство и противодействие прежде всего так называемых „социалистов“— меньшевиков, которые были против присоединения, затем Исп. Комитета Обществ. Организаций во главе с прислужником бакинских нефтепромышленников В. Фроловым. Нужно было бороться с буржуазной прессой, с господами Вермишевыми и К-о. Затем пошли мытарства по канцеляриям министерства внутренних дел в Петербурге, посылались делегации в Тифлис к Особому Закавказскому Комитету; была назначена специальная комиссия, приезжавшая в Баку, давшая заключение о необходимости присоединения, что было, наконец, утверждено кавказскими властями.

Боровшаяся против присоединения старая цензовая городская дума, исчерпав все средства, казалось смирилась и надеялась только на то, что, добившись при помощи г-на Фролова отсрочки выборов в районах и создания временной думы в пределах только города, сможет в этой думе провести постановление о нежелании самого города, чтобы промысла были присоединены к нему.

Но и эта карта бакинской буржуазии и их прислужников была бита. Новая городская дума вынесла постановление о необходимости присоединения и производства скорых выборов по районам.

С тех пор прошло больше месяца. Почему в этом направлении ничего не делается?

Почему игнорируются и попираются права 120-ти тысячного населения промысловых районов? Чем об‘яснить такое издевательство со стороны „демократической“ думы?

С этими вопросами мы обращаемся прежде всего к „социалистическому“ блоку, к господствующим партиям меньшевиков и эсеров, заседающим в управе.

В чем дело? Или вас напугал г-н Топчибашев, пригрозивший от имени мусульманских беков и капиталистов, что не позволит „пришельцам“ распоряжаться в мусульманском царстве?

Мы понимаем, что эта угроза „серьезная“. Но разве отношение господ Топчибашевых, Ашуровых и других представителей мусульманской буржуазии нам не было заранее известно? Мы не считались с этим, ибо мы знали, что присоединение промыслов не только не противоречит интересам мусульманской демократии, но и диктуется ее собственными интересами.

Во всяком случае имейте мужество, господа „социалисты“, господа соглашатели, открыто заявить, что вы решили, как вы смотрите на этот вопрос?

Мы стоим на нашей прежней позиции, мы вместе с рабочими массами требуем присоединения промыслов.

Если вы во имя соглашательства с Топчибашевыми думаете иначе, наберитесь мужества и заявите о своем решении.

Но издевательству должен быть положен конец.

С.

„Бакинский Рабочий“ № 1 (117)
1-го января 1918 года.

С'езд советов рабочих депутатов Кавказского края. [19]

На 17 декабря в Тифлисе был назначен очередной с'езд советов рабочих депутатов. Оборонческий Краевой Совет об'явил норму представительства одного делегата на 500 раб. Заранее было ясно, что подготовляется подтасованный с'езд, так как крупные пролетарские центры, где естественно господствует революционный большевизм, не могли послать приходящегося на их долю громадного числа делегатов. Бакинский Совет, например согласно норме представительства, должен был послать 160 делегатов, для чего нужно было израсходовать минимум 24 тысячи рублей на проезд делегатов, не говоря уже о том, как трудно в такое время отрывать от местной работы такое количество работников. Еще труднее было послать много делегатов советам Северного Кавказа. Грозный должен был послать 60 делегатов, а он послал только двух; Екатеринодар мог послать 40 делегатов, послал только 18; Новороссийск мог послать 26 дел., послал 5; Кедабекский завод (Елисаветпольской губ) —16 дел., послал 1 и т. д. Таким образом 15 большевистских и лево-эсеровских советов, об'единяющих 198.300 рабочих и имеющих право на 397 делегатов, прислали всего 91 делегата. На отправку указанных 379 делегатов большевистские советы должны были бы израсходовать п о л м и л л и о н а рублей.....

А мелкие непролетарские или полупролетарские советы Тифлисской и Кутаисской губерний прислали своих оборонческих делегатов около 200 человек (в них 70 человек от Тифлиса).

Все эти оборонческие советы об'единяют едва тысяч 80 рабочих, и то „с позволения сказать" рабочих, ибо более половины их мелкие духанщики, лавочники, чиновники и проч.

Настойчивые требования бакинской, новороссийской и других делегаций об уравнении представительства ни к чему не привели.

Тифлисские оборонческие заправилы, господа Жордания и К-о, прекрасно понимали, что они делают.

Согласиться на правильное и справедливое представительство означало бы похоронить на этом с'езде кавказское оборончество. Но господа оборонцы и соглашатели хотят еще жить.

И вот мелкие советы Тифлисской и Кутаисской губерний, по преимуществу грузинские национальные советы, об'явили себя „чрезвычайным" с'ездом и приняли нужные господам Гегечкори резолюции о поддержке Закавказского Комиссариата, о национальных полках и т. д.

Делегаты советов раб. деп. Северного Кавказа и Восточного Закавказья имели по крайней мере вдвое больше права об'явить себя с'ездом и вынести свои решения по текущим, не терпящим отлагательства, политическим вопросам. И они так и сделали. Мы еще не получили подробного отчета об этом с'езде и не имеем под рукой принятых резолюций. Мы знаем только, что с'езд принял политическую платформу большевиков. Делегаты Северного Кавказа испытали „на своей шкуре" контр-революционную политику закавказских оборонцев, с благословения которых Карауловы и Филимоновы разгоняли их советы, сажали в тюрьмы, разоружали демократические пехотные части, расстреливали и выселяли жен и детей рабочих из Грозного, Екатеринодара и т. д.

С'езд принял резолюцию осуждающую Закавказский Комиссариат и непризнающую его власти. Вместе с тем с'езд 15-ти пролетарских советов Кавказа приветствовал власть Рабоче-Крестьянского Правительства России, власть Совета Народных Комиссаров.

Закавказский Комиссариат, не имевший и до сих пор почвы под собой, окончательно повис в воздухе. Армейский с'езд, т. е. с'езд фронта и советов солдатских депутатов, и с другой стороны с'езд крупнейших советов рабочих депутатов Кавказа не только отказали ему в признании, но и решительно осудили его контр-революционную политику. Единственная опора Закавказского Комиссариата—это, так называемые советы рабочих депутатов Грузии.

Это не случайно и это в высшей степени характерно для кавказского меньшевизма, кавказского оборончества.

Национальный и прямо националистический, мелкобуржуазный характер меньшевизма господ Жордания и Гегечкори обнажаются все более и более.

Интернациональная политическая демократия Кавказа и истинно-пролетарские элементы среди самих грузин совершенно отворачиваются от жорданизма. Мы этому обстоятельству придаем громадное значение, как с точки зрения интересов рабочего движения на Кавказе, так и с всероссийской точки зрения.

Вот почему мы горячо приветствуем постановления как армейского с'езда, так и с'езда пролетарских советов Кавказа, решительно порвавших с оборончеством и соглашательством и признавших революционную власть Совета Народных Комиссаров.

P. S. Из сорока бакинских делегатов участвовали в с'езде 35 челов... остальные 15, члены партий „Дашнакцутюн" и „Мусават", ссылаясь на отсутствие соответственных мандатов, воздержались от участия в нашем с'езде, но и они все покинули меньшевистский подтасованный с'езд. Мы констатируем с удовлетворением, что и дашнакцаканы и мусаватисты, не принявшие участия в нашем с'езде по формальным соображениям, разделяют нашу политическую линию и во всяком случае очень далеки от жорданизма. Остался на оборонческом с'езде, и то кажется с совещательным голосом, бакинский архи-оборонец Саакян. От него, конечно, другого и ожидать было нельзя; ему, конечно, среди нас и не могло быть места.

„Бакинский Рабочий" № 1 (117).
1 января 1918 г.

Всем советам и комитетам солдат. Всем солдатам Кавказской Армии.*)

Товарищи солдаты! 2-й Краевой с'езд Кавказской армии закрылся 23 декабря. Как с'езды северного и западного фронтов—Краевой с'езд кавказской армии стал на защиту рабоче-крестьянской революции, признал власть рабоче-крестьянского правительства—Совет Народных Комиссаров, поддерживал его декреты о земле, о мире, о рабочем контроле и пр. С'езд осудил оборонческую и соглашательскую политику меньшевиков и правых эсеров; в большинстве своем он оказался на стороне партии большевиков и левых эсеров. С'езд признал всю полноту Советской власти рабочих, солдат и крестьян и отверг Закавказский Комиссариат, как не советский и не революционный орган. С'езд постановил начать организованную борьбу с контр-революцией на Кавказе и в первую очередь с так наз. терско-дагестанским правительством казачьих помещиков и горцев владетелей. Это „правительство" натравило чеченцев на трудовое казачество и крестьян; пытается столкнуть казачество с крестьянством; осмеливается разоружить войсковые части солдат и задерживать хлеб, предназначенный для фронта. С'езд постановил осуществить полную демократизацию кавказской армии; он постановил выдавать оружие

---

*) Воззвание это издано новым краевым советом до раскола и принято 52-мя голосами против 48-ми оборонцев и националистов.

Оборонцы в своей наглости дошли до того, что требовали отказа от принятой армейским с'ездом о признании власти рабоче-крестьянского правительства и требовали, чтобы ни в воззвании, ни в каких либо других обращениях не упоминалось о Совете Народных Комиссаров.

И, когда большинство Краевого Совета с этим не согласилось и затем еще издало декрет о демократизации армии, оборонцы совершили свое новое преступление против Кавказской армии, опираясь на свои вооруженные силы в Тифлисе и захватив Краевой Совет в свои руки целиком.

солдатам, увольняемым в запас, чтобы солдаты, рабочие и крестьяне силой оружия закрепили все завоевания рабоче-крестьянской революции.

Товарищи солдаты! Верховный Главнокомандующий Крыленко сообщил, что Германия согласилась на общий мир без аннексий и контрибуций, согласилась очистить всю занятую территорию. Силой российской революции под давлением своих рабочих согласились на это германские капиталисты.

Но они еще не согласны на самоопределение подвластных им народов. Упорствуют также еще французские и английские капиталисты всячески пытаясь сорвать дело мира и возобновить мировую кровавую бойню. Но это им не удастся.

Рабочие Германии, Австрии, Франции и Англии совместно с рабочими и крестьянами России разорвут кровавые цепи империалистов и установят всеобщий демократический мир.

Но до того момента, товарищи солдаты, вы не должны покидать позиций самовольно, без общего решения правительства Народных Комиссаров и постановления Краевого Совета армии, вы не должны оголять фронта и оставлять на полный произвол грабительских банд курдов население окраин Российской Республики.

Перемирие заключено и мир близок. Новый Краевой Совет Кавказской армии выбранный в числе 100, из коих 52 большевика и левых эсеров немедленно приступает к выполнению всех постановлений с'езда, а также к планомерной демобилизации Кавказской армии. Но, товарищи солдаты, если бы вся армия разом снялась и двинулась в Россию— она опустошила бы все Закавказье. Не хватило бы никаких составов поездов, чтобы разом ее перевести, в особенности при теперешней разрухе, когда количество паровозов и вагонов все убывает, когда движение все более расстраивается от разрушений и нападений на железную дорогу в Елисаветпольской губ. и Терской области. Тогда бы масса солдат двинулась вразброд от села к селу, от города к городу, в стороне от питательных пунктов. Там на фронте, остались бы невывезенные запасы продовольствия, склады и магазины оружия и всякого имущества на сотни миллио-

нов рублей. Лошади, пригнанные сразу в большом количестве к конечным пунктам железной дороги, без корма стали бы гибнуть. Много и людей погибло бы от болезней, совершая длинные и продолжительные переходы в зимнюю стужу впроголодь.

Во имя интересов скорого мира, в целях сохранения ваших же жизней, сохранения многомиллионного имущества, которое является достоянием крестьян, рабочих, а также ради предотвращения гибельного для крестьян и рабочих Закавказья неорганизованного движения войск, мы призываем все революционные организации солдат, всех солдат Кавказской армии остановить самовольное и неорганизованное движение частей войск и групп солдат с позиций, мы призываем всех солдат к революционной самодисциплине. Новый Краевой Совет избрал Краевой Комитет по демобилизации Кавказской армии. Этот Комитет немедленно приступает к работе. В помощь ему т. т. солдатам следует немедленно организовать во всех частях войск и крупных войсковых соединениях, во всех гарнизонах, на всех этапах, конечных и узловых станциях жел. дор., портах и пристанях демобилизационные комитеты.

Комитеты должны осуществлять все постановления краевого демобилизационного армейского комитета; они должны принять все меры к вывозу складов оружия и имущества в пределы государственной территории, принять все меры к охране и сохранению этапов жел. дор., почты и телеграфа, станций, портов, пристаней и пр. Они должны устроить питательные пункты, озаботиться о корме для лошадей. Как комитеты, так и все т. т. солдаты должны принимать самые решительные меры против разгромов складов, магазинов, жел. дор. станций и пр. Народное достояние не должно расхищаться и уничтожаться кучками грабителей.

Т. т. солдаты! В ваших руках судьба великой Российской революции. От вашей сознательности и организованности зависит торжество осуществления всех рабочих и крестьянских требований. Уже близок мир; уже вся земля об'явлена достоянием трудящихся; скоро всем будет хлеб; скоро счастье свободы и мира наполнит все сердца истомленных и истерзанных солдат, крестьян и рабочих. В эти

решительные и последние часы борьбы с контр-революцией и с капиталистами всего мира вы, товарищи солдаты, должны поддержать ваше правительство—Совет Народных Комиссаров - и ваш новый революционный Краевой Совет Кавказской армии.

Да здравствуют Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

Да здравствует демократический мир и братство всех народов!

Вся земля крестьянам!

Да здравствует революционное Учредительное Собрание!

Да здравствует социализм!

Краевой Совет Кавказской Армии

„Бакинский Рабочий" № 2 (118).
3 января 1918 г.

Всем советам и комитетам солдат, всем солдатам Кавказской армии.

(Воззвание).

Товарищи солдаты!

Меньшинство нового Краевого Совета армии, в числе 48-ми лиц, меньшевиков, правых эсеров, дашнакцаканов, украинцев и казаков—откололось и самозванно об'явило себя Советом Кавказской армии. Они захватили помещение, всю канцелярию, все средства и собственность Совета: они забрали в свои руки весь центральный аппарат армии.

Краевой центр рабочих и крестьянских депутатов, состоящий в подавляющем большинстве из тех же оборонческих и националистических партий поддержал захватчиков, вынося резолюцию, что он признает только оборонческое меньшинство за краевой совет армии. Этот краевой центр состоит из Закавказского Комиссариата, отвергнутого с'ездом, из непереизбранных представителей крестьянского с'езда и из рабочих меньшевиков, представляющих лишь советы рабочих западного Закавказья, т. к. большинство рабочих советов Сев. Кавказа, Баку, Черноморского побережья, порвало с оборонцами, образовав свой рабочий центр.

Меньшевикам, правым эсерам и пр. не удалось на 2-м армейском с'езде обмануть солдат Кавказской армии. Большинство с'езда признало всю полноту сов. власти рабочих, солдат и крестьян, признало Совет Народных Комиссаров, все его декреты о мире, земле, рабочем контроле и проч. Оборонцы всячески пытались сорвать с'езд, они всеми способами тормозили работу с'езда.

После того, как был выбран новый Краевой Совет в числе 52-х большевиков и левых эсеров и 48-ми всех оборонцев, они и в Совете всячески тормозили работу и за 3 дня заседаний Совет не смог приступить ни к какой прак-

тической работе. Наконец, когда их попытка уничтожить политическую самостоятельность Краевого Совета, свести его на узко-профессиональный орган, подчинить его развалившемуся оборонческому центру не удалась—эти предатели рабоче-крестьянской революции нагло об'явили себя Краевым Советом Кавказской армии, захватили весь армейский центральный аппарат, воспользовавшись тем, что тифлисский гарнизон ими же заблаговременно распущен.

Таким образом, те, которые в составе старого совета покровительствовали контр-революции на Кавказе, попрежнему пытаются хотя бы силой удержать власть над Кавказской армией. Но они жестоко поплатятся за это новое и циничное насилие над волей Кавказской армии.

Много месяцев они глумились над ней, извращали ее волю на всех общероссийских с'ездах, в печати и всюду, говоря от лица армии; они держали ее умышленно в темноте, не пропуская на фронт революционную литературу и печать. Они работали рука об руку с контр-революционными генералами, произвольными расформированиями, демобилизацией и системой национализации полков—они внесли полную дезорганизацию в ряды армии и первые же клевещат, огульно обзывая солдат армии дезертирами. Они пытались на с'езде провести обезоружение солдат, а когда это им не удалось и с'езд постановил, что солдаты увольняющиеся домой забирают с собой оружие—они, как это видно из перехваченной телеграммы, рассылают тайные приказы о разоружении воинских частей следующих с фронта.

И эти предатели осмеливаются называть себя Краевым Советом революционной Кавказской армии.

Товарищи солдаты! Мы социал-демократы большевики и левые эсеры-интернационалисты, как большинство ваших избранников в Совет, считаем себя истинными представителями всей революционной Кавказской армии и в виду создавшегося положения об'являем себя революционным Краевым Советом Кавказской армии впредь до созыва нового чрезвычайного армейского с'езда, который будет созван в ближайшее время. Всю ответственность за печальные последствия от дезорганизации армии и его центра мы возлагаем на наглых узурпаторов—захватчиков-оборонцев. Революционный Краевой Совет выделил исполнительный орган.

Военно-революционный Комитет Кавк. армии и Совет временно будут помещаться в г. Баку, пролетариат и гарнизон которого взял всю власть в свои руки и признал Совет Народных Комиссаров. В главных пунктах прохождения войск, как Трапезунд, Саракамыш, Джульфа, Шахтахты и пр. образуются военно-революционные комитеты для соответствующих частей фронта.

Во всех войсковых частях и в гарнизонах должны быть немедленно образованы военно-революционные комитеты, которые действуют под руководством обще-армейского и высших военно-революционных комитетов.

Все солдаты революционной Кавказской армии выполняют приказы военно-революционных комитетов. Военно-революционные комитеты немедленно проводят полную демократизацию армии, согласно декретов правительства Народных Комиссаров. Они ведут беспощадную борьбу с контр-революцией. Они осуществляют планомерную демобилизацию под общим руководством обще-армейского В. Р. К. Военно-революционные комитеты принимают самые решительные меры к охране ж. д. и портовых сооружений, складов, магазинов и пр.

Товарищи солдаты! Уже буржуазная украинская рада под ударами украинских советских войск и войск Народных Комиссаров стала на колени перед рабоче-крестьянской властью. Фронтовое казачество шлет свои полки на Дон, против Каледина, чтобы совместно с солдатами расправиться с контр-революционерами, генералами засевшими в Ростове и в Новочеркасске. Трудовое казачество и крестьянство Сев. Кавказа взывает к вашей помощи в борьбе с кубанскими и терско-дагестанскими правительствами казачьих и горских помещиков. Вы направите свои штыки и орудия против врагов рабоче-крестьянской революции.

Товарищи солдаты!

Над вашей революционной волей закавказские оборонцы (меньшевики), правые эсеры и националисты произвели насилие: они разгромили выбранный вами Краевой Совет, они надругательством и глумлением ответили на ваши желания и стремления, они стали поперек вашей дороги, ведущей к торжеству рабоче-крестьянской революции—так

подымите же ваш мощный голос в свою защиту, в защиту выбранного вами Совета и произнесите свой суровый приговор захватчикам, предателям, оборонцам.

Революционный Краевой Совет Кавказской армии.
28 декабря 1917 г.

„Бакинский Рабочий“ № 3 (119).
5 января 1918 г.

Удержат ли большевики государственную власть?

(Лекция).

Основным вопросом нашей революции, определяющим тактику партий, является вопрос о характере русской революции: социалистическая или буржуазная наша революция?

Для меньшевиков она буржуазная.

А для нас она не буржуазна. Давно прошла эпоха буржуазных революций, когда буржуазия была революционной. В эпоху финансового капитализма и связанного с ним империализма буржуазия, как класс, реакционна по всей Европе. Наша буржуазия, будучи тесно связана с этой реакционной буржуазией, не может быть революционной. Ни в одной буржуазной революции пролетариат не противостоит буржуазии, как особый класс с особым своим самосознанием, организацией с особыми задачами. Между тем, у нас существует пролетариат—как самостоятельно организованная сила.

Внешняя об'ективная обстановка у нас не такова, как во времена французской революции. Над Европой висит призрак социалистической революции.

У нас слабо развит капитализм, но форма его—наивысшая, финансово-капиталистическая, как в Европе, чего не было во Франции тогда.

У нас осуществить чистый социализм немедленно—невозможно.

Никогда не было чистого феодализма или капитализма. В жизни встречаются рядом элементы совершенно различных общественных формаций.

Наша революция не буржуазная, но она и не чисто-социалистическая, а переходная рабоче-крестьянская революция, делающая решительные шаги к социализму и ведущая нас к нему.

Перед нашей революцией стоят вопросы о земле, о мире, об урегулировании производства и пр. вопросы, которые в силах разрешить только революционные классы: буржуазия не в состоянии решать эти вопросы. Поэтому она не революционна. Революционными классами являются только крестьянство и рабочий класс. Эту мысль высказал К. Каутский даже в 1905 году.

Но оборонцы твердят, что наша тактика приведет к изоляции пролетариата.

Каковы эти „живые" силы?

Буржуазия не может быть потому, что она вне демократии.

Главная сила у нас—крестьянство и его партия левых эс-эров—идет за рабочим классом. Большинство крестьянства на с'ездах сказало, что идет не с соглашателем Черновым, с коалицией с буржуазией, а к обороне против нее вместе с рабочим классом.

Но здесь наши противники приводят самое „серьезное" возражение: пролетариат не может технически овладеть государственной машиной и пустить ее в ход. А мы говорим нужно уничтожить современную буржуазную государственную машину, как орудие для эксплоатации народа. Составные части этой машины—постоянная армия, полиция и чиновничество, не нужны для диктатуры пролетариата.

Вместо этого орудия эксплоатации должны быть созданы народным творчеством новые высшие государственности—советы рабочих и крестьянских депутатов.

Власть политическая без власти экономической—немыслима. Поэтому пролетариат, взяв власть в свои руки, обязан подчинить производство и распределение себе.

„Без крупных банков неосуществим социализм" (Ленин). Банки—это учетно-регистрационные органы, которыми должна овладеть советская власть для ведения общественного производства. Овладеть банками, значит фактически подчинить своему контролю все крупное производство. Поэтому надо провести в жизнь рабочий контроль, принудительно синдицировать (об'единять) производство и национализировать существующие синдикаты.

Для восстановления народного богатства России необходимо ввести всеобщую трудовую повинность и путем при-

нуждения (напр. лишения продовольственной карточки) сломить сопротивление буржуазии и технического персонала и заставить принимать участие в производственной работе общества.

Привлечение бедноты к повседневному управлению государством и успешный надзор над техническим персоналом возможны потому, что помещиков и др. 130 тысяч, народа—150 миллионов.

Ошибки в первое время неизбежны. Но практика и дальнейший опыт жизни избавит народ от этих необходимых ошибок. Много толков вызвал также вопрос о гражданской войне. Гражданская война—это та же классовая борьба, в своем обострении и ожесточении доходящая до вооруженных столкновений на улице. Мы сторонники гражданской войны, но не потому, что мы жаждем крови, а потому, что без борьбы кучка насильников не уступит свои привиллегии народу. Отказаться от классовой борьбы—значит отказаться от требования социальных преобразований для народа.

Удержат ли большевики государственную власть?

Удержат—опираясь на вооруженный пролетариат и беднейшее крестьянство, на всю бедноту, и служа только их интересам. Они уже показали себя: передали землю и инвентарь помещиков крестьянам, национализировали банки, приступают к установлению рабочего контроля над производством, упразднили сословия и чины, царский суд, чиновничество, старую армию с назначаемым командным составом, ввели выборность в армии и в стране, добились перемирия, решительными и твердыми шагами идут к демократическому миру, во всех областях наносят удар господству помещиков и капиталистов и устанавливают диктатуру пролетариата и крестьянства.

Но окончательное торжество большевиков и, значит, социализма в России возможно, если только и в Европе начнется революция, признаки и об'ективные данные которой налицо.

Затем, наши противники много говорят о том, что власть Совета Народных Комиссаров не есть власть Советов.

Если даже не считать того, что он избран на с‘езде советов раб. и солд. деп., признан чрезвычайным и вторым с‘ездом крестьянских депутатов, что эта власть фактически опирается на Ц. И. К., он ответственен и отчитывается пред ним регулярно, достаточно только упомянуть то, что Совет Народных Комиссаров созывает С‘езд Советов, значит он не боится их, не борется против них, а опирается на них и выполняет их волю.

„Известия Бакинского Совета“ № 4 (226).
6 января 1918 г.

Самоопределение народов в понимании националистов[20]).

Вчера на заседании Исполнительного Комитета представители тюркской партии „Мусават“ произнесли речи, выяснившие их отношение к Российской революции. По словам одного из этих представителей, Расул-Заде, в России сейчас анархия, которая перекинулась на Кавказ, и мусульманский совет, организуя свои национальные войска, имеет в виду положить конец этой анархии и восстановить порядок.

Эти слова очень характерны. Оказывается, с точки зрения лидера „Мусавата“ в России сейчас не революция, а лишь анархия, беспорядок. Это—точка зрения русской буржуазии и русских помещиков. И с этой точки восстановить порядок, это значит восстановить именно старый буржуазно-помещичий, романовский порядок. Что мусульманский совет желает восстановить именно этот порядок, видно из признания гр. Расул-Заде, что во главе этого совета стоят Тагиев. Нагиев и другие представители мусульманской буржуазии, на средства которой и организуются мусульманские войска. Правда, краевой мусульманский совет еще наднях об'явил, что организацией национального войска он имеет в виду поддержать революцию, но нужно быть политически младенцем, чтобы верить г.г. Тагиевым и Нагиевым.

Сейчас всякий контр-революционер действует под флагом революции и только лишь для того, чтобы еще успешнее разгромить революцию. Заявление мусульманского совета указывает на то, что ряды оборонцев усиливаются—и только.

Сам „Мусават“ под революцией понимает, повидимому, лишь национальное самоопределение, и то в своем извращенном виде. Это видно из упрека, брошенного гр. Расул-Заде членам Исполнительного Комитета, высказавшимся против организации национального войска, представители де русской демократии говорят с мусульманами таким же языком, как и самодержавие. Представители демократии,

действительно, против такого понимания права национального самоопределения, какого придерживаются мусульманские националисты, которые демократический принцип, выдвинутый Русской революцией, хотят использовать для восстановления ни более, ни менее как крепостного права на Кавказе. Высказываясь против организации национальных войск мусульманской буржуазией и помещиками, представители российской демократии не только не действуют против мусульманского народа, против самоопределения которого они ничего не имеют, как это утверждает Расул-Заде, а как раз в интересах этого народа

Ведь самоопределение мусульманской буржуазии и помещиков не есть самоопределение мусульманского народа, до которого де докатилась еще русская революция. Напротив, это есть восстановление ханских порядков, которое поведет к полному порабощению мусульманского народа.

Русская демократия допустить этого не может. На что же могут надеяться тюркские националисты, пускаясь в авантюру? Может быть на разгром демократии и торжество контр-революции в России? Но и в таком случае они не могут расчитывать на осуществление своих националистических вожделений. Если русская демократия не может допустить восстановления на Кавказе средневековых порядков, то русская буржуазия, в случае победы над демократией, не может отказаться от Кавказа по совершенно другим соображениям.

Вот почему авантюра тюркских националистов рано или поздно кончится крахом. И мы еще раз предупреждаем их, как в свое время предупреждали армянских националистов, остановитесь пока не поздно. Иначе ваша политика приведет к тем же самым результатам, к каким привела легкомысленная политика дашнакцаканов в Турции. Армения сейчас превращена в груду развалин. В развалины вы превратите и Кавказ. Вот самое большое, что удастся сделать вам.

Но мы верим, что соединенными усилиями всей кавказской демократии удастся предотвратить печальные последствия преступной работы кавказских националистов.

„Бакинский Рабочий" № 19 (135).
25 января 1918 г.

Ко всем советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ко всем рабочим и крестьянам Кавказа.

Совет Народных Комиссаров декретом своим от 18-го декабря 1917 г. назначил меня временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа впредь до создания на Кавказе Советской власти. Советская власть на Кавказе должна быть создана безотлагательно. Дело революции нигде в России в настоящее время не находится в такой опасности как у нас на Кавказе. Вслед за контр-революцией на Северном Кавказе открыто подняла голову контр-революция в Закавказье.

Оборонческая буржуазно-помещичья власть, свергнутая в России, продолжает еще жить на Кавказе. Советы, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или не существуют вовсе или низведены до роли ненужных придатков к реакционным оборонческим организациям.

Вместо интернационально-демократических и революционных советов р., с. и кр. депутатов мы имеем реакционные буржуазные или помещичьи национальные советы, играющие роль национальных правительств. Вместо интернациональной советской красной гвардии мы имеем руководимые реакционными элементами национальные полки.

Благодаря этой националистической политике Кавказ и, в частности, Закавказье катятся с неизбежностью в бездну контр-революции и национальных войн.

Благодаря соглашательской политике с реакционными мусульманскими беками и ханами, с грузинскими князьями и дворянами и армянскими буржуазными элементами не только нет возможности провести какую либо революционную меру (как напр., передачу земли крестьянам, контроль над производством и торговлей и пр. и даже простой административный передел для введения земства на Кавказе),

но, наоборот, усиливаются контр-революционные классы и грозят задушить в конец свободы, даже добытые февральской революцией.

Закавказский Комиссариат, ужаснувшись той анархии и контр-революции, которые создал своей политикой, в бессилии сложил полномочия. Так наз. Кавказский сейм, который открылся 22-го января, уже в самый день своего открытия обнаружил свою беспочвенность и беспомощность. Помимо большевиков, не пожелавших даже удостоить сейм своим присутствием, высказались за ненужность сейма социалисты-революционеры и партия „Дашнакцутюн".

Вопрос даже о самом существовании сейма был решен таким образом ничтожным большинством голосов меньшевиков и группы мусульманских беков.

С другой стороны, отчаявшееся мусульманское крестьянство подняло восстание и безжалостно истребляет своих ханов, беков и агаларов, изображавших до сих пор совместно с кавказскими оборонцами „революционную власть" в Закавказье.

Единственный выход из этого тупика, единственное средство предотвратить ужасы межнациональных войн и взаимного истребления народов Кавказа, если уже не поздно—это создание на Кавказе Советской власти.

По всей России утверждается Республика Советов. Начинается борьба за Советскую власть на Кавказе.

Созданный на 2-м армейском с'езде в декабре месяце краевой совет был сорван оборонцами и разбит на две части, т. к. он стоял в большинстве своем за Советскую власть. Собравшийся в том же месяце с'езд советов рабочих депутатов также распался на две части благодаря махинациям оборонцев, нежелавших остаться в меньшинстве. Крестьянский с'езд советов не созывается вовсе. Нет общекавказских советских центров, мало того, нет в большинстве случаев, советов даже на местах. За десять месяцев революции ровно ничего не сделано для организации в советы мусульманского и армянского крестьянства. Очень мало сделано и для организации грузинских крестьянских советов. Между тем крестьянство стонет без органов управления—каковыми могут быть только советы на местах. Всюду в деревнях, уездах, городах—отсутствие революционной власти и полная анархия.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне Кавказа!

Я призываю вас взяться за устроение своей жизни. Организуйте советы повсюду, где их еще нет, укрепляйте там, где они есть; об'единяйте местные советы в уездные и губернские и создайте центральные краевые советы.

Эти советы должны быть полновластными революционными органами. Старые формы государственного управления разрушены. По всей рабоче-крестьянской России идет строительство новой жизни, в муках гражданской войны рождается новая свободная Россия. Не буржуазно-парламентская республика во главе с капиталистами и помещиками, не кавказский „сейм", во главе с беками, дворянами, буржуазно-националистическими оборонцами, а рабоче-крестьянская республика советов—вот что может спасти нас от гибели.

Отныне и вплоть до полного торжества социализма к власти не должны быть допускаемы помещики и капиталисты. Вся власть в стране, все управление государством в центрах и на местах должно принадлежать трудовым революционным классам— пролетариату и крестьянской бедноте.

Иначе нет победы революции, нет пути к социализму.

За дело же товарищи.

Я обращаюсь к крупнейшим советам Кавказа: бакинскому, тифлисскому, грозненскому и др., а также к обломкам краевых центров—с призывом взять на себя инициативу по *скорейшему, безотлагательному созыву с'езда всех советов Кавказа для создания центральной авторитетной советской власти.*

Кавказ стоит на краю пропасти. Спасайте его. Создайте здесь интернациональное рабоче-крестьянское правительство, которое в тесном единении с российскими советскими центрами и с Советом Народных Комиссаров положит конец контр-революции на Кавказе и поведет рабочее и крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма.

Временный Чрезвычайный Комиссар по делам Кавказа.

„Кавказский Вестник" № 1 Совета
Народных Комиссаров
31 января 1918 г.

К крестьянскому населению мусульманских провинций Закавказья.

Братья крестьяне!

Настал час, когда вы окончательно должны сбросить с себя вековое иго помещиков-землевладельцев, ханов, беков, агаларов и других. Ханы, беки и агалары, при помощи царских чиновников, об‘явив почти все земли своей собственностью, превратили вас в настоящих рабов и долгое время бессовестно обирали и угнетали вас. Но теперь пришел этому конец.

Русские рабочие и крестьяне почти год тому назад, в феврале 1917 г., свергли в Петрограде царское правительство и завоевали народам всей России свободу; вместе с тем, крестьяне должны были получить землю.

Но на месте Николая и его министров во главе правительства оказались опять враги народа, т. е. помещики и буржуа.

Русские рабочие и крестьяне не стерпели и этого ига помещиков и капиталистов и в октябре месяце устроили новую революцию и создали новое рабоче-крестьянское правительство, во главе с партией большевиков. Ваши ханы и ваши газетчики обманывали вас, будто они враги мусульман. Наоборот, большевики самые искренние друзья мусульманских, как и всяких других, крестьян и рабочих. Но они, правда, непримиримые враги помещиков и беков, как русских, армян, так и мусульман и всяких других. Они уже уничтожили в России власть помещиков и хотят помочь всем народам, всем крестьянам освободиться от их вековых угнетателей.

Крестьяне-мусульмане! Здесь, в Закавказье, до сих пор во главе правительства стоят ваши ханы и беки и их союзники других наций. Вы уже с начала января восстали против ваших беков и забираете их земли.

От имени рабоче-крестьянского правительства я приветствую ваше пробуждение и вашу борьбу. Земля должна принадлежать народу, и того, что вы возьмете теперь, никто не в силах будет отнять у вас.

Новое рабоче-крестьянское правительство, утвердившееся в Петрограде, никому не позволит отнять у вас земли и восстановить ненавистное иго помещиков.

Не нужно убивать ваших ханов и беков, их жен и детей, не нужно жечь и уничтожать их имущества. Когда вы лишите их земли и богатства, ханы и беки не будут уже вам страшны, а имущества их и дома пусть сохраняются в целости для вас. И то, что вы отбираете у помещиков, должно принадлежать всем крестьянам сообща, а не отдельным лицам, которые могут сделаться новыми беками для вас. Старайтесь, чтобы ваше восстание было всеобщее, чтобы повсюду мусульмане-крестьяне захватывали организованно земли беков. Создайте крестьянские комитеты, которые должны брать эти земли.

Братья крестьяне! Ваши беки и ханы до сих пор не раз натравливали вас против армянских крестьян и устраивали между вами резню. Довольно этой братоубийственной войны. Армяне крестьяне такие же труженики, как и вы. Они тоже поднимаются против своих беков и богачей.

Все рабочие в России и в нашем крае, в городах,—русские, грузины, армяне, мусульмане—живут мирно и вместе борятся против своих хозяев-богачей. Так же мирно и по-братски должны жить мусульмане-крестьяне с армянами.

Братья крестьяне!

До сих пор ваши беки и ханы много обманывали вас. Они хотят еще один раз обмануть. Они через свои комитеты создают мусульманские войска и хотят об'явить новое мусульманское государство в Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерниях. Против свободы и самостоятельности мусульман новое рабоче-крестьянское правительство ничего не имеет. Наоборот, оно дает право всем народам устраивать свою судьбу свободно, как сами того хотят. Но ваши ханы и беки обманут вас и восстановят старинные ханства и будут душить вас попрежнему. Даже сейчас то войско, которое они хотят создать, они направят против вас, чтобы отобрать вновь земли. Не позволяйте им сидеть

в комитетах и говорить от вашего имени, от имени всей мусульманской нации. Выбирайте комитеты из своей среды, верных вам и преданных людей, которые могут защищать ваши интересы.

Братья крестьяне!

Судьба ваша и будущее ваших детей в ваших руках. Новое рабоче-крестьянское правительство России желает свободы и счастья мусульманскому народу.

Долой вековое иго ханов и беков!

Да здравствует братство и единение рабочих и крестьян всех национальностей России!

От имени петербургского рабоче-крестьянского правительства Временный Чрезвычайный Комиссар по делам Кавказа *С. Шаумян.*

Январь 1918 г.

„Кавказский Вестник" Совета
Народных Комиссаров № 1.
31 января 1918 г.

Крестьянское восстание в Закавказье.

(Аграрное движение в Елисаветпольской губернии).

Аграрное движение в Елисаветпольской губернии началось в первых числах января. Оно охватило прежде всего 4-ый участок Елисаветпольского уезда, где аграрное движение приняло не характер классовой борьбы, а жестокой классовой мести; запылали все помещичьи имения, были вырезаны почти все ханы и беки с их семействами и их земли и имущества захвачены крестьянами.

По имеющимся у нас данным, собранным путем опроса крестьян в захваченном аграрным движением районе, пострадали следующие помещики:

1) 4-го января крестьяне напали на имение Бахрам-бека Карабекова в селении Юхарайплу, недалеко от станции Дзегам Зак. ж. д. Убиты сам Бахрам-бек и его два брата — Каргаман-бек и Гасан-бек.

2) 6-го января было нападение на имение Беюк-ага Карабекова. Убиты сам Беюк-ага, дочь и пять сыновей: офицер—доброволец, Габиб-бек, Джибрани-бек, Хан, Надир-бек и Бахрат бек.

3) Того же 6-го января было нападение на имение Галид-бека Зюльгадарова, около ст. Каиляр. Убиты сам Галид-бек, жена и шесть дочерей. Одна дочь и сын увезены в плен и находятся у Машад-Кадир Ибадулаева.

4) Того же 6-го января был убит в своем имении Союн-бек Зюльгадаров, его четыре сына (Махмарза-бек, Шариф-бек и двое других) и еще около десяти душ женщин и детей.

5) В очень трагической форме описывают армяне крестьяне гибель самого крупного представителя рода Зюльгадаровых —Аллаяр-бека. Были убиты, кроме него самого, жена его Сеид Ниса-ханум, сын Мамед-бек и дочь Фархат. Один сын гимназист Гензафар раненый, а другой Ярон

были доставлены в армянское селение Бадакенд, где они нашли приют у крестьянина Галуста Якрянца.

6) Был убит также в своем имении после долгого сопротивления брат Аллаяр-бека, Мехрали-бек. Убит также сын его. И еще один из братьев. Сын Аллаяр-бека Нуш-бек с тремя сыновьями и еще один из братьев Зюльгадаровых бежали в селение Куши, семейства их взяты в плен.

7) В том же районе были нападения на целый ряд мелких беков называемых „хурда-беками". Около 30 семейств этих беков, едва спасшихся от ярости крестьян, находятся в настоящее время в упомянутом выше армянском селении Бадакенд.

8) 4 января было нападение на беков Шамхорских. Среди крестьян возобладало здоровое течение, которое было против убийств, и жизнь беков была спасена. Около 80 душ этих беков покинули свои имения и уехали.

9) Морульским бекам спас жизнь приехавший из Тифлиса шейх-уль-ислам, которому крестьяне позволили также увезти на нескольких десятках фургонов все движимое имущество беков.

Во всех перечисленных случаях земли и леса об'являлись собственностью крестьян, производились запашки там, где земли не были запаханы крестьянами ранее. Весь скот, лошади угонялись, усадьбы поджигались, все богатство, запасы расхищались.

Несколько западнее в селении Кулали Казахского уезда, крестьяне рассказывали нам о целом ряде других нападений крестьян на своих беков, имевших место в этом районе в средних числах января, начиная с 15 числа.

В промежутке между этим движением и перечисленным выше выступлением крестьян лежат события на железнодорожной линии, т. е. разоружение проезжающих эшелонов русских солдат, с лихорадочной поспешностью начатое беками из Елисаветпольского комитета с целью отвлечь внимание крестьян в другую сторону и приостановить дальнейшее развитие аграрного движения. Разоружение началось как известно 7-го января и кончилось (временно, конечно) 12-го числа.

В этом районе движение не носило столь свирепого характера. Крестьяне ограничивались тем, что захватывали

и отбирали все, часто поджигали дома и отпускали беков живыми. Пострадали в этом районе:

10) Оджахлинский бек Мамед-ага и Искандар-Беков бежали в сел. Куши.

11) Озаплучлинские беки Кязим-ага, Абдул-ага, Темур бек, Ахверд-бек, Ханиши-бек Султановы. Семейства отправлены в сел. Куши.

12) Джирдаханские беки Ибрагим-ага, Рустам-бек и Надир-бек Султановы. Спасаются также в сел. Куши, куда им удалось вывезти часть своего имущества.

13) Безанкалинский бек Мамед Али бек Искендербеков.

14) В армянском селении Кулаги находятся в настоящее время еще около 30 душ беков с семействами. В их числе Дзегамский бек Сарибек Карабеков.

Пострадали также и бежали в Тифлис окюзлюинские беки Султановы.

По полученным в последние дни сведениям движение мусульман-крестьян началось и в Арешском уезде.

Мусульмане-крестьяне почти всюду как на ближайшие причины выступлений указывали на обстоятельства:

1) С уходом русских войск—говорили они, к нам придут турки; тогда сила наших беков и ханов усилится еще более и нам житья не будет. Поэтому необходимо заблаговременно перебить их.

2) Во время выборов в Учредительное Собрание наши беки обманули нас: вместо того, чтоб голосовать за № 11 они заставили голосовать и голосовали сами за нас за № 12, чтоб посадить вновь на трон Николая.

№ 11 это список мусульманской с. д.: „Гуммет“; № 12 список так называемый мусульманского „соц. блока“, т. е. беков, ханов и т. д.

Во многих местах армяне крестьяне говорили нам, что мусульмане упрекают их за то, что они не делают того же самого со своими беками. И по нашим сведениям под влиянием движения мусульманского крестьянства готовится аграрное движение и в армянских провинциях.

Приводим некоторые цифры о размерах дворянского землевладения в Елисаветпольской губернии.

Зюльгадаровы имеют (теперь же вернее имели) 56 т. дес. земли.

Беки Шамхорские—около 20 тыс. дес.
Адигезаловы—около 20 тыс. дес.
Шахмалиевы—около 70 тыс. дес.
Тагиев—более 20 тыс. дес.
Калабековы—15 тыс. дес.
Патхановы—около 10 тыс. дес.
Уцмиевы—около 20 тыс. дес.

Далее идет бесконечное число беков вроде Везировых, Хасмамедовых, Хан-Хойских и т. д., имеющих 5 тыс. дес., 3 тыс. дес. и т. д.

Из армян помещиков в этом районе должны быть названы: Мирзоев (около 20 тыс. дес.), Юзбашев, Мелик-Бегляров, Арафелов, Манташев, Арамянц и т. д.

Аграрное движение в Грузии.

Начало аграрной революции в Грузии уже факт. Восстание крестьян против помещиков началось в Горийском уезде Тифлисской губ. Революционная стихия носит пока кровавый характер: крестьянами убиты князья Цициановы (два брата: Василий и Константин и их двоюродный брат Илья), Магаловы, Каракозовы и др. Крестьяне ограничиваются только террором, оставляя все имущество (деньги, драгоценности и т. д.) в полной неприкосновенности. Отбирают оружие. Крестьянское восстание неизбежно перебросится и в другие районы: кровавые расправы явление в высшей степени отрицательное. Сознательность и организованность должны придать движению форму не классовой мести, а классовой борьбы, имеющей целью не фактическую смерть землевладельцев помещиков, а смерть экономическую: конфискацию всех земель и передачу их в распоряжение крестьянских комитетов.

Закавказский Комиссариат, не признающий Советской власти и своевременно не принявший мер к проведению декрета о земле, весьма повинен в той жестокой форме аграрного движения, в какой она сейчас проявляется.

Революционные организации должны напрячь все усилия для введения в нормальное русло аграрного движения в Закавказье.

„Кавказский Вестник Совета Народных Комиссаров“ № 1.

Земельный вопрос и крестьянская революция в Закавказье.

Ни в одной части России помещичья кабала, с одной стороны, и земельный голод, с другой,—не проявляются в такой острой форме как, именно, в Закавказье. Именно, здесь, в Закавказье, можно видеть не только пережитки крепостного права, но и часто крепостнические отношения. Сохранению и живучести крепостнических отношений очень много способствовали, с одной стороны, темнота и забитость, а с другой,—пестрота закавказской деревни в этнографическом отношении. Все эти факторы в наиболее сильной степени давали и дают себя чувствовать в мусульманских, а отчасти и в армянских деревнях; в грузинских же деревнях положение в этом отношении, сравнительно, более благоприятное.

Вплоть до начала XX века закавказское крестьянство и закавказская деревня спали; только местами можно было наблюдать чисто стихийное проявление недовольства существующими отношениями в области земледелия, землепользования, выражавшееся, главным образом, в убийствах крестьянами помещиков на аграрной почве. Лишь в самом начале XX века в западной Грузии, главным образом, в Озургетском уезде (Гурия), возникает довольно сильное аграрное движение, которое в 1905 году, охватив всю Кутаисскую губернию, а отчасти и Тифлисскую, принимает уже характер крестьянской революции.

Восставшее крестьянство в этих двух губерниях фактически устраняет от управления всю уездную администрацию, изгоняет из своих усадеб помещиков и т. д. Но, с поражением пролетариата и с водворением черной реакции в городах, быстро подавляется крестьянское восстание и, вместе с тем, ликвидируются все завоевания крестьянской революции. В грузинских деревнях снова восстанавливаются крестьянско-кабальные отношения в прежнем виде, а в не-

которых местах помещики начинают еще больше притеснять крестьян, мстя им за причиненные во время движения убытки.

Начиная с 1907 года крестьянское движение в Грузии постепенно замирает; крестьяне теряют всякую надежду на новую революцию, чтобы окончательно уничтожить помещичью кабалу и помещичье землевладение. Такое пагубное настроение среди грузинского крестьянства крепнет и усиливается, благодаря также контр-революционной тактике меньшевиков-ликвидаторов, которые с 1907 г. в своей пропаганде и агитации совершенно устраняют всякую мысль о возможности в России в ближайшее время нового революционного под'ема или новой революции. Все внимание рабочих и крестьян они направляют теперь в сторону царской государственной думы, надеясь от этого реакционного органа контр-революционеров добиться издания необходимых для крестьян и рабочих законов. Но все эти надежды и чаяния каждый раз разлетаются, как мыльные пузыри. Тем не менее, меньшевистский яд глубоко проникает в мировоззрение грузинского крестьянства, которым быстро овладевают уныние и (апатия) к самодеятельности, к новому крестьянскому движению.

Этим обстоятельством и об'ясняется, главным образом, то сдержанное, можно сказать, почти равнодушное отношение, которое проявило грузинское крестьянство в первые дни, даже месяцы российской революции; грузинское крестьянство эта революция застала врасплох, оно ее не ожидало. Вот чем об'ясняется то, что сами крестьяне в первое время почти ничем не отозвались на это величайшее событие. Грузинские же меньшевики видят во всем этом организованность и дисциплинированность грузинского крестьянства.

Это самообман.

С другой стороны, безучастное и равнодушное отношение к русской революции со стороны грузинского крестьянства, о котором мы здесь говорили, можно сказать, продолжается, в сущности, и до сих пор; крестьянство идет за меньшевиками, которые беспрестанно говорят ему о том, чтобы оно, для разрешения земельного вопроса, не прибегало ни к каким самочинным революционным действиям и

ждало созыва Учредительного Собрания. Меньшевики говорят крестьянам, что, если они попытаются революционным путем захватить в свои руки все земли, то это вызовет противодействие со стороны буржуазии и помещиков, и это приведет к контр-революции.

В виду этого меньшевики грозят крестьянам, что если они сделают подобную попытку, то они ее будут подавлять беспощадно (циркуляры Керенского, Церетелли, Чхенкели).

В результате такой пагубной тактики мы имеем то, что в грузинских деревнях, не говоря уже об армянских и мусульманских деревнях, где хозяйничают разные беки и агалары, все еще сохраняются старые порядки, крестьяне отправляют разные повинности помещикам за землю. А, между тем, в России после Октябрьской революции, на основании декрета о земле, изданного Советом Народных Комиссаров, все земли об'явлены собственностью всего народа, и они переходят в полное распоряжение крестьянских комитетов, или же советов крестьянских депутатов.

Закавказский Комиссариат, об'явивший войну Совету Народных Комиссаров, т. е. рабоче-крестьянскому правительству России, вынужден был издать тоже декрет о „земле", но по этому „закону" помещичье землевладение, под тем или иным предлогом, все же сохраняется, а остальные земли передаются не в распоряжение крестьянских комитетов, а каких-то земельных комитетов, назначаемых сверху. Выходит, что разрешение земельного, т. е. крестьянского вопроса совершается не самими крестьянами, как это следовало бы ожидать, а какими то другими организациями, подобно тому, как это имело место при отмене крепостного права, когда судьбу крестьян решали не крестьянские, а дворянские комитеты, т. е., иначе говоря, сами крепостники и рабовладельцы.

Словом, ясно, что разрешение земельного вопроса в Закавказье должно последовать лишь тем же путем, как это последовало в России после Октябрьской революции, передавшей всю власть рабочим, солдатам и крестьянам и открывшей эру социалистических преобразований. Земельный вопрос во всем его об'еме может разрешить лишь сам народ, само трудовое крестьянство, организованное в крестьянские комитеты.

Вот единственный путь правильного разрешения земельного вопроса в интересах трудящихся масс, на который мы и призываем все крестьянское население Закавказья.

Долой политику пассивности и бездействия!

Да здравствует рабоче-крестьянская революция!

„Кавказский Вестник Совета Народных Комиссаров" № 1.
31 января 1918 г.

К разоружению войск Совета Народных Комиссаров на Кавказе[21]).

В первой половине января 1918 года, на линии железной дороги от Тифлиса до Елисаветполя тысячные банды вооруженных мусульман во главе с членами елисаветпольского мусульманского национального комитета и при помощи бронированного поезда, посланного закавказскими властями, произвели ряд насильственных разоружений уезжающих в Россию войсковых частей. Причем, убиты и искалечены тысячи русских солдат, трупами которых усеяна железнодорожная линия. Отобрано у них до 15 тысяч ружей, до 70 пулеметов и 2 десятка пушек.

Именем Центрального Правительства Российской Республики я протестую против этого неслыханного злодеяния. Проливается невинная кровь солдат, которые в течение трех лет самоотверженно защищали границы Кавказа, оставив на поле битвы и в городах Армении десятки тысяч своих братьев, расхищается безжалостно оружие, принадлежащее Российской Республике.

Виновники этого тяжкого преступления не могут остаться без наказания.

Закавказье вправе иметь часть этого оружия для защиты фронта, но это оружие может быть уступлено только по соглашению с Центральным Правительством и должно попадать не в руки контр-революционных национальных советов, вроде бекского мусульманского национального Комитета в Елисаветполе, или руководимых им разбойничьих банд, а исключительно в руки революционных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Именем Совета Народных Комиссаров я требую немедленного прекращения дальнейших попыток к разоружению. А войска Совета Народных Комиссаров, едущие в Россию, призываю ни в коем случае не сдавать насильникам оружия,

которое доверено им и которое должно быть употреблено солдатами для защиты нашей великой Октябрьской революции.

Временный Чрезвычайный Комиссар
по делам Кавказа С. *Шаумян.*

К созыву Закавказского сейма.

Закавказский Комиссариат решил распустить себя и передать власть сейму из членов Учредительного Собрания от Закавказья.

Итак, еще одна меньшевистская затея. Какая разница между Закавказским Комиссариатом и Закавказским сеймом? Комиссариат состоял из представителей трех оборонческих партий—меньшевиков, эсеров и дашнакцаканов и мусульманских ханов и беков.

Члены Учредительного Собрания от Закавказья состоят, за ничтожным исключением, из представителей тех же партий и тех же социальных слоев.

К чему же вся эта комедия? А вот к чему. Закавказский Комиссариат доживает свои последние дни.

Начав свою деятельность „декретом“ о передаче помещичьей земли крестьянам, Комиссариат кончил тем, что еще больше закабалил крестьян помещикам. И неудивительно. Ведь в Комиссариате нет ни одного крестьянского представителя, но за то добрая половина его состоит из дворян-помещиков. Хасмамедовы и Хан-Хойские, обладающие десятками тысяч десятин земли—вот кто должен был освободить крестьян от помещичьей кабалы, вот кто должен был передать им землю.

Но Комиссариат не только не мог удовлетворить справедливые требования крестьян и рабочих, не только укрепил власть помещика над крестьянином, но и создал на всем Кавказе такую анархию, которая грозит физическому существованию населения.

Непопулярность Комиссариата, ненависть к нему со стороны широких слоев народа теперь уже вне сомнения, и вот хитроумные г.г. Жордания, Гегечкори и К⁰ прибегли к обычному для оборонцев средству для продления своего жалкого существования—к новому одурачению народных масс. Эти господа знают, что мелко-буржуазные массы еще питают некоторые иллюзии в отношении Учредительного Собрания и его членов. Эти иллюзии и составляют ту поч-

ву, на которую хотят теперь опереться г.г. оборонцы в союзе с беками и агаларами.

Но эта „почва“ не выдержит самого легкого соприкосновения с действительностью. Как демократическое совещание, созванное после Московского совещания, не спасло положения оборонцев, союзников кадетов и калединцев, так Закавказский сейм не спасет их, после банкротства Закавказского Комиссариата, детища тифлисских меньшевиков и эсеров, этих союзников кавказских зубров.

Их дело проиграно. Вместе с приближением революционных войск с севера и дух революции начинает уже витать над Кавказом. Закавказский сейм обречен на бессилие и банкротство.

P. S. На заседании городской думы представитель партии „Мусульманство в России“ Ганиев заявил, что его партия „кровью своей будет защищать этот сейм“.

Сказано громко, также громко, как месяц назад говорили г.г. Качазнуни от партии дашнакцутюн и Атабекян от партии эсеров, в том же думском зале обещавшие выступить с бомбами и пушками в случае разгона Учредительного Собрания и продолжающие свою жалкую обывательскую жизнь после его разгона.

На какую реальную политическую силу опираются г.г. Ганиевы, делая свои воинственные угрозы? На дикую дивизию, нападающую из-за угла на усталых солдат, возвращающихся домой?

Или, быть может, на разбойничьи банды, уничтожающие мирные поселения, убивающие и насилующие женщин и детей? На дивизии и банды, способные воодушевиться только единственной идеей—„идеей“ грабежа?

Это не политическая сила. Эти банды уничтожатся сами собою без всякого даже усилия извне.

Разрушать вы можете, г.г. Ганиевы. В этом никто с вами сравниться не может. Создать же политическую силу, политический строй в век социальной революции—об этом вы, представители уже выродившегося класса, и мечтать не должны.

Вы обречены на гибель.

„Бакинский Рабочий“ № 24 (140).
31 января 1918 г.

Ответ гражданину Расул Заде[22])

Письмом в редакцию „Известия“ гр. Расул Заде отвечает нам на статью по поводу его речи в Исп. Комитете. Прежде всего нужно сказать: Расул Заде не добросовестный противник, приписывая нам то, чего мы и не высказывали, одновременно, скрывая то, что он сам говорил.

На заседании Исполнительного Комитета гр. Расул Заде сказал буквально следующее: „Ну да, конечно, мусульманские полки организуются национальным советом, на средства мусульманской буржуазии, ну и в том числе, конечно, Тагиева и Нагиева“. Теперь он пишет: „Тагиев и Нагиев никакого отношения к национальному совету не имеют“.

Пусть будет хотя бы и так. Дело не в личностях. Но ведь Расул Заде не может же отрицать того, что национальные полки организуются на средства буржуазии? Вот мы и говорим. Раз эти полки организуются буржуазией и раз они создаются, как утверждал сам Расул Заде, для восстановления порядка, то этот порядок будет буржуазно-романовский. Иного порядка буржуазия восстановить не может.

Но Расул Заде нам отвечает:

„Оказывается, что события в Ленкоранском уезде—не анархия, а гражданская война и что подавить шахсеванов-разбойников—это значит подавить революцию и восстановить романовский порядок“.

И прибавляет:

„До какого абсурда доходит демагогия“.

Искренне ли это патетическое восклицание, или нет, мы не знаем. Но если даже он лично под словом восстановления порядка понимает борьбу против шахсеван, но не вместе с шахсеванами против революционных рабочих, то это означало бы лишь то, что гражданин Расул Заде наивный идеалист, но вовсе не то, что мы демагоги. Для нас и не важно, что понимает под словом порядок сам Расул За-

де, для нас важно, что понимает под этим словом буржуазия, как класс.

Пусть сам Расул Заде лично участвует в организации национальных полков во имя восстановления революционного порядка, пусть его суб'ективные намерения чисты как кристалл, но об'ективно его деятельность приведет как раз к обратному. Потому, что политика класса диктуется не хорошими намерениями той или другой личности, а классовыми интересами.

Вот почему мы не придаем и большого значения тому, какая программа у партии „Мусават". Программа для нас важна постольку, поскольку она отражает социально-политические стремления представляемого партией класса. Но партийная теория не всегда соответствует практике. Пример —меньшевики. Теория у них - марксизм. Практика же чище кадетского. Но даже и в программе „Мусавата" нет ни одного пункта, который бы указывал на то, что он левее кадетов. А что кадеты контр-революционеры это ведь уже вне сомнения.

Перейдем к злополучному вопросу о самоопределении народов. Расул Заде пишет:

„Оказывается нам мусульманам не предстоит иметь автономии, ибо это не приемлемо ни для рабочего, ни для дворянско-буржуазного класса России, а полнейшее упорство в этом отношении может дать нам самое большее груду развалин".

Прежде всего несколько слов о „груде развалин". Мы утверждали, что политика кавказских националистов, вне зависимости от отношения к ней большевиков, приведет к тому, что Кавказ превратится в груду развалин, политика кавказских националистов—мусульманских, армянских, грузинских и т. д. приведет неминуемо к столкновению между этими национальностями. Создается то самое положение, которое привело к гибели Балканы и Армению. Мы выражались ясно, но гражданину Расул Заде угодно извратить наши слова и придать им тот смысл, будто в случае упорства мусульманских националистов мы „угрожаем" им „грудой развалин". Нет, гр. Расул Заде, не мы превратили Кавказ в развалины, а именно Вы. Вы уже превращаете его в развалины.

Точно также мы вовсе не утверждали, что мусульманам не должно быть дано право самоопределиться. Мы утверждали, что, вы, мусульманские националисты, понимаете это право извращенно. Вот вы пишете:

„Турецкая Армения получает декрет на самоопределение, армяне приближаются к лелеянной ими мечте, поддержанной партией „Дашнакцутюн“, а что же касается кавказских тюрков федералистов, то их бакинские большевики пугают „грудой развалин“.

Вам кажется, гр. Расул Заде, что отношение большешевиков к Армении и тюркам разное. Но вы глубоко и жестоко ошибаетесь. Большевики в Армении ведут такую же беспощадную борьбу против политики армянских националистов (между прочим и против организации армянских нац. полков), какую они ведут на всем Кавказе, в том числе и в Баку. Большевики в Армении будут также бороться за Советскую власть, как и повсюду в России. Не большевики отказывают мусульманскому народу самоопределиться, а именно вы, мусульманские националисты, отказываете большевикам в праве продолжать свою борьбу за освобождение рабочего класса.

Вы рассуждаете так: раз нам дано право самоопределиться, то пусть большевики больше не вмешиваются в наши дела.

В этом рассуждении есть что то, действительно, наивное и даже ребяческое. Ведь большевики, гр. Расул Заде, не чуждая Кавказу нация, а партия рабочего класса. Большевики представители не только российского пролетариата, но и местного кавказского, в том числе и мусульманского.

Вы, представители мусульманской буржуазии, считаете своим правом установить тот порядок, который вам заблагорассудится. Это совершенно в порядке вещей. Но мы спрашиваем, почему вы отказываете точно в таком же праве нам, представителям рабочего класса здесь на месте? Почему рабочий класс гор. Баку например, не имеет права добиваться такой власти (именно: Советской), которая соответствует его интересам? Разве право национального самоопределения означает право задушить рабочее движение? Разве рабочий класс на окраинах этим правом осужден на вечные времена отказаться от борьбы за свое право? и разве не это абсурд, гр. Расул Заде.

Вашу статью вы заканчиваете словами:

„Может быть нам суждено иметь автономию ценою „груды развалин“ и быть может и „развалины“ без автономии, как об этом говорят большевики. Как бы ни было вряд ли кто сумеет остановить ход истории, но во всяком случае мы, мусульмане Кавказа, от своих идеалов не откажемся“.

Вот это верно, гр. Расул Заде, вот это откровенно, не наивно и даже научно. Вы не откажетесь от своих идеалов потому, что классы не могут пойти на самоубийство. Вы будете добиваться восстановления „порядка“ ценою „груды развалин“. Это замечательно верно.

И этим вы опровергли себя. Вы проговорились только Теперь и для вас должно быть ясно, гр. Расул Заде, что под словом „порядок“ вы понимаете именно буржуазно-помещичью „автономию“, буржуазно-романовский порядок. Теперь и для вас ясно, что вы организовывали полки не для борьбы против шахсеванов, которые вовсе вам не мешают создать „порядок“ ценою „груды развалин“, но наоборот, при помощи груды развалин содействуют вам установить ваш порядок.

„Бакинский Рабочий“ № 27 (143)
17 февраля 1918 г.

Правда о елисаветпольских событиях[23]).

Правду в елисаветпольских событиях меньшевики стараются скрыть. Даже газета их вчерашних союзников, тифлисских эсеров, „Знамя Труда“ констатирует их попытки „замять дело“ и требует открытого обсуждения вопроса о Краевом Центре.

Мы приветствуем это требование эсеров, ибо отого, будут ли официально разоблачены виновники шамхорской трагедии, будет ли пролит полный свет на события 9—12 января, или нет, в значительной мере зависит дальнейшая судьба революции в Закавказье.

Мы заявляем, что в числе виновников елисаветпольских событий должен быть назван, прежде всего, бывший когда-то вождь кавказской социал-демократии, ныне, так называемый „отец грузинской нации“—Ной Николаевич Жордания. Это под его председательством Президиум Краевого Центра постановил: разоружить проезжающие эшелоны и вооружать за их счет национальные полки. За его подписью была отправлена телеграмма елисаветпольскому мусульманскому национальному комитету о разоружении эшелонов скопившихся около Шамхора. Он, Ной Жордания, посылал делегации из Тифлиса с тем же поручением разоружить эшелоны. Это было официально заявлено членом делегации, солдатом Крупко на многолюдном заседании Гражданского Комитета в Елисаветполе. Ной Жордания и его всегда не по-разуму усердный помощник Н. Рамишвили послали бронированный поезд, во главе с Абхазава, который раздавал оружие мусульманам и помогал им расстреливать тысячи солдат и разоружать эшелоны.

Ной Жордания оправдывается тем, что он телеграммы не подписывал. Десятки людей, армян и мусульман, утверждают, что телеграмма подписана им, и эта телеграмма существует. Жордания говорит, что телеграмма, без его подписи, была отправлена „Советам“. Члены мусульманского

национального комитета утверждают, что на телеграмме значится адрес: „Национальным Комитетам и всем Советам". Жордания говорит, что он, узнав об осложнениях, по телефону говорил с Абхазавой, просил не разоружать насильственно эшелонов и пропустить их. Абхазава убит. Это заявление не может быть проверено, но мы допускаем, что разговор был.

Мы знаем еще, что 9 января утром была получена в Елисаветполе телеграмма на имя начальника бронированного поезда Абхазавы и на имя начальника мусульманской дикой дивизии кн. Магалова, большая двусмысленная телеграмма начальника штаба Мдивани, подписанная комиссаром фронта Гобечиа, о том, что весною, „несомненно турки начнут наступление на Кавказ, и что необходимо разоружать эшелоны, чтобы иметь здесь орудия". И в конце этой телеграммы тоже говорилось, что генерал не настаивает на насильственном разоружении.

Однако, какую цену могла иметь эта телеграмма или разговор по телефону Жордания в то время, когда, с одной стороны, бронированный поезд и, с другой, 10 тысяч вооруженных мусульман, засевших в окопы по обе стороны желел. дор. линии, уже расстреливали солдат, сидевших в вагонах.

И какое это может быть еще „ненасильственное" разоружение, почему оно производилось не в Тифлисе, а в Акстафе и в Елисаветпольской губернии, и зачем из Тифлиса отправлялся для „ненасильственного" разоружения бронированный поезд.

Если оставить мертвого, на которого, по пословице, все валить можно, есть живые свидетели, опровергающие показания Жордания, подтверждающие как адрес телеграммы, так и подпись Жордания и посылку делегации с поручением разоружить и проч.

Почему Жордания не привлекает их к ответственности, если они говорят неправду. Почему он и его друзья хотят „замять дело".

Кроме того, есть документ, подписанный членами Закавказского Комиссариата, мусульманами Хан-Хойским, Хасмамедовым, Мелик-Аслановым. Это обращение к мусульманам о прекращении насилия над русскими солдатами, в ко-

тором говорилось, что печальные события являются следствием „неясных телеграмм из Тифлиса“.

Что это за „неясность“ телеграмм, и кто повинен в их „неясности“.

Если кто-либо другой за Жордания, без ведома его, отправлял телеграммы, если Крупко говорит неправду, почему меньшевики не хотят выяснить истину, почему они пытаются всячески „замять“ дело, несмотря на протесты эсеров и дашнакцаканов.

Нет, граждане Жордания, Рамишвили и К-о, на вас лежит тяжелая ответственность за кровь тысяч солдат, убитых 9—12 января.

Можете ли вы оправдаться в этом тяжелом преступлении?

II

Но не о личной ответственности и не о личном оправдании идет речь. Мы уже слышали крики о „провокации“, о „натравливании“ на Жордания и проч. Авторы возмутительнейших провокационных дел, меньшевики, всегда кричат о провокации, когда их обличают в преступлении.

Жордания интересует нас в данном случае не как личность, а как вождь партии, делающей политику в Закавказье, как наиболее авторитетный и ответственный председатель Закавказской власти.

Он делал свое преступное дело, во-первых, по постановлению президиума Краевого центра, с ведома Закавказского Комиссариата. Обвинение, которое мы бросаем в лицо Жордания, распространяется на всю партию меньшевиков, на Краевой центр, на Закавказский Комиссариат, где господа Чхенкели и Гегечкори, в тесном и открытом блоке с мусульманскими беками и ханами, делают все для того, чтобы погубить революцию. Мы говорим о Жордания и Рамишвили, поскольку их имена связаны с телеграммами, с приказами, отправкой „разбойничьего“ бронированного поезда; с них должно быть начато следствие для выяснения истины.

III.

Но есть еще имена, которые должны быть названы, есть еще одно гнездо преступников, которое должно быть сметено. Это гнездо—мусульманский национальный комитет в

Елисаветполе, сплошь состоящий из реакционных беков и ханов. Адильхан Зинатханов (из бывших владетельных ханов Елисаветполя, которого кое-кто и сейчас мечтает восстановить в старинных правах), Шафи бек Рустамбеков (помощник Хасмамедова, комиссара по государственному контролю в Закавказском правительстве), Аслан бек Сафикюрдский (состоял в эсерах, но последние 4 месяца тому назад, устыдившись, исключили его из партии), Худат бек Рафибеков, Насиб бек Усубеков, Алекпер бек Хасмамедов (брат комиссара, один из организаторов армянско-татарской резни в 1905 году), полковник Эфендиев, ротмистр Улуббиев— вот тот состав елисаветпольского мусульманского комитета, который 7-го января, вечером, основываясь на телеграмме Жордания, постановил разоружить эшелоны „во что бы то ни стало" и с невероятным бесстыдством и кровожадностью выполнил свое постановление 9—12 января.

Меньшевистская пресса, говоря о елисаветпольских событиях, изображает дело так, как будто это было обычное для Закавказья „разбойничье" нападение на железную дорогу. О „разбойничьих нападениях" говорит к стыду своему и делегат Краевого Центра, полковник Стрелковский, добавляя, что мусульманский национальный комитет делает все для обуздания разбойников и для восстановления порядка в Елисаветпольской губернии. Это бесстыднейшая ложь.

Не разбойники, а тысячи мирного населения мусульман, руководимых официально мусульманским национальным комитетом, соблазненных богатой добычей, уверенных в том, что это делается по приказанию Закавказских властей, совершали преступное дело у Шамхора и Далляра. Мусульманский национальный комитет открыто стягивал в Елисаветполь тысячи мусульман, вооружал их, сажал в поезда на ст. Елисаветполь и направлял в Шамхор. Во главе этих масс стояли Аслан бек Сафикюрдский, доктор Худат бек Рустамбеков, сопровождаемые студентами, гимназистами, и с ружьями в руках непосредственно руководили военными действиями против русских солдат. И когда „победа" была одержана, по словам очевидцев, верхом на пушке, отобранной у «врага», торжественно в'ехал в город «эсер» Сафикюрдский, сопровождаемый другими героями из мусульманского комитета.

О каких же разбойничьих нападениях «идет речь»?

Если есть «разбойники», действительно повинные в елисаветпольском преступлении, то это те беки и ханы, которые заседают в мусульманском национальном комитете, их представители в Закавказском Комиссариате и доблестные союзники последних—господа Гегечкори, Жордания Рамишвили, Чхенкели.

Особые заслуги имеет во всей истории последний, тоже «социалист», Акакий Чхенкели. Во время первого «разбойничьего» нападения, в середине декабря 1917 года, на железной дороге, около Елисаветполя, когда армейский с'езд послал войска для восстановления порядка, Чхенкели вернул их обратно и роздал привезенные с собой тысячу винтовок «разбойникам», чтобы они охраняли порядок.

Ни для кого уже не тайна, что в Закавказье существует грузино-мусульманский контр-революционный дворянский блок; этот блок существовал и при царском режиме, и душою этого блока был Николай Николаевич Романов. Сейчас душою контр-революционного дворянского блока—это тоже ни для кого не тайна,—является Акакий Чхенкели

И господа Чхенкели, Гегечкори, Жордания в тесном союзе с контрреволюционными беками и ханами так спасают революцию на Кавказе от большевиков.

IV.

4-го января в Елисаветпольской губернии началось аграрное движение. Мусульманское крестьянство, выведенное из терпения, отчаявшееся, начало истреблять своих «социалистических» беков и ханов, жечь их имущества, разрушать и грабить все на своем пути.

У мусульманских беков есть два сильных средства против своего темного крестьянства. Это, во-первых, старое испытанное средство, армяно-татарская резня, которую они и сейчас, исподволь, систематически подготовляют. И, во-вторых, план создания, при помощи Чхенкели и Гегечкори, национальных полков, которые будут находиться в их распоряжении, как сейчас „дикая дивизия“, и затем об'явление дворянской, ханской автономии Азербайджана.

Некоторые члены мусульманского национального комитета уже в дни разоружения, не стесняясь, заявляли, что

они теперь будут иметь силы для обуздания «озверевших» крестьян. Ведь, еще в мае месяце губернский комиссар Хасмамедов посылал сотню казаков для защиты земель Татоглы от крестьян. А во время последних выступлений крестьян сотня дикой дивизии, с оружием в руках, защищала имения своего офицера Гамид бека Калабекова.

Мусульманскому дворянству нужно было, с одной стороны, отвлечь внимание восставших крестьян и приостановить разразившееся аграрное движение и, с другой стороны, нужно было поскорее добыть оружие, создать свои реакционные полки и об'явить свое Азербайджанское ханство. Таков политический смысл елисаветпольских событий.

Зачем же меньшевики, их газетчики и их делегации так глупо и так лживо говорят о «разбойничьих нападениях» на железную дорогу.

Вся эта преступная работа беков является одновременно подготовкой армяно-татарской резни. Уже в дни событий 9—12 января все армянское население Елисаветполя, все армянское крестьянство Елисаветпольского, Шушинского, Казахского и других уездов переживало кошмарные дни — ожидания резни. Все стояли под ружьем, вокруг селений были вырыты окопы, вся жизнь замерла, и трудовое население с минуты на минуту ожидало, что мастера армяно-татарской резни, беки и ханы, вновь поведут одураченных крестьян на братоубийственную войну с армянскими крестьянами.

И в Елисаветполе были уже случаи нападения на армян. 10-го января мусульмане выдали 13 трупов убитых армян. Числа 12-го вновь были нападения на армян, давшие десятки убитых.

По сведениям из Елисаветполя, опасность первая миновала. С другой стороны, ряд эшелонов пропущен без боя.

Но кто может быть так наивен, чтобы предположить, что бекская контр-революция сложит оружие. И зачем ей слагать оружие, когда у нее есть такие защитники, как Жордания, Гегечкори, Чхенкели, когда их преступная игра не встречает протеста и борьбы даже со стороны партии «Дашнакцутюн», представители которой заседают в Закавказском Комиссариате. Ведь, жертвою этой контр-револю-

ции, этого дворянского грузино-мусульманского блока, наряду с восставшим мусульманским крестьянством, должно быть, прежде всего, армянское крестьянство.

Совершилось величайшее преступление против русской армии, которое является предательством всего крестьянства Закавказья и всего революционного движения в нашем крае.

Нужно, чтобы правда об елисаветпольских событиях сделалась достоянием широких масс народа. Нужно, чтобы виновники этих событий были разоблачены и понесли наказание.

Неужели Советы Закавказья пали так низко, что не поднимут своего голоса против ужасного злодеяния, против открытой контр-революции. Неужели закавказская демократия не поймет, наконец, результатом какой политики является усиление дворянской контр-революции, поддерживаемой националистическою политикой национальных партий армян, грузин и мусульман в Закавказье, и не скажет своим вождям: «Прочь! Довольно с нас вашей преступной политики»!

1918.

„Бакинский Рабочий" №№ 30 и 31
21 и 22 февраля 1918 г.

Положение дел на Кавказе.[24])

(Доклад на заседании совета рабочих, солдатских и матросских депутатов гор. Баку и его районов, 2 марта 1918 г.)

Как вам известно, я получил от Совета Народных Комиссаров назначение временным комиссаром по делам Кавказа. Мне поручено Советом Народных Комиссаров создавать советы там, где их нет, поддержать их там, где они влачат жалкое существование. Наши противники говорили, что вот российские самодержцы назначили наместника управлять Кавказом. На самом же деле, моя главнейшая задача—укрепить Советскую власть здесь на Кавказе. Бакинский совет должен стать в Закавказье главной опорой и центром гражданской войны, которую открыто об'явил в России Совет Народных Комиссаров. Он должен повести трудовой народ Закавказья на бой с эксплоататорами, который бесспорно закончится победой пролетариата. В той великой гражданской войне, которая велась еще и ведется в России сила реакционных классов была в традиции и экономической мощи, но этот класс лишь кучка в сравнении с огромной массой трудового народа, и только оборонческо-соглашательские элементы усиливали сопротивление реакционных классов.

Теперь оборонцы сведены к нулю. Саботаж со стороны буржуазной интеллигенции сломлен, и она никакой опасности не представляет.

Открытые враги революции тоже побеждены. Подавление восстания Дутова, контр-революции на Северном Кавказе, жалкая смерть побежденного Караулова и самоубийство Каледина—все это указывает, что Советская власть во внутренней гражданской войне победила. Если бы мы имели только внутреннего противника, то мы бы не опасались больше за судьбы революции, но нам угрожает опасность со стороны мирового империализма. Теперь идет гражданская

война в мировом масштабе и тот, кто способен понимать ход и логику истории, должен признать, что победа будет за нами.

Последний оплот контр-революции—в Закавказье. Кажется странным, что Закавказье, особенно западная его часть, которая всегда шла впереди революции, теперь оказалась очагом реакции.

В первое время революции думским комитетом были посланы на Кавказ намеренно подобранные представители кавказских главнейших национальностей: Пападжанов, Чхенкели и Джафаров. Вся их политика была в духе наибольшего раз'единения наций. Каждый старался организовать национальные советы, чтобы найти в них свою опору. Интернациональной авторитетной власти не было. Оборончеcкие советы не играли никакой роли. После революционной встряски,вызванной Корниловской авантюрой, Гегечкори и Чхенкели решили создать на Кавказе однородную социалистическую власть из представителей общероссийских партий. Ни партию „Дашнакцутюн", ни партию „Мусават" они не хотели приглашать в этот орган власти. Н. Жордания на демократическом совещании даже говорил, что на Кавказе вполне возможно создание Советской власти.

Но демократическое совещание не приняло проэкта Н. Жордания, и особый Закавказский комитет продолжал существовать вплоть до Октябрьской революции. После Октябрьского переворота организовался Закавказский Комиссариат. Теперь уже были забыты однородность и социалистичность кавказской власти, и были приглашены даже представители феодального дворянства в лице Хасмамедова и Хан-Хойского. Прежде всего Закавказский Комиссариат не признал Совета Народных Комиссаров. Не смотря на с'езд советов р., с. и к. д., который высказался за необходимость признания власти С. Н. К. сепаратистская политика продолжалась и давала возможность усиливаться национализму. Национальный с'езд грузин, на котором председательствовал Н. Жордания, постановил образовать национальные совет и полки. То же начали делать и другие нации. Таким образом, национальная политика велась открыто, без стеснений. В Закавказье, где сильно перемешаны народности, такая национальная политика ведет к гибели эти на-

ции. Мы, большевики, говорили, что необходимо создать интернациональную демократическую власть. Дальнейший ход событий показал правильность нашей позиции, теперь даже Н. Жордания понял, что национальные полки опасны, и он начал требовать их упразднения.

Политика противопоставления национальных комитетов демократическим организациям привела к подавлению трудовых масс буржуазией.

Единственным выходом из создававшегося положения в данный момент является организация сельских, уездных и областных советов.

Наконец, Закавказский Комиссариат настолько дискредитировал себя в глазах широких народных масс, что за последнее время влачил жалкое существование. Закавказский сейм, который был созван для того, чтобы вывести из тупика Закавказский Комиссариат сорганизован на тех же началах, что и комиссариат. Национальным комитетам предоставлено право по своему усмотрению заменять выбранных народом членов Учредительного Собрания.

Закавказский Комиссариат оказался бессильным, что либо сделать, и был только карикатурой власти, не находя поддержки со стороны широких народных масс.

Кардинальный вопрос, стоявший перед Закавказским Комиссариатом, закон о земле, хотя и был разработан представителем партии эс-эров Неручевым, но был провален реакционными беками и ханами.

Тот же Закавказский Комиссариат по настоянию беков и помещиков заставил крестьян вносить подати по кабальным ставкам 1916 г.

Меньшевики и эс-эры раньше оправдывались, что идут на коалицию с беками и ханами потому, что крестьяне их выбирают. Но восстания мусульманских крестьян, перерезавших многих беков, отбрасывают это оправдание. Тем не менее, оборонцы продолжают свою соглашательскую политику.

Между тем, беки использовывают национальные войска против крестьян и подавляют их восстания, открыто заявляя, что у них есть реальная сила против озверевших крестьян Дать в руки реакционным классам, благодаря соглашательской политике оборонцев, такую сильную власть в

Закавказье—это самая мрачная, недопустимая, контр-революционная работа.

Жордания в своем докладе сейму говорил, что армяне и грузины склонны к русской ориентации, а татары держатся турецкой ориентации. Поэтому, говорит он, нужно выбрать среднюю линию между этими двумя ориентациями. Такой линией является отделение Закавказья от России. Но понятно, что это желательно только контр-революционным классам, стремящимся отделиться от русской демократии, а следовательно, и революции, и таким образом стать в конечном счете под протекторат Турции. Трудовой татарский народ держится другой ориентации. Крестьяне в тех местах, где происходили земельные восстания, говорили, что они вырезывают своих ханов и беков потому, что если придут турки после ухода русских солдат, то беки и ханы укрепятся и опять будут владычествовать над ними, как раньше.

Пролетарский класс и крестьяне не могут желать отделения от России, так как это будет поворотом от Европы к Азии. Это отделение от России нужно только ханам и бекам. Это отделение есть первый решительный шаг в сторону подчинения Турции, которая теперь и продвигается вперед к Кавказу. Исходя из своих интересов, закавказская демократия должна энергично протестовать против этого отделения, она должна быть готова пойти с оружием в руках против вершителей этой реакционной политики, и в этом деле руководящая роль должна принадлежать Бакинскому Совету. Если он не пойдет против контр-революционеров, то они сами придут к нам. Ведь мусульманские национальности мечтали сделать г. Баку столицей Азербайджана. Поэтому эти реакционеры при первой возможности двинутся на Бакинский Совет. Теперь Советская власть торжествует повсеместно в России.

Наша задача бороться против Закавказского сейма. Восстание мусульман против беков и ханов, каково бы ни было его внешнее проявление, это есть подлинное революционное движение против своих угнетателей. Грузинское крестьянство тоже восстало против своих помещиков и в некоторых местах захватило уже земли. Революционное движение замечается и в среде пролетариата. В Тифлисе, этом центре оборончества, почти весь пролетариат протестует

против репрессий и гонений на большевиков. Колеблется почва под ногами этих изменников интернационального социализма. Мы должны только придти на помощь уже взволновавшейся широкой народной массе. Необходимо организовать органы власти трудового народа—советы, чтобы нанести удар национальному сепаратизму, который приносит Закавказью столько бедствий.

Первая наша задача—созвать с'езд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов здесь в Баку. Но прежде всего нужно повести работу по организации крестьянских советов в Бакинской губернии, и эту работу расширять все больше и больше.

Нужно укрепить Советскую власть на месте, под наш совет необходимо подвести прочный боевой фундамент из Красной гвардии и Красной армии.

Вот те задачи, которые нам предстоят. Я выражаю уверенность, что Бакинский Совет окажется на высоте своего положения и выполнит те задачи, которые на него ложатся. Нам, может быть, придется даже пасть жертвами контр-революции, но мы должны исполнить свой долг во имя социалистической революции. (Бурные аплодисменты).

„Известия Бакинского Совета" № 51 (273).
20 (7) марта 1918 г.

Закавказский Комиссариат и революция в Закавказье[25]).

Закавказский Комиссариат слагает свои полномочия и передает власть Закавказскому сейму.

Трудно себе представить, чтобы когда либо и где либо в мире могло существовать более жалкое и бесславное правительство, чем Закавказский Комиссариат во главе с Гегечкори. Правительство Керенского, также бесславно кончившее, имело по крайней мере громкое начало. У Закавказского Комиссариата с первого же дня его появления не было никакой реальной опоры и никакого морально-политического авторитета. Этого авторитета не было у него даже в своих собственных глазах.

Закавказский Комиссариат являл собою блок трех национальных партий: грузинских меньшевиков, армянских дашнакцаканов и мусульманских беков.

В особом Закавказском Комитете, тоже довольно печальной памяти, сидели грузин Чхенкели, армянин Пападжанов и мусульманин Джафаров. Вершая, каждый в своем отдельном кабинете, судьбы „своей" нации, они ненавидели друг друга, не доверяли друг другу и занимались по примеру восточных правителей, взаимным подсиживанием, подслушиванием, подсматриванием и интригами. Единой власти для Закавказья не существовало.

Когда образовался Закавказский Комиссариат, вместо одного Чхенкели появились три Чхенкели, вместо одного Пападжанова и вместо одного Джафарова три или четыре Джафаровых.

Но от этого Закавказское правительство не стало лучше. Наоборот, оно стало трижды и четырежды хуже.

Закавказский Комиссариат был хуже прежде всего тем, что он повел сепаратистскую окраинную политику. В самую острую минуту, переживаемую русской революцией,

когда на одной стороне мобилизовались революционные силы рабочих и крестьян, а на другой контр-революционеры—Милюковы, Корниловы, Каледины, Карауловы, Закавказский Комиссариат отвернулся от революционной петроградской власти и вступил в фактический союз с Калединым и Карауловым. Эта политика внешне мотивировалась опасением Комиссариата оставить Закавказье без хлеба, если он не будет действовать в „контакте“ с контр-революционными правительствами Сев. Кавказа.

Банкротство политики Закавказского Комиссариата даже в отношении „хлеба“ обнаружилось полностью, когда разгул контр-революции на Северном Кавказе, поддержанной морально и материально из Закавказья, привел к полному расстройству транспорта и невозможности доставлять в Закавказье какие либо хлебные грузы.

Еще опаснее и вреднее была „внутренняя политика“ Закавказского Комиссариата. Отвернувшись от Центральной Советской революционной власти в России и заключив союз с контр-революцией на Сев. Кавказе, наши правители стали разрушать в Закавказье интернациональную Советскую власть и вступили на гибельный для нашего края путь активного национализма.

Номинально они об‘явили себя Советской властью, чтоб удобнее было бороться с наступающим большевизмом, но на деле создали полновластные „национальные советы“, в которых все руководство принадлежало дворянско-буржуазной интеллигенции и реакционному офицерству. Политика размежевания по национальностям внутри Закавказья, споры о национальных территориях, создание национальных полков и внесение тем самым раздора в братскую до того семью кавказской армии, все это вместо единения демократии всех национальностей во имя великих общих идеалов революции и социализма, создало атмосферу национального обособления, вражды и подготовило почву для уже неизбежных национальных войн в Закавказье.

Наряду с национализмом в политике Закавказского Комиссариата гибельную роль играла коалиционность последнего. Будучи сама в значительной части дворянской, грузинская меньшевистская интеллигенция легко вступила в открытый союз с феодальной интеллигенцией мусульман, с

реакционными беками и ханами Елисаветпольской губернии. Результатом этого контр-революционного блока было то, что Комиссариат не мог провести ни одного революционного мероприятия. Земельный закон, обещанный в первые же дни образования Комиссариата, не мог быть издан в виду угрозы беков—выставить „150 тысяч мусульманских штыков" против Комиссариата. А впоследствии Комиссариат, чтобы внешне выполнить данное обещание и спасти свой престиж, был вынужден совершить политический шантаж, издав такой закон о переходе земель к крестьянам, который никого ни к чему не обязывал и под которым Хан-Хойские могли охотно дать свои подписи. Это последнее они могли сделать тем охотнее, что сейчас вслед за фиктивным законом, изданным только для обмана народа, Комиссариат издал продиктованный беками и грузинскими дворянами декрет о том, чтобы крестьяне, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным Собранием вносили своим господам арендные и всякие другие платежи и притом непременно по кабальным ставкам 1916 года.

Результатом такой политики, естественно, должно было быть торжество феодальной (бекской, ханской, княжеской, дворянской) и буржуазной контр-революции. И, с другой стороны, восстание отчаявшегося крестьянства против „революционной" и „социалистической" власти Закавказского Комиссариата.

Наши „дальновидные" политики не хотели анархии на Северном Кавказе и создали своей политикой, своей борьбой против грозненского, владикавказского и других советов и гарнизонов—полнейшую анархию и контр-революцию на Сев. Кавказе. Они не хотели гражданской войны в Закавказье и сами создали такую гражданскую войну, перед которой в ужасе и жалком бессилии они опускают руки.

За два месяца правления господ Гегечкори, Хан-Хойских вкупе с немыми свидетелями, а иногда с соучастниками вопиющих преступлений власти—господ дашнакцаканов, мы имеем полное прекращение подвоза хлеба из Сев. Кавказа, прекращение железнодорожного сообщения между Тифлисом и Баку и разгул бекской контр-революции в Елисаветпольской губернии. И, с другой стороны, свирепое восстание мусульманских крестьян, истребляющих своих феода-

лов в Елисаветпольской губернии, и такое же восстание крестьян в Грузии, подвергающих самосуду своих князей.

Можно ли представить более печальные результаты, чем те, которых достигло „социалистическое“ правительство Закавказья, предпочитающее Каледина Ленину, Хасмамедовых—кавказским большевикам.

Прибавьте ко всему этому возмущение русских солдат, вызванное сепаратистской и националистической политикой Комиссариата и его хамски предательским отношением к кавказской армии.

Эта политика и это предательское отношение способствовали быстрому оголению фронта, расхищению миллиардного богатства российской республики, находящегося на фронте, и создали еще более тяжелое положение на Кавказе.

Полмиллиона русских крестьян, одетых в солдатские шинели, вооруженных, преданных революции, которые могли оказать неоценимые услуги кавказскому крестьянству и пролетариату в их борьбе с контр-революционными элементами, были об‘явлены ненужными „пришельцами“, которых старались поскорее выжить из Кавказа. И мусульманские феодалы, союзники Гегечкори, устроили им всем известные кровавые проводы в историческом отныне Шамхоре...

Ко всем затруднениям, созданным сепаратистской и националистической политикой Комиссариата, прибавился денежный кризис, который наряду с голодом, грозит в конец подорвать всю общественную и хозяйственную жизнь нашего несчастного края.

Какой же выход из этого ужасного тупика, в который мы загнаны политикой наших правящих партий?

Тот, на который мы указывали с первого дня образования преступного Закавказского Комиссариата.

Нужно покончить с сепаратизмом и национализмом. Нужно расторгнуть союз с контр-революционными правительствами Северного Кавказа и реакционными беками Елисаветпольской губернии.

Мы говорили и говорим: признайте власть рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров, созовите с‘езд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и пусть организованные революционные классы,

создадут интернациональную сильную и авторитетную власть на Кавказе.

Вместо этого меньшевики и мусульманские беки создали так называемый „Закавказский Сейм“.

Мы предупреждаем еще раз кавказскую демократию: очнитесь, пока не совсем поздно. Этот сейм — эта политика сепаратизма и национализма, эта политика грузино-мусульманского дворянского блока поведет к окончательной гибели революцию в Закавказье.

„Бакинский Рабочий“.
9 марта (24 февраля) 1918 г.

Правда о тифлисских событиях.[26)]

На-днях мы поместили в нашей газете корреспонденцию из Тифлиса о расстреле 10 февраля, а также письмо Краевого Комитета нашей партии и воззвание Центрального Стачечного Комитета. В виду громадной важности вопросов и в целях выяснения политической физиономии Закавказского Комиссариата мы помещаем ниже ряд документов, касающихся указанного расстрела.

I. „Знамя Труда" событиях в Александровском саду.

Право-эсеровская газета „Знамя Труда", издающаяся в Тифлисе, в номере от 15-го февраля приводит следующий доклад тов. Ильина, делегата IV-го с'езда партии с.-р., который заседал в это время в Тифлисе.

Доклад тов. Ильина.

„Согласно вашей воле послан был в составе делегации на митинг, чтобы предотвратить возможное кровавое столкновение.

Я постараюсь быть об'ективным, хотя трудно говорить спокойно под свежим впечатлением только что пережитого.

Я пережил жуткие минуты кровавой войны; я пережил дни баррикад и диких расстрелов, но то, что я видел сегодня и пережил в Александровском саду превосходит все.

Когда я пришел на митинг, говорил Петренко. Как речь Петренко, так и речи других большевиков похожи были на обыкновенные речи большевиков, которые обычно говорятся на большевистских собраниях.

Настроение митинга было не особенно приподнятое.

Когда мы выступили от имени областного с'езда п. с.-р., нас встретили аплодисментами—очевидно, что на митинге были не одни большевики.

На митинге были, главным образом, проходившие через сад граждане, которые ничего общего не имели с большевиками. Здесь были женщины и дети.

Во время речи Церцвадзе появился небольшой отряд людей, одетых в шинели, со стороны Барятинской улицы. А затем количество их стало увеличиваться.

Появление вооруженных людей нервировало собрание, а когда они стали рассыпаться в цепь, то толпа стала в панике разбегаться.

Раздалась беспорядочная стрельба по толпе, вызвавшая жертвы.

Я категорически заявляю, что со стороны стрелявших не было никакого предупреждения. Из толпы, собравшейся на митинге, никакого выстрела не было, расстреливать начали тогда, когда толпа стала разбегаться.

Сцена была ужасная.

Я видел плачущих детей, женщин в истерике, людей, кричавших „мы сдаемся" и просивших о помощи.

Люди, протестовавшие против 9-го и 5 го января, создали 10-ое февраля, которое будет самой мрачной страницей из жизни Закавказья".

Так описывает положение орган оборонческой право-эс-эровской партии.

Такое же описание было помещено в газете „Мшак" от 12-го февраля и в газете „Оризон" от 13-го февраля за подписью „Очевидец".

II. Правительственное сообщение.

Но послушайте, как описывает события „правительственное сообщение", изданное Закавказским Комиссариатом.

Правительственное сообщение.

„10 февраля в Александровском саду разыгрались печальные события, в результате которых оказались убитые и раненые.

На основании строго проверенных данных, дело представляется в следующем виде.

Как известно, по постановлению Закавказского Комиссариата Степан Шаумян и его секретарь Кузнецов подлежали аресту.

Эти лица вели среди эшелонов, возвращающихся с фронта преступную агитацию, стремясь двинуть их на Тифлис и не останавливаясь перед кровопролитием, которое могло явиться результатом этих преступных попыток.

Когда это не удалось Шаумяну и Кузнецову, они направили свою деятельность в среду малосознательных элементов, с той же целью разослали своих агентов в Гори, Горийский уезд и Кутаис.

10 февраля, в день созыва Закавказского сейма, они, несмотря на запрещение, собрали митинг в Александровском саду, где путем речей стремились разжечь массу, чтобы двинуться на разгон сейма.

Штаб охраны города Тифлиса принял все меры к предотвращению этого. Агенты штаба долго уговаривали толпу разойтись, но никакие уговоры не помогали.

В это время толпой был обезоружен милиционер и из толпы раздался выстрел, которым был убит милиционер, уговаривавший толпу разойтись. Из среды милиционеров раздались выстрелы, которыми и были убиты и ранены несколько человек.“

III. Доклад начальника охраны г. Тифлиса г. Верещака в тифлисский совет р. и с. д.

Еще циничнее и бесстыднее описывает события тоже „эс-эр“ г. Верещак, верный слуга Закавказского Комиссариата:

„Т. Верещак докладывает, что 10 февраля с утра в штаб по охране стали поступать сведения о том, что большевики снимают рабочих с работ и готовятся к устройству митинга. Штаб решил, во избежание недоразумения в день открытия сейма не дать собраться митингам.

После того, как стало известно, что идут большевики со знаменами, в Александровский сад был делегирован штабом один товарищ, который просил председателя митинга Кавтарадзе распустить митинг, на что он и согласился, но появились Шаумян и Кузнецов и не дали разойтись публике. Им было сделано предупреждение, что, если публика не разойдется, то ответственность за последствия падет на них.

В городе уличные митинги воспрещены, почему и был вызван отряд и милиция. Ад‘ютанту штаба было предложено арестовать Шаумяна и Кузнецова, постановление об аресте которых сделано давно. Когда отряд пришел в Александровский сад, толпа отхлынула от трибуны.

Было сделано заявление о цели прибытия отряда и о том, что по толпе стрелять не будут. Но раздались выстрелы, коими один милиционер убит и у одного оторвало все пальцы на руке. Началась перестрелка, в результате которой из бывших на митинге 5 человек убито и, насколько пока выяснено, 10 человек ранено. Кузнецов и Шаумян скрылись, арестовать их не удалось“.

Все, что говорится в этом докладе, сплошная ложь. Большевики никого силой не снимали с работы, Шаумяна вовсе не было на митинге и вовсе не для ареста последнего был послан отряд, а для расстрела митинга.

Никакого предупреждения митингу сделано не было, никакого милиционера участника митинга не убивали и т. д.

IV. „Знамя Труда“ по поводу „правительственного сообщения“.

В номере от 12-го февраля той же право-эс-эровской тифлисской газеты помещена следующая передовица.

Тифлис, 12-го февраля.

„10 февраля, в Александровском саду разыгрались печальные события, в результате которых оказались убитые и раненые“. Так гласит „правительственное сообщение“, напечатанное в воскресных номерах Тифлисской газеты.

Мы не ошибаемся, это первое официальное сообщение, которое носит старое название „правительственное“. Это название, как нельзя лучше соответствует содержанию сообщения. Тот же стиль, то же искажение фактов, тот же холодом обдающий, казенный тон. Словом, все в том же порядке, что было в правительственных сообщениях старого режима, относительно расстрела мирных манифестаций.

Выпуская свое официальное сообщение о расстрелах случайной демонстрации в каком нибудь провинциальном городке старое правительство всегда начинало с схематического изложения истории революционного движения в Рос-

сии, ставя эту демонстрацию в связи с крупными террористическими актами совершившимися в других местах, или с именами и деятельностью крупных революционных партий и лиц. И это все для того, чтобы убедить обывателя в серьезности той опасности, которую якобы внушала мирная демонстрация, и оправдать действия правительства.

Точно также делали авторы настоящего „правительственного“ сообщения.

Тут и Шаумян, и Кузнецов, и агитация их среди эшелонов, и события в Гори и Кутаисе. Все, что хотите, за исключением изложения фактической стороны дела, а именно: с чьего распоряжения милиционеры пошли разгонять митинг, кто стоял во главе отрядов милиционеров и сколько жертв в результате этих „печальных событий“?

Как бы нас не пугали Шаумяном и Кузнецовым, все же мы категорически заявляем, что жертвы в Александровском саду были невинны и напрасны.

Жертвы невинны потому, что никаких агрессивных шагов не предпринял митинг тогда, когда его начали расстреливать.

Жертвы были напрасны потому, что даже при желании „агитаторов“ толпа не могла бы представлять никакой реальной опасности для города и меньше всего для сейма.

Разгон при помощи вооруженной силы большевистского мирного митинга, на который спокойно смотрела гулявшая в саду „нейтральная“ публика, ничем не был вызван, потому и мы утверждаем, что этот разгон был просто-напросто ненужной „расправой“ с врагом

Мы горячо протестуем против такого рода действий „правительства“, и заявляем, что не можем ограничиться одним лишь протестом. Мы всеми силами будем бороться против той власти, которая все больше и больше начинает походить на старую власть.

События в Александровском саду не есть простая случайность, они есть результат целой системы, системы, которую один из лучших публицистов называл „погонею за уходящими волнами“.

То, что было помещено в нашей газете в предыдущих номерах, и те документы, которые мы привели выше, должны с достаточной убедительностью выяснить товарищам ра-

бочим характер событий в Александровском саду и политическую физиономию правительства Гегечкори.

Слишком быстро и цинично сбросили с себя маску тифлисские меньшевики и усвоили приемы царского правительства.

Тифлисский пролетариат уже оценил деятельность Комиссариата, выступив забастовкой против новых палачей и насильников.

Бастовал почти весь пролетариат г. Тифлиса: железнодорожные мастерские, типографы, кожевенники, портные, арсенальные мастерские. заводы Толле, Заргарова, Мамедбекова, табачные фабрики Энфиадзианца, Сейланова и др.

Закавказский Комиссариат, создатель Елисаветпольской контр-революции с расстрелом тысяч русских солдат, посылающий карательные экспедиции против крестьян в Грузии и мусульманских провинциях и расстреливающий рабочих в Тифлисе—должен быть свергнут.

Бакинский пролетариат в этом отношении призван сыграть особую роль.

Наш священный долг, товарищи, притти на помощь крестьянству и рабочим всего Закавказья и помочь им свергнуть преступный дворянско-буржуазный Закавказский Комиссариат.

С. Шаумян.

„Бакинский Рабочий" № 45
10 марта 1918 года.

Маленькое об'яснение[27]).

„Известия мусульманского национального комитета" в № 49 посвящают передовицу моей лекции, прочитанной 26 февраля в Белом городке. Автор передовицы недоволен лекцией, с которой он знаком, как указывается в статье, по рецензии газеты „Баку", он недоволен особенно „тоном" и „тенденцией" моей лекции. Я должен прежде всего указать, что нельзя судить о „тоне" и „тенденции" моей лекции по случайной рецензии буржуазной газеты.

Но автор передовицы вообще, видимо, недоволен мною. Он находит, что я распределяю контр-революцию не по классам, а по национальностям, что я выставляю „одну национальность (отнюдь не классы) в положении хозяев, а другую в положении приниженном, одних волками, других овечками"... И после этого автор с возмущением вопрошает: „Какая же тут борьба за идеи пролетариата?"

Редакторы „Известий" вероятно очень компетентные судьи в вопросе о том, что именно есть настоящая „борьба за идеи пролетариата", но я должен сказать, что едва ли даже по рецензии газ. „Баку" можно было сделать вывод, будто я „делил контр-революцию по национальностям". Наоборот все мои лекции и статьи по этим вопросам разоблачали именно классовую подоплеку политики националистических партий Закавказья. Партия мусульманских беков и ханов изображалась в этих лекциях и статьях вовсе не как партия, за которую ответственна вся мусульманская нация. И эта нация в целом нисколько не представлялась в образе —„волка" по отношению к другой нации... Герои шамхорской трагедии и делатели политики в Закавказском сейме г-да Сафикюрдские и Хасмамедовы являются по нашему мнению „волками" прежде всего в отношении мусульманского крестьянства и мусульманского пролетариата. И интересы мусульманских и армянских трудовых масс, совпадающие полностью между собою, одинаково—враждебны инте-

ресам феодалов Елисаветпольской губ. и вообще помещиков и буржуазии Закавказья, которые готовят гибель и порабощение для всего крестьянства и пролетариата в нашем крае без различия национальности.

„Известия“ находят, что если я преследовал цель борьбы с контр-революцией, я едва ли мог достичь своей цели благодаря „тону“ и „тенденции“ моей лекции. Я должен в свою очередь сказать: если автор передовицы задается целью изобразить меня врагом мусульманской нации, то едва ли и он достигнет своей цели.

В том же номере имя мое дважды упоминается в докладе г. М. Тагиева о елисаветпольских событиях. Докладчик во-первых, отмечает, что с эшелонами, громившими Евлах, ехал Чрезвычайный Комиссар Кавказа С. Шаумян, и затем приглашает меня подтвердить свидетельство некоего Салуквадзе о том, что эшелоны без всякого повода со стороны мусульман разгромили станцию Евлах, и еще свидетельство Каландадзе о том, что со стороны мусульман ст. Евлах не было произведено „ни одного выстрѣла“.

Что на ст. Евлах погибло несколько десятков невинных мусульман, находившихся на станции, это печальная истина. Но ведь обычное явление, что жертвами являются всегда бедные и невинные люди. И даже те сотни мусульман, которые были убиты под Шамхором, хотя бы и с оружием в руках, разве не являются такими же невинными жертвами? Их вызвали из деревень беки и ханы, заседающие в национальном комитете; они соблазнили их богатой добычей, они сказали им, что тифлисское правительство приказывает разоружать эшелоны, они сами с винтовками в руках стояли в Шамхоре во главе темных и обманутых масс... И мы спрашиваем, разве этй истинные и несомненные виновники преступления пострадали сколько-нибудь, разве кто-нибудь привлек их к ответственности?

По поводу свидетельских показаний, приводимых докладчиком, я сказал бы еще следующее. Я ехал в 7 эшелоне, не знаю как началось столкновение в Евлахе, но не прав свидетель Каландадзе, говорящий, что ни одного выстрела со стороны мусульман не было произведено. Эшелон, в котором ехал пишущий эти строки, в течение 15 минут находился под самым энергичным обстрелом со сто-

роны мусульман и все это время нам, находящимся в вагоне, пришлось спасаться прилегши на пол и скрываясь за ящиками и мешками.

Писатели из „Известий“ говорят все время от имени мусульманской нации. Это старая манера националистов всех стран и народов. Но в то время, когда среди мусульманской нации началась открытая гражданская война, когда крестьяне восстали против своих вековых угнетателей беков и ханов, кажется до смешного странным, что дворянская националистическая интеллигенция, группирующаяся вокруг „Известий“, выступает в роли защитницы всей мусульманской нации. Еще более смешным и странным кажется, когда писатели из „Известий“ говорят об интернационализме, о „борьбе за идеи пролетариата“—и берут под подозрение искренность интернационализма других, в частности пишущего эти строки. Очень соблазнительно для мусульманских националистов изобразить дело так: Шаумян армянин, он выступает против мусульманских беков и ханов, значит он скрытый дашнакцакан, хотя и называет себя большевиком. Было время, когда нас группу армян большевиков, армянские националисты об'являли врагами армянской нации за то, что мы вместе с грузинами социал-демократами вели борьбу против партии „Дашнакцутюн“. Года два три тому назад, когда армянские националисты вошли в позорный и преступный союз с самодержавием и с его представителем на Кавказе Воронцовым-Дашковым, мы выступали с решительной критикой против них и прослыли „туркофилами“, чуть не прямыми наемниками турецкого правительства и местных мусульман. Мы могли бы перечислить еще несколько таких моментов из самого недалекого прошлого, когда поочередно, то армянские, то грузинские, то русские националисты заподозревали или вернее делали вид, что запозревают искренность нашей интернациональной пролетарской политики.

Мы всегда отвечали презрением нашим противникам. И когда сейчас это делают мусульманские националисты, мы не находим нужным относиться иначе.

Эти попытки писателей из „Известий“ были бы опасны несколько лет тому назад. Им могли бы поверить демократические массы мусульман, а авторитет пролетарской

партии мог быть поколеблен. Но сейчас, когда среди мусульман имеются организованные и сознательные рабочие, когда есть уже организации „Гуммет“, есть левые социалисты-революционеры среди мусульман—эти провокационные потуги мусульманских националистов, бекских и ханских прислужников нас не смущают.

Так, что и автору доклада Тагиеву, как и автору передовицы мы говорим: если вы преследуете цель оправдать героев шамхорских преступлений, путем инсинуаций и темных намеков по адресу их обличителей, едва ли и вы достигнете своей цели.

„Бакинский Рабочий“ № 50
19 (6) марта 1918 г.

Памяти тов. Голембьевского[28]).

Он был для нас, бакинцев, дорогим гостем. Он был для нас первым вестником Октябрьской революции...

Это было, кажется, в первых числах или в половине ноября. На заседании „расширенного“ совета рабочих и солдатских депутатов, на котором, по обыкновению, присутствовало до 600 человек членов совета и конференции и еще столько же или больше гостей за барьером и на хорах (в помещении летнего клуба), шли бурные дебаты между большевиками и левыми эс-эрами, с одной стороны, и меньшевиками и правыми эс-эрами—с другой. Незадолго перед тем бакинские рабочие изгнали из Исполнительного Комитета господ соглашателей—Мандельштамов, Бекзадянов, Айолло,—которые своей преступной буржуазно-соглашательской политикой загубили, умертвили и свели на-нет Бакинский совет рабочих и солдатских депутатов.

В совете вновь забурлила жизнь, начался новый период оживления и расцвета.

Мне, как председательствовавшему на собрании, сообщили, что приехали из Петрограда эмиссары нового рабоче-крестьянского правительства. Одним из них и был тов. Голембьевский.

Собрание бурно и радостно приветствовало дорогих гостей. Тов. Голембьевский, в форме прапорщика, молодой, весь сияющий, восторженный, благодарил собрание и, в свою очередь, приветствовал бакинский пролетариат от имени революционного Петрограда. Речь его была живая, быстрая, глубоко-искренняя и страстная.

Тов. Голембьевский, сам участвовавший в Октябрьской революции, рассказал нам подробности о падении власти Керенского, о юнкерских контр-революционных выступлениях. Он выяснил всю лживость сообщений буржуазной и оборонческой печати о событиях в Петрограде, о с‘езде советов и пр.

Помню, как господа оборонцы-меньшевики и правые эс-эры злобно шептали на сцене, за его спиной.

— А у него документы есть—он большевик...

— Нет, я не большевик, я эс-эр, левый эс-эр,—отвечал т. Голембьевский, и лицо его в ответ на злобные взгляды и выкрики сияло добротой, любовью; глаза ясные, светлые, детски открытые и честные.

Я вспоминаю другой момент. На втором армейском с'езде в Тифлисе. Он приехал только что из Батума. Радостно жал мне руку и говорил о своей работе в Батуме и о том, что ему удалось наладить лево-эсеровскую организацию. Он, как ребенок, радовался, видя, что и на с'езде составилась фракция левых эс-эров, одним из руководителей которой он стал. По вопросу о текущем моменте он был докладчиком от фракции. Он произвел сильное впечатление своей горячей, революционной речью:

— На нашем красном знамени было написано: „В борьбе обретешь ты право свое!" Господа Керенские и Черновы запятнали наше знамя, они написали на нем: „не в борьбе, а в соглашательстве с буржуазией обретешь ты право свое".

Речь тов. Голембьевского была сплошным обвинительным актом против изменников социализма, против ренегатов партии, которую он любил всей душой, которой был предан, под знаменем которой он был каждую минуту готов встретить смерть.

И он пал под знаменем этой партии, пал от руки злодея, от руки одного из врагов Октябрьской революции, которого (какой позор!) восхваляет орган бакинских эс-эров— „Знамя Труда". Пусть редакция выступает с запоздалыми раз'яснениями, пусть это отдельный член партии, но он, все-таки, остается в ее рядах. Можно ли представить себе худшее оскорбление памяти дорогого товарища Голембьевского.

Я вспоминаю последний трагический момент, последний взгляд тов. Голембьевского, запечатлевшийся в моей душе. Пришли к нам в Исполнителеный Комитет и сообщили, что на такой-то улице происходит что-то опасное, вызывающее тревогу. Я немедленно поехал в Военно-Революционный Комитет Красной Армии, вызвал тов. Голембьев-

ского, как начальника военной разведки, просил немедленно послать десяток красноармейцев во главе с толковым товарищем.

Он смотрел мне в глаза своим ясным, лучезарным, младенчески-чистым взглядом и сказал: „Я пойду сам, я сам... сейчас же“... Он оставил важное заседание В.-Р. Ком., быстро собрал кого нужно и отправился с товарищами, куда ему было указано. По возвращении оттуда, на Николаевской улице, его подстерегала смерть...

Мне тяжело писать об этом. Я чувствую себя как бы виновником. Думаю, если-б я не пошел к нему, не говорил ему о том, что мы узнали, он был бы еще жив..

Но меня утешает мысль, что он пал на славном революционном посту, что если-б этого не случилось вчера, могло случиться завтра...

Я утешаюсь мыслью, что, ведь, каждого из нас, стоящих на ответственных постах, ждет та же участь...

Тов. Голембьевский отдал свою молодую, хорошую жизнь за дело социализма, за великий идеал рабоче-крестьянской революции. О лучшей жизни и лучшей смерти он, наверное, не мечтал.

Вечная память дорогому товарищу...

„Бакинский Рабочий“ № 55.
24 (11) марта 1918 г.

Бакинский Совет Народных Комиссаров[29])

Декларация Бакинского Совета Народных Комиссаров.

Бакинский совет р. с. и м. д. на заседании своем от 25 апреля образовал местное правительство—Бакинский Совет Народных Комиссаров. Создание такого местного правительственного органа не означает вовсе отделения от Всероссийской Советской Республики, как это может показаться людям, проживающим в условиях крепостнического самодержавно-централистического строя и воспитанным, в лучшем случае, на правовых понятиях буржуазного парламентаризма.

Бакинский Совет Народных Комиссаров будет теснейшим образом связан с Всероссийской центральной властью и будет проводить в жизнь, сообразуясь с местными условиями, все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России—Верховного Совета Народных Комиссаров.

В республике советов, республике рабочих и крестьянских коммун, основа которой была положена Октябрьской революцией, Бакинский Совет продолжает оставаться неразрывной частью единого великого целого. Одной из основных задач Бакинского Совета Народных Комиссаров будет установление возможно более тесной связи с центральной властью и возможно более тесного об'единения бакинских рабочих и крестьянской бедноты губернии с рабочими и крестьянами всей России.

Бакинский Совет Народных Комиссаров не является также местной исполнительной властью в буржуазном смысле слова—по отношению к верховному органу бакинского пролетариата—к совету депутатов. Он не присваивает себе всю исполнительную власть. Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, и его Исполнительный Комитет продолжают быть как и до сих пор,

властью законодательной и исполнительной одновременно. Согласно принципам новой советской социалистической республики законодательствуют и управляют сами рабочие через своих депутатов. Бакинский Совет Народных Комиссаров является только техническим органом, облегчающим эту задачу законодательства и управления. Он будет и законодательствовать, издавать декреты и т. д., он будет отвечать в каждую минуту и за каждый свой шаг перед советом рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Бакинский совет после победы, одержанной в недавние мартовские дни, стал полновластным хозяином в гор. Баку и районах. Он является вместе с тем единственным правительственным органом, на котором лежит обязанность заботиться о всей губернии с ее миллионным крестьянским населением. С другой стороны Бакинский совет призван бороться и уже фактически борется и воюет за утверждение Советской власти во всем Закавказье и Дагестанской области.

Для того, чтобы справиться с громадной задачей и многочисленными обязанностями, лежащими на нем, Бакинский совет должен был создать подвижной аппарат с целым рядом отделов и с соответственными руководителями во главе каждого отдела. Таким аппаратом, такой коллегией ответственных работников, облеченных широкими правами, и является Бакинский Совет Народных Комиссаров.

Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, признающий для себя обязательным постановление Всероссийского с'езда советов, действующий в полном согласии с Центральным Исполнительным Комитетом и Верховным Советом Народных Комиссаров наметил ряд социальных мероприятий, которые должны быть проведены в жизнь. Власть совета тогда только будет истинно пролетарской властью, когда она рядом мероприятий ограничит экономическое господство буржуазии, улучшит положение рабочего класса и городской бедноты. Мероприятия, уже намеченные советом в общих чертах,—о нефтяной промышленности, о банках, о городском хозяйстве, о морском транспорте, о железных дорогах и т. д., должны претвориться в ближайшем будущем в конкретные решения и должны проводиться в жизнь. Земли Бакинской губернии находятся до

сих пор в руках беков и ханов. Необходимы решительные шаги для передачи всех помещичьих земель в руки крестьянства. Необходимо создание крестьянских советов в губернии и об'единение их в уездные и губернские советы.

Нужно приложить героические усилия для облегчения продовольственной нужды города и губернии. Необходима борьба с безудержной спекуляцией, что должно будет повести постепенно к ограничению и, быть может, к полному уничтожению частной торговли. Необходимы меры по борьбе с безработицей путем, в частности, создания необходимых общественных работ. Должны быть приняты также меры в области народного просвещения—для создания в первую очередь трудовой, пролетарской, интернациональной школы с обязательным бесплатным обучением, а также для постановки дела внешкольного просвещения масс. Необходимы меры для облегчения жилищной нужды рабочих и городской бедноты путем вселения их в обширные и часто пустующие дома имущих, меры ведущие постепенно к национализации домов.

Бакинский совет получил возможность приступить к практической постановке всех перечисленных вопросов только в результате вооруженной борьбы с врагами рабочего класса. Гражданская война продолжается и сейчас. Передовые отряды наших товарищей из Красной гвардии и Красной армии сражаются в Петровске, в Шемахе, устанавливают Советскую власть в Ленкорани, Дербенте, Кубе, Сальянах и проч. Для окончательного торжества советской власти, для распространения этой власти на всем Закавказье, также и для проведения в жизнь указанных выше мероприятий, необходимо продолжать победоносно начатую гражданскую войну, а для этого прежде всего иметь сильную Красную армию. Работа по созданию этой армии начата, нужно, чтобы она продолжалась со всей энергией и дальше.

Столь велики и обширны задачи стоящие перед нами. Осуществление этих широких планов не может быть делом исключительно Бакинского Совета Народных Комиссаров. Только самая активная и организванная поддержка всего бакинского пролетариата сделает возможным проведение в жизнь необходимых мероприятий. Творческая работа масс, призванных к власти и самоуправлению, является

единственной гарантией успеха и торжества советской политики. Бакинский Совет Народных Комиссаров может и должен быть инициатором и руководителем в этой работе, но без помощи самих рабочих ничего не сможет сделать. „Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукою“ Эти слова пролетарского гимна должны помнить всегда товарищи рабочие. Требуйте от Совета Народных Комиссаров, от каждого из нас энергичной и неустанной работы, критикуйте каждый шаг наш, осуждайте, смещайте тех, кто окажется недостойным и негодным на высоком посту, но не возлагайте на нас всю ответственность за власть. Не относитесь к нам так, как вы относились и как вы должны были относиться к буржуазным властям. Власть Народных Комиссаров, также как и власть Исполнительного Комитета и совета депутатов — есть ваша собственная выборная власть. Недостатки этой власти суть ваши собственные недостатки. Забудьте свои личные, групповые, фирменные и проч. интересы, об‘едините все усилия во имя общего дела вокруг общей рабочей власти.

Рабочий класс России впервые после Октябрьской революции стал на путь создания собственной пролетарской власти. Широкие массы рабочих и их выборные представители впервые начинают учиться трудному и сложному делу управления государством и устроения хозяйственной жизни страны. Ошибки и неудачи вполне естественны и неизбежны. Нужно только сознание общей ответственности и дружная общая работа вокруг совета во имя великих идеалов освобождения труда, провозглашенных Октябрьской рабоче-крестьянской революцией.

В надежде на широкую поддержку рабочих масс и на их живую, творческую самодеятельность Бакинский Совет Народных Комиссаров приступает к своей работе.

„Бакинский Рабочий“ № 79 (195).
1 мая 1918 г.

Костлявая рука голода и темная агитация[30]).

Бакинский пролетариат переживает тяжелый продовольственный кризис. Рабочие голодают, а голод очень плохой советник. И вот темные элементы пользуются положением, бросают в массы самые провокационные лозунги, натравливают голодных и раздраженных рабочих против своих выборных организаций, против Советской власти. Эту преступную работу ведут, главным образом, меньшевики. Хорошо известные сознательным рабочим г-да Айолло, Садовский и тянувшийся за ними бывший революционер Атабеков ездят по районам и произносят самые преступные и провокационные речи. Когда-то миллионер Крестовников грозил в Москве „костлявой рукой голода" задушить революцию рабочих и крестьян. Опытные лакеи буржуазии решили, что настал момент в Баку, когда эту „костлявую руку" можно поднять на Советскую власть.

Голодным и усталым рабочим они говорят: большевики вам обещали хлеб и не дают; большевики устроили гражданскую войну, они проливают кровь рабочих; большевики, под видом гражданской войны, устроили национальную резню; они стоят за армян и истребляют мусульманскую бедноту и пр., и пр.

Можно ли представить себе более подлую агитацию? Могли ли самые от'явленные контр-революционеры и провокаторы придумать лозунги, более вредные и преступные, при наших бакинских условиях.

Говоря о хлебе, они натравливают голодных рабочих против советских продовольственных организаций. В прошлом, когда продовольственные управы находились в руках наших противников, когда мы там заседали вместе с Мельниковыми, Луневыми, Якобсонами и другими,—пусть скажет кто-нибудь, что мы натравливали на них массы. Наоборот, мы оказывали им самую энергичную поддержку, беря на себя ответственность за них, даже тогда, когда они вовсе

этого не заслуживали. Теперь, когда известно всякому, что советская власть делает все, что необходимо и что возможно для получения хлеба, когда советская красная армия, проливая свою кровь, пытается открыть дороги для доставки хлеба—бессовестные провокаторы натравливают голодных рабочих против совета.

С другой стороны, эти крики о кровожадности большевиков, виновников, будто бы, гражданской войны в Баку. Всякий рабочий знает, кто подготовлял здесь гражданскую войну, и как она началась. Сколько нужно бесстыдства, чтобы валить на советскую власть ответственность за пролитую кровь. Да, советская власть дала вовремя вооруженный отпор контр-революционной дикой дивизии мусаватистов. Но если б мы не дали этого отпора, разве не ясно для всякого, что в десять раз больше было бы пролито крови, промысла и заводы были бы преданы огню, и советская власть была бы похоронена навсегда, а г. Баку был бы сейчас столицей Азербайджанского ханства.

И мало того, что провокаторы, пользуясь настроением голодных, стараются так дискредитировать революционную борьбу рабочих против контр-революции. Они сеют сейчас национальную рознь между русскими рабочими и армянами. Участие армян в борьбе за советскую власть против мусульманских контр-революционеров они об'ясняют исключительно национальной враждой и внушают всем, что в Баку не было борьбы за советскую власть, а была только резня, устроенная армянами против мусульман Повторяем: можно ли представить себе более подлый и более преступный прием борьбы против советской власти. Так об'ясняют события мусульманские контр-революционеры—Ага Бала Гулиевы Абдуллаевы и пр., призывающие против Баку имамов Годзинских и елисаветпольские банды. Им только служат, для них только работают провокаторы, сеющие рознь и вражду между рабочими. Вы посмотрите, как обостряются в районах отношения между русскими и армянами рабочими. Посмотрите, как высоко поднимают головы притихшие было черносотенные элементы среди рабочих.

Мы знаем, что господа Айолло и Садовские, стремящиеся „костлявой рукой голода“ задушить советскую власть в Баку, не достигнут своей цели, они не смогут даже на

время поднять акции своей обанкротившейся меньшевистской партии. Но временную смуту в умах они все-таки сеют. Зло, какое только возможно, они причиняют бакинскому пролетариату.

Продовольственный кризис пройдет.

Будем надеяться, что, благодаря самопожертвованию рабочих и красноармейцев, благодаря помощи революционных советских организаций Северного Кавказа, Астрахани, Царицына, благодаря общим усилиям сознательных рабочих, хлеб в Баку прибудет, и тогда—горе провокаторам, которые в трудную минуту преступно обманывали голодные массы, которые хотели голодных рабочих использовать для борьбы против рабочей советской власти.

Эти же самые рабочие, которые теперь аплодируют грязным демагогам и провокаторам, дадут им тот ответ, какого они заслуживают.

А пока мы призываем всех сознательных товарищей раз'яснить отсталым, голодным и усталым массам истинное положение вещей и бороться против гнусной провокации.

„Бакинский Рабочий“ № 85 (201)
12 мая 1918 г.

К выступлению нобелевцев[31]).

Всем сознательным рабочим хорошо известно, что представляла из себя советская власть в Баку до событий 1—3 апреля, власть эта была номинальна, фактически же в Баку господствовала буржуазия. Совет занимался ловлей мелких воров, устанавливал добрые мещанские порядки, чем снискал симпатии всех непролетарских элементов.

И каждый раз, когда перед советом вставал вопрос о необходимости проведения в жизнь того или иного социального, классово-пролетарского мероприятия, сейчас же против него выдвигался аргумент: мы де не можем провести этого мероприятия, так как вызовем сопротивление той или иной национальности. Нас вечно запугивали национальными столкновениями. Слабые из нашей среды поддавались этому запугиванию. Но чаще всего национальное пугало было хорошим прикрытием для подозрительных социалистов из буржуазно-оборонческого лагеря. Так влачили мы жалкое существование. Дело доходило до того, что мы не смели говорить о реакционности религии вообще, так как де это оскорбление для мусульманской религии.

Но вот произошло неизбежное. Гражданская война разразилась. Наши враги в открытом бою потерпели жестокое поражение. Но лакеи буржуазии не унывали. Г.г. меньшевики на другой день после событий заявили, что это была не гражданская война, а армяно-татарская резня.

Жизнь сама опровергла это утверждение. В самом деле. Если события эти были не гражданской войной, а войной между армянской и татарской буржуазией, то отсюда нужно было сделать неизбежный вывод. А именно: победительницей из этой войны вышла армянская буржуазия.

Но может ли это утверждать хоть мало-мальски сознательный рабочий. Ведь посмотрите. Первым последствием событий было закрытие главного печатного органа армянской буржуазии, газеты „Баку“, и секвестрование ее типографии.

Затем на побежденных была наложена контрибуция. И контрибуцию эту приходится платить не только татарской буржуазии, но и армянской, виднейшие представители которой уже подвергнуты аресту за невзнос платежа.

Неправда-ли, странные победители, которых сейчас же после победы препровождают в тюрьму, которой они в жизни не видели.

Затем. Был распущен армянский национальный совет, как орган власти. Национальные полки, находившиеся в его распоряжении, расформированы и всецело подчинены совету.

После всех этих фактов, кажется, не должно уже было оставаться места для сомнений на счет истинного характера событий. Впервые, именно после 1—3 апреля наш совет стал на путь социальных реформ. Впервые Советская власть в Баку перестала быть фикцией и посмешищем и стала действительной властью—властью бакинского пролетариата. И всякий, у кого есть хоть капля ума и капля совести, должен был бы сказать: да теперь уже ясно, что события 1—3 апреля были не столкновением национальностей, а именно гражданской войной.

Но у меньшевиков не оказалось и этой крупицы совести. Они, оказывается, стоят ниже, чем предполагали мы. Оказалось, что это морально опустившиеся люди.

И этим людям нобелевские рабочие хотят вручить власть. Они продолжают считать партию меньшевиков социалистической. Они хотят, чтобы большевики и левые эсеры признали г.г. Садовских и Айолло своими товарищами, когда мы уже громогласно об'явили, что они провокаторы.

Нобелевским рабочим до сих пор еще не известно, что если закрыты дороги, что если у нас нет хлеба и мы голодаем, то причиной тому является никто иной, как именно кавказские меньшевики.

Может быть в этом вопросе мы не беспристрастны, может быть нобелевцы верят более „солидным" партиям, правым эсерам и дашнакцаканам. Так вот правые эсеры заявляют: „Кавказск. Комиссариат (в котором главенствуют меньшевики), великолепно вооруживший мусаватистов винтовками и пулеметами, вооружил войско для фронта берданками". „Батум, по мнению правых эсеров, был сдан исклю-

чительно благодаря предательству. Турецких войск там было очень мало". (См. „Знамя Труда" № 72). Карс, по мнению дашнакцаканов, сдан благодаря чудовищной провокации меньшевика Чхенкели (См. радиотел. Карчикяна).

Итак, все партии сходятся в том, что тяжелое положение, в котором очутился Кавказ и в частности Баку, создалось благодаря предательству и провокации меньшевиков. Они вооружили мусаватистов, отрезавших нам все дороги, лишивших нас хлеба, и они же обвиняют нас в создании продовольственного кризиса, толкнувшего несознательные слои рабочих на необдуманные их шаги.

Но мы говорим нашим товарищам рабочим. Товарищи, не поддавайтесь провокации. Отнеситесь критически к тому, что вам говорят. Буржуазия через подкупленных людей старается свергнуть рабочую власть, она стремится сделать это вашими же руками, чтобы завтра в вашей крови потопить все революционные завоевания, как это она сделала в Киеве и на всей Украине. Не поддавайтесь непосредственному чувству, в особенности, чувству голода. Знайте, что наши товарищи, борцы за пролетарскую свободу голодали не один, не два месяца, а годы в каторжных тюрьмах и в ссылке. Терпите хоть и вы несколько недель. Ведь наши красноармейцы гибнут десятками и сотнями, чтобы пробить дорогу. Они уже большую часть дороги пробили, остается немного. К тому же урожай, притом очень обильный, в Бакинской губернии не за горами.

Знайте, что оставаясь в Баку, вы совершаете великое общегосударственное, общепролетарское дело. Бросая Баку на произвол судьбы, вы лишаете Россию топлива, обрекаете промышленность на гибель, лишаете сотни тысяч и миллионы русских рабочих и их детей куска хлеба не на месяц, а на долгие годы.

Оставайтесь на своем посту, как часовые, как воины долга. И знайте, что ни эти жалкие мусаватисты, ни малочисленные турецкие банды нам не страшны, если только не будет у нас внутри предательства. Только это предательство нас может погубить.

„Бакинский Рабочий" № 86 (202).
14 мая 1918 г.

О власти в Закавказье[32]).

(Речь на фабрично-заводской конференции 16 мая 1918 г.)

Вопрос о власти возник в настоящей конференции не из желания рабочих узнать истинное положение дел. Он возник не из интереса к деятельности правительства. Он возник в связи с продовольственными затруднениями, и это придает специфический характер его обсуждению.

Вы хорошо сделали, когда на вчерашнем заседании отделили продовольственный вопрос от вопроса о власти, ибо наши противники хотели воспользоваться тесной связью между ними, чтобы провести свою линию в рабочих массах.

Но то, что вчера вопрос был разрешен не в пользу и не к удовольствию наших противников, дает нам основание надеяться, что вопрос о власти будет обсуждаться также спокойно

Мы, члены Исполнительного Комитета и Народные Комиссары, всегда рады случаю дать отчет о своей деятельности товарищам рабочим. За короткий срок нашего избрания, я лично дважды уже выступал с докладами: один раз в Балаханах, другой—на общем собрании моряков Каспийской флотилии. Было время, когда совет умирал в руках оборонцев. Тогда мы, большевики, привлекли фабрично-заводскую конференцию к политической жизни и образовали из этой конференции и остатков совет, так называемый расширенный совет. Наши противники не желали признавать этого совета. Они говорили, что конференция, имея текучий состав и не будучи „демократически“ избранной, не может быть выразителем воли пролетариата.

Мы-же говорили, что расширенный совет является единственным авторитетным органом до тех пор, пока не будет переизбран совет. Вы помните, как меньшевики и правые эс-эры, вместе с партией „Дашнакцутюн“ вышли тогда из совета и вернулись туда лишь под давлением и по требованию рабочих масс. Теперь же они апеллируют к

вам, воображая, что конференция—это нобелевский митинг, *которому можно подсунуть какую угодно резолюцию.* Вопрос о власти есть основной вопрос всякой революции. Имея за собой пятнадцатимесячный опыт, мы можем оглянуться назад на пройденный путь.

С первых же дней революции существовали две точки зрения на то, кому должна принадлежать власть. Меньшевики говорили, что русская революция есть революция буржуазная, и потому власть должна принадлежать буржуазии. Большевики же утверждали противное, а именно, что, в виду особых условий развития нашей революции, власть в России должна принадлежать пролетариату и крестьянской бедноте. Меньшевики были против участия социалистов во временном революционном правительстве и предоставляли рабочим защищать свои классовые интересы только „извне", путем „давления" и забастовок. Эти две точки зрения существовали еще в 1905 году. Тогда уже мы указывали на контр-революционную сущность кадетской партии, указывали, как на существенного союзника рабочих, на крестьянскую бедноту и допускали блоки и соглашения только с эсерами. Меньшевики же предпочитали эсерам кадетскую партию, считали буржуазию более революционным классом, чем крестьянство и во время выборов тогда и позднее блокировались всегда с кадетами.

Когда разразилась революция 1917 года, вопрос о власти вновь встал перед нами во всей остроте. И так как во главе петроградского движения стояли Чхеидзе и другие меньшевики, власть была передана буржуазии. Единственный „социалист", вошедший в правительство, Керенский, должен был испросить на это особое разрешение Петроградского совета. Таким образом, совет рабочих депутатов являлся только контрольным органом и активного участия во власти не принимал, но такое положение не могло продолжаться долго. Пролетариат должен был понять, что существовавшая власть была контр-революционна и когда 21 апреля Милюков послал державам свою знаменитую ноту, петроградские рабочие вышли на улицу, протестуя против действий правительства. Тогда Чхеидзе и компания поняли, что их старая точка зрения не жизненна и выдвинули коалицию.

В течение 7—8 месяцев меньшевики и правые эсеры морочили и терзали страну своей коалицией. На деле никакой коалиции не было. Социалисты вошли в правительство со своими старыми взглядами на революцию, чтобы быть ширмой для проводившейся на деле политики буржуазии. И эта злосчастная политика продолжалась до октября месяца.

Еще 3 апреля, когда приехал Ленин и выставил свои тезисы, он заявил, что власть должна принадлежать советам. Взгляды Ленина тогда плохо понимались даже ближайшими единомышленниками Ленина. Сейчас вы знаете, что советская власть торжествует уже во всей России. Какую сильную и упорную борьбу пришлось вести нам здесь в Баку, чтобы идея советской власти была воспринята рабочими.

Я вас прошу об этом помнить, и когда здесь будут выступать наши противники, спросите их, требуют ли они еще, чтобы власть принадлежала буржуазии или была коалиционной?

Они не осмеливаются теперь говорить об этом. Это значит, что они разбиты на голову в самом кардинальном вопросе—в вопросе о власти! Когда мы говорили, что от власти должны быть отстранены все элементы, кроме рабочего класса и крестьянской бедноты, нам указывали, что есть городские думы, выбранные на основе четырехчленной формулы. Им, а не советам должна принадлежать власть.

Теперь меньшевики и эсеры не осмеливаются выступать в защиту разогнанной нами думы.

Наконец, мы говорили, что не только на местах, власть должна принадлежать советам, но и во всероссийском центре. Не Учредительному Собранию, куда входят представители буржуазии и помещиков, а Всероссийскому С'езду Советов, Учредительному Собранию Трудящихся.

Против нас выдвигались лозунги, вводившие массы в обман, чтобы коалицию с буржуазией провести под флагом Учредительного Собрания, городских дум и т. д.

Перейдем теперь к вопросу о власти в Баку. Вы знаете, что в Баку в первые дни революции образовался, кроме совета рабочих депутатов, Исполнительный Комитет

Общественных Организаций. Мы большевики требовали, чтобы совет имел в нем большинство голосов.

Против этого возражали меньшевики, которые говорили: разве вопрос в числе голосов?

Ведь, все равно с вашими заявлениями считаются. Для чего же вам большинство голосов?

Затем, как только мы ощутили реальную силу, мы настояли на разгоне Исполнительного Комитета Общественных Организаций, хотя меньшевики хотели сохранить его во главе с Фроловым.

Нам предстояла решительная борьба, и нам пришлось силою выгнать Исполнительный Комитет Общественных Организаций из его помещения.

Мало того, когда мы хотели его типографию взять в свои руки для нужд советского издательства, то меньшевики и правые эсеры, поддержанные думской фракцией „Дашнакцутюн", боролись против нас и послали полицейского пристава составить на меня протокол за то, что я взломал дверь типографии и вошел туда.

Теперь мы пользуемся этой типографией и никто не осмеливается сказать, что мы поступили нехорошо.

Я привожу эти примеры, чтобы указать, как шаг за шагом мы шли к утверждению советской власти в Баку.

Когда мы об'явили, что власть в Баку принадлежит совету рабочих депутатов, меньшевики и эсеры вышли и создали комитет общественной безопасности.

Я утверждаю, что они получили от буржуазии (через Фролова) десятки тысяч рублей для того, чтобы бороться с расширенным советом и издавать газету, в которой они обливали нас грязью.

Вот до чего они досоглашались! (Аплодисменты)

Но вы знаете, что сопротивление их было сломлено благодаря настойчивости бакинского пролетариата.

И в конце концов эти партийные верхи пришли в совет и сейчас конкурируют друг с другом в том, кто из них является лучшим защитником советской власти. Если я это говорю, то не для того, чтобы укорять за прошлое, а для того, чтобы выяснить для вас природу этих партий, как они постепенно в борьбе приходили к тому, что говорили представители большевиков с самого начала.

Теперь Советская власть восторжествовала; теперь мало кто осмелится выступить против идеи советской власти. Вы знаете, товарищи, что в последнее время, кроме Исполнительного Комитета образовался Совет Народных Комиссаров.

Это произошло после того, как закончилась гражданская война и власть наша стала не декларативной, а действительной.

Раньше мы не могли взыскать с нефтепромышленников и двадцати тысяч, а теперь мы обложили их контрибуцией в 50 миллионов рублей, из которых двадцать миллионов уже поступило в банк.

Когда мы приобрели власть, работа наша расширилась. Мало было Исполнительного Комитета. Нужно было выделить правительство, состоящее из нескольких комиссаров, из которых каждый мог бы наладить свое дело и принимать необходимые меры.

Сейчас идет критика уже не против советской власти, а против формы тех организаций и против тех лиц, которые стоят на отдельных постах.

Прежде всего, я просил бы вас считаться с тем, против кого идет критика? Если против лиц, то это легко устранимое дело. Власть выборная, поэтому представители рабочих могут выбрать других.

Если речь идет о лицах, то пусть скажут, что такое-то лицо не на своем посту—долой его, в тюрьму его, если он совершил преступление!

Но идет игра в темную: с одной стороны, намеки на лиц, а с другой стороны, борьба против Исполнительного Комитета, агитация против него, т. е. против органа, выбранного самими рабочими.

Эти вещи нужно различать, чтобы разбить темную работу противников советской власти. Я вам напомню, что когда образовался новый состав совета, и старый оборонческий Исполнительный Комитет уходил в отставку, один из членов этого Исполнительного Комитета заявил нам вызывающе: „Вы воспользовались демагогией и свергли нашу власть. Теперь вы будете у власти, а мы пройдем в массы и посмотрим, что останется от вашей власти!“

— Нет, господа, напрасно вы думаете, что всякая критика может привести к победе. Если вас свергли, то это

значит, что критика была верна. Но если вы пойдете в массы и будете агитировать против новой советской власти, вы сломите себе шею. Так сказал я им тогда, и эти слова повторяю теперь.

В связи с вопросом об Учредительном Собрании например, они стали усиленно агитировать, что большевики разогнали Учредительское Собрание и т. д.

Сорвалось, ничего не заработали...

То же было и по вопросам о городских думах, о комитете общественной безопасности.

Сейчас враги советской власти учуяли новую возможность.

Самый тяжелый вопрос для всякой власти—это вопрос продовольственный. Когда человек голоден—разум его плохо действует, и тогда можно использовать голод, чтобы прокатить свои резолюции против советской власти.

И вот, на нобелевском митинге собираются люди голодные, с бледными лицами и бросают нам обвинения. Эти обвинения меня не оскорбили, не оскорбили меня и выпады против меня лично.

Но вот перед этой массой, которая задает вопрос—когда же будет хлеб?—появляются меньшевики и заявляют, что большевики закрыли их газету, большевики разогнали Учредительное Собрание и голодная масса поднимает руки не зная, за что закрыли эту газету. Меньшевики говорят: „вот большевики затеяли гражданскую войну, товарищи рабочие, они проливают вашу кровь" и т. д. Им легко воздействовать на человека, который голоден и прокатить свою резолюцию.

Эти приемы я считаю недостойными. Но вопрос в том, достигнут ли они своей цели? Я повторяю и сейчас, что еще вчера они должны были почувствовать, что несколько позвонков у них уже треснуло. (Аплодисменты).

Можно временно развить свою агитацию, но одержать победу над советской властью дело мудренное, ибо советская власть имеет фундамент в самих рабочих массах. Нобелевский митинг должен победить весь бакинский пролетариат, чтобы он мог победить советскую власть.

Я выражаю свою твердую уверенность, что положение наших противников после минования продовольственного

кризиса еще ухудшится, что они еще более опозорят себя. По существу вопроса я скажу, что раз эта власть советская, то понятно, что все, что можно сделать будет сделано, и если вы желаете поехать куда нибудь, чтобы ускорить доставку хлеба, например на Шендриковскую пристань, то пожалуйста, милости просим.

Ваша власть не может идти против вашей воли, воли большинства рабочих и мы видим действительно, что от сердитой нобелевской резолюции, за исключением одного маленького пункта, не осталось ничего, против чего мы могли бы возразить.

Теперь о гражданской войне Я обращаю ваше внимание на этот вопрос, ибо он не только дает оценку прошлой политики, но и политики будущей.

Советской власти нужно было создать в Баку реальную вооруженную силу.

Ни меньшевики, ни правые эсеры не старались создать в Баку реальную власть.

Когда состоялся с'езд Кавказской армии и образовался Краевой Совет Кавказской армии, который переехал к нам в Баку, мы решили что нужно создать реальный фундамент для советской власти. В течение каких нибудь двух—трех месяцев Военно-Революционный Комитет Кавказской армии развернул самую энергичную работу. Несмотря на то, что все члены его были из России, они остались, так как мы просили их об этом; и в течение трех месяцев энергичной работы они создали в Баку реальную вооруженную силу. Когда мы об'явили себя властью, то у нас не было ни одной винтовки, чтобы создать Красную гвардию и Красную армию. Только благодаря стараниям Военно-Революционного Комитета мы овладели военным аппаратом и только это дало нам возможность представлять из себя силу. Вы знаете, что партия „Мусават" подготовляла восстание против советской власти не потому, что советская власть сама по себе была ей неприятна, а потому, что у мусаватистов был план об'явить столицею автономного Азербайджана.

Шамхорская история, когда они вырезали тысячу русских солдат, уже показала их стремления. Они вооружили свои банды, чтобы разогнать Бакинский совет и об'явить

автономию Азербайджана. В программе этой партии было отделение Кавказа от России и провозглашение турецкого протектората. Они заявили: „Посмотрим, вы опираетесь на войска, но они уйдут. Когда пройдут последние эшелоны, у вас не будет никакой силы".

Член городской думы Ашуров заявил мне: „Я человек откровенный и я вам прямо говорю, что в первую очередь мы повесим на Парапете вас, господин Шаумян". Это не было фразой, в этом заключалась их политика, расчет на уход последних сил и на помощь Закавказского Комиссариата. И вот, когда они прислали сюда своих офицеров, мы арестовали их штаб, а когда другая часть дикой дивизии появилась здесь, мы разоружили ее. Вы знаете какой ультиматум поставили нам мусаватисты. Они заявили, что если до шести часов арестованные не будут освобождены, то они откроют военные действия.

В то время, как наши товарищи еще вели переговоры с их делегацией, они уже в пять часов вечера открыли стрельбу по проходящему конному отряду.

Я вас спрашиваю: если не было бы подготовительной работы Военно-Революционного Комитета в течение двух—трех месяцев и мы не имели бы решительной силы, то смогли ли мы оказаться достаточно сильными и не только защищаться, но и перейти в наступление?

Мы привели в боевую готовность армию и флот и так как нам бросили вызов, мы дали отпор мусаватистам. Я обращаюсь теперь к вашему разуму: если вы нас критикуете, то знаете ли вы, что было бы, если бы у власти были меньшевики? Нас вырезали бы всех.

Они ведь считают себя социалистами, и значит не должны проливать крови. „К чорту,—говорят они,—социализм, если мы пухнем с голоду, если проливается хоть капля крови".

Если вы пошлете к чорту социализм из-за маленького затруднения, то вы никогда не дождетесь его. Наша тактика состояла в том, чтобы дать вооруженный отпор. Если бы мы его не дали, то было бы пролито гораздо больше крови. Вся немусульманская часть города была бы уничтожена, как это было сделано на Мугани. Когда на нас наступают контр-революционеры, тот кто высказывается про-

тив гражданской войны, есть слуга контр-революции. Он оказывает поддержку нашим врагам, дает им возможность уничтожить все приобретения революции. Такова наша точка зрения. Это важно не только для прошлого, но и для ближайшего будущего. Ведь на Кавказе началась революция против беков и ханов и наши враги только о том и думают, чтобы покорить Баку. Нам угрожают трудные дни и я спрашиваю вас, пусть представительство бакинского пролетариата заявит, угодно ли им отказаться от гражданской войны совершенно или продолжать отстаивать советскую власть с оружием в руках, защищать город Баку для бакинского пролетариата, для России и для революции? Если вы говорите: „долой гражданскую войну", это означает, что нужно сложить оружие. Тогда нужно быть последовательным и сказать „немедленно бросить город Баку" и всем, кто не стоит за отделение Кавказа и за турецкое владычество, надо убраться из Баку. Наши умные противники пусть открыто скажут: „Долой гражданскую войну", следовательно, „Долой Красную армию", хотя они и сами входят в Красную армию, чтобы агитировать там.

Зачем же они затемняют смысл борьбы вопросами о всяких „чрезвычайных комиссарах" и т. д. Что-ж, предложите свою резолюцию „Долой гражданскую войну", может быть собрание примет. Затем критика направлялась против репрессий, которые предпринимает советская власть, в особенности; против свободы печати.

Но они не защищают свободы печати для газеты „Баку", хотя когда мы закрывали „Речь" и „Русское Слово", они тогда протестовали против нарушения свободы печати. Но теперь они говорят о свободе печати только для „Нашего Голоса".

Вы знаете, что эта газета старалась подчеркнуть национальный элемент в гражданской войне и этим дискредитировать ее. В передовой статье она писала: „У нас было все, что угодно, но только не гражданская война"... Конечно, некоторая неизбежно национальная окраска была придана этой борьбе, но мы сами возмущаемся этим. Эту окраску нужно смягчить, а не подчеркивать, а не дискредитировать. советскую власть.

Всякая власть, уважающая себя, должна была эту газету закрыть. Когда члены редакции „Нашего Голоса" при-

шли к нам, они заявили, что статья эта проскользнула без ведома редакции и редактор Цыпин откровенно заявил мне: „Когда я прочел эту статью, я знал, что за нее газету закроют... и хорошо сделают“. Могли ли мы отнестись иначе к этому, если даже члены редакции говорят, что газету следует закрыть. Я им заявил, что если организация их не разделяет их политики, то пусть они поместят письменное заявление, что статья попала по недоразумению и мы будем знать с кем имеем дело. Но они не сделали этого и не подали заявления. Комитет революционной обороны заявил поэтому, что газета не может быть разрешена.

Когда организовался Бакинский Совет Народных Комиссаров пришли рабочие Завокзального района и сказали, что они сами будут контролировать эту газету. Я ответил им, что, так как создалась новая форма власти, они должны написать письменное заявление с просьбой разрешить издание газеты; Совет Народных Комиссаров рассмотрит это заявление и может быть согласиться на их просьбу. Может быть, конечно, мы и не разрешили бы, но это была не пустая формальность, а предложение по существу, ибо нужно было поставить этот вопрос на обсуждение.

Но после той агитации, которую они развили в последнее время в районах, мы можем заявить, что мы прекрасно сделали, не разрешив этой газеты, ибо она повела бы в районах самую преступную, самую позорную агитацию на национальной почве.

Они говорят: „это не гражданская война, а истребление мусульманской бедноты, армяно-татарская резня и т. д.“. Я повторяю, что здесь, конечно, имелась определенно национальная группировка. Беднота сильно пострадала. Но укажите мне такую революцию, где бы умирали богачи? Страдает всегда беднота потому, что за оружие берутся и бессознательные элементы. Это нас возмущает, но пусть скажет кто нибудь, что наш военный руководитель в каждый отряд не посылал специального комиссара, который должен был удержать солдат, чтобы они не обижали мусульманского населения, чтобы не было мародерства и убийств, мусульманской бедноты. Пусть скажет кто нибудь, что

борьба с мародерством и убийствами не ведется. Тогда нам не место в правительстве. Я заявляю, что этих фактов привести нельзя. Они пользуются всякими средствами, чтобы дескредитировать гражданскую войну. Во дни гражданской войны я поражался той дружбе, которая существовала между русскими и армянскими рабочими, сблизившимися за время борьбы. Вы знаете, что в Тифлисе большевистские газеты были закрыты. Типографии были запечатаны и с них взяли слово, что никакие большевистские газеты не будут печататься под другим названием. Мало того, старые достойные революционеры, не менее достойные, чем Жордания и другие, были заключены в тюрьму. Скажу прямо: если бы мы вели политику, которую ведут в Тифлисе, то Айолло, Садовский и Атабекян давно были бы в тюрьме.

В Тифлисе в тюрьме сидят люди, которые не позорят себя провокационной борьбой, которые лишь протестуют против избиения русских солдат в Елисаветполе, Шамхоре и т. д.

Я не знаю, известно ли вам, как мирный митинг созванный большевиками, на котором присутствовали и правые эсеры, был расстрелян из пулеметов в центре города. Это было сделано по приказу комиссариата, во главе которого стоит Гегечкори.

Когда люди доходят до такого позора, то странно слышать от их партии такие заявления.

Если вы возмущаетесь искренно, то почему не выступите с протестом против ваших тифлисских товарищей?

Наоборот, вы стараетесь замазать их поступки. Вот какова ваша критика!

По существу вопроса, вы не можете сказать ничего. Вы не можете сказать, что Исполнительный Комитет или Совет Народных Комиссаров не принимает возможных мер для доставки хлеба. Что касается гражданской войны, я уже обрисовал вам характер этой критики.

По отношению к нашим репрессиям, я также охарактеризовал их поведение в Тифлисе и нашу политику здесь. Вы должны вынести нам порицание за то, что мы слишком терпимо относились к этой агитации.

Кончая свою речь, я заявляю: перед нами стоит вопрос о власти. Власть должна принадлежать пролетариату и

крестьянской бедноте по всей России. Власть должна быть советской. Совет должен быть полным хозяином. Сейчас эта власть победила. Нужно проводить последовательно власть и в экономическую жизнь. Нужно ограничить эксплоатацию и спекуляцию, проводить социальные мероприятия в отношении национализации и т. д.

Вот в этом отношении критика будет плодотворной. Если вы предлагаете более решительных людей, то мы приветствуем такую критику. Но я надеюсь, что мы не услышим от вас критики в духе противников советской власти, которые ведут теперь темную кампанию. Я призываю вас стоять за советскую власть, за об'единение вокруг выборных органов и призываю вас помогать им. Когда власть принадлежала буржуазии или мелкой буржуазии, то по отношению к этой власти рабочие привыкли быть требовательными. Они хотели улучшить свое положение. У каждого хозяина рабочие боролись за свои интересы и тогда это было полезно. Это было дело революции. Теперь же, когда власть принадлежит рабочим, должна измениться и психология рабочих. Теперь нельзя отстаивать своих особых групповых интересов, ибо это значило бы идти против всего рабочего класса. Теперь личные интересы расходятся с общими интересами. Отдельная группа идет против общих порядков, которые намечаются для всего пролетариата. Как представитель советской власти я говорю: не личные, не групповые, не фирменные, а общие интересы. Как только выплывают такие мотивы, сознательные товарищи должны бороться против них.

Советская власть не есть власть отдельных лиц. Нельзя говорить ей: „управляйте, а мы только будем требовать от вас". Советская власть, это власть, в которой каждый рабочий должен чувствовать себя частью ее. Каждый член совета рабочих депутатов должен смотреть на себя не только как на законодателя, который придет на заседание и поднимет руку. Он должен наблюдать за проведением в жизнь всех постановлений.

Советская власть есть массовая власть. Она может держаться только при творческой самодеятельности всех рабочих, об'единяющихся вокруг совета.

Если будет такая активность в массах, тогда только власть будет действительно рабочей властью, будет работать на вашу пользу, тогда только принцип советской власти восторжествует, интересы рабоче-крестьянской революции одержат верх, и мы доведем до конца нашу революцию во имя общего блага рабочих и крестьян.

Из книги Сурена Шаумяна „Бакинская Коммуна“
Баку, 1927 г.

О старой школе[33]).

Ведомство народного просвещения было одним из самых реакционных ведомств царского правительства. Это вполне понятно, царскому правительству нужна была школа, где формируются юные души, где воспитываются поколения за поколением, чтобы эту школу держать в руках и воспитывать таких людей, какие нужны были царскому правительству.

И самые неоценимые услуги оказала школа царскому правительству. Когда произошла февральская революция, то ничего не изменилось в положении школы. Наоборот, во многих отношениях произошло ухудшение.

Когда я наблюдал в каком положении оказались мои дети, я ужасался, сравнивая его со своим, когда я сам был учеником. Единственное „улучшение" состояло в том, что вместо интернациональной, мы получили национальную школу.

Армянские дети, которые сидели раньше с детьми еврейскими и русскими, были взяты в отдельные классы. Их отделили от остальных товарищей и создали этим будто бы рай для наших детей.

Единственное ценное, что у меня осталось в памяти от моего пребывания в среднем учебном заведении—это то, что школа была по крайней мере интернациональной, что вместо той затхлой, замкнутой национальной среды, из которой мы выходили, мы встречались с детьми других национальностей и проникались духом интернационализма, т. е. самым ценным из того, что должно быть в воспитании детей.

А дети мои, возвращаясь из школы, с ужасом рассказывали, что их оторвали от товарищей других национальностей, загнали в особый класс и заставили переучиваться на национальный лад.

Вот единственная реформа, проведенная в средней школе

Естественно, что, когда совершалась Октябрьская революция, в этой области народной жизни нужно было провести такую же ломку, как и во всех остальных. Мы немогли примириться ни с царской, ни с новой кадетско-оборонческой школой.

Вам известно, какие затруднения встречал народный комиссар Луначарский в Петрограде и др. городах. Такой же саботаж встретили здесь и мы. Что касается других областей, то мы уже не встречаем там сабстажа от того, что мы, бакинцы, всегда слишком запаздываем и подбираем плоды только тогда, когда они падают на землю, или от других причин, но факт тот, что лишь комиссар по народному просвещения оказался в особом положении.

Самым реакционным бастионом оказался педагогический персонал. Те учителя, которые в своем воображении считают себя воспитателями поколений, „солью“ земли, оказались самым реакционным элементом в Баку.

Что касается до чиновничества, то эти „двадцатники“, несмотря на свою годами воспитанную психику, приспособились к новому порядку. Не знаю, что будет когда мы возьмемся за ломку судебных учреждений, но мне кажется, что и там упорства мы не встретим.

Но здесь эта „соль“ земли оказывает нам сопротивление. Это не удивительно потому, что это идейные прислужники старого режима, идейные прислужники капитала. По отношению к ним должны быть приняты решительные меры. Когда здесь собрались педагоги, чтобы выслушать заявление комиссара по народному просвещению, они вошли сюда с сильным шипением и все собрание представляло собой ужасную картину. Один из тов. рабочих вызвал меня по телефону и сказал: „Тов Степан, ради бога приходите сюда; здесь собралась такая банда, до которой далеко нашей заводской конференции, которую хотели натравить на совет“. Я ответил, что у тов. Колесниковой найдется достаточно энергии, чтобы самой справиться с ними. Характерно то, что рабочий сравнивал это собрание с толпой голодных людей, натравляемых против советской власти... Что же их так возмущает?

Оказывается тов. Колесникова дерзнула, не советуясь с ними, наметить какие то планы.

Когда тов. Колесникова заявила, что она ответственная перед советской властью и действует от ее имени, то это вызвало ужасный гвалт.

Как какая то учительница осмелилась в декларации давать указания; другие возмущались тем, что тов. Колесникова заявила им, что те, которые желают работать на новых условиях, должны подавать заявления. Это глубоко оскорбило их самолюбие. Разве они могут позволить так обращаться с ними.

Вспомните, что достаточно было в старое царское время издать какой нибудь приказ, и они ползали перед чиновниками на коленях, а теперь представителю совета они считают оскорбительным подавать заявления.

Я полагаю, то т. т. рабочие должны заявить: „Если вы ползали перед царскими чиновниками, то извольте считаться теперь с представительницей воли его величества пролетариата" (Бурные аплодисменты).

Чем больше затруднений встретит тов. Колесникова со стороны этой компании, тем большую поддержку должны вы ей оказать.

Вы должны заявить: мы стоим за нашего народного комиссара, мы вместе с ним будем бороться за новую школу, и если нужно будет скрутить вас в бараний рог, то он будет иметь нашу поддержку. (Аплодисменты).

„Известия Бакинского Совета" № 97.
26 мая 1918 г.

Речь на с'езде советов крестьянских депутатов Бакинского уезда 26 мая 1918 г.[34)]

Позвольте мне, товарищи, приветствовать вас от имени Совета Народных Комиссаров. Вы знаете, что это наше правительство, недавно только сконструировавшееся, создано на тех же началах, как правительство всероссийское, а именно, на началах выборных. И, как центральное российское, так и наше правительство является правительством народным, правительством рабочих и беднейших крестьян. У нас, в Баку, до сих пор в правительство входили выборные только от рабочих, но общим горячим желанием, общей мечтой все время было и представительство крестьян.

И вот сегодня—первый радостный день—день, когда впервые собрались выборные крестьян, чтобы высказать свою волю и приобщиться к власти. Сегодня же мы узнали, что подобные с'езды идут по всей губернии. В Шемахинском уезде был с'езд, на котором присутствовало 299 делегатов, представлявших собой волю 285.000 крестьян. Эта весть в высшей степени радостна, так как она показывает, что по всей губернии идет энергичная работа по организации крестьян, что всюду пробуждаются широкие массы к активной деятельности. И я выражаю надежду, что мы скоро увидим результат этой работы, что по всей губерии вскоре будет одно правительство—правительство рабочих и крестьян. Бакинский совет до сих пор был единственный угол, где ширилась и укреплялась советская власть. Мы надеемся, что работа Бакинского совета распространится на все Закавказье, об'единит крестьян всех национальностей и в результате даст нам рабоче-крестьянское правительство. Надежда на это укрепляет наши силы, дает нам возможность бороться с нашими многочисленными врагами.

Но в остальном Закавказье власть принадлежит бекам, ханам и армянской буржуазии. Эта власть не пользуется доверием среди крестьянской бедноты, хотя ее сторонники стараются уверить, что они являются защитниками интересов бедноты, ее представителями. Но аграрное движение, бывшее в Елисаветпольской губернии в начале этого года, показывает совсем обратное, а именно, полное недоверие народа к этой власти. Мусульманские крестьяне говорили, что они убивают своих помещиков, беков и ханов из боязни прихода турок. которые встанут на защиту интересов беков и ханов и возвратят им отнятые крестьянами земли; и опять тогда беки и ханы будут властвовать над ними, крестьянами.

Они были также недовольны выборами в Учредительное Собрание, говоря, что их обманули. Но когда сами крестьяне говорят, что беки и ханы их враги, то как же можно утверждать, что эти самые беки и ханы являются защитниками интересов крестьянской бедноты?

И нашей главной задачей является теперь поднятие этих крестьян, привлечение их к борьбе с нашими общими врагами, а также привлечение их к работе по созданию здесь, в Закавказье, единого правительства рабочих и крестьян.

Во всех уездах между армянскими и мусульманскими крестьянами замечается полное единодушие; они сознают, что их общий враг—помещики. И та вражда, о которой говорят, вовсе не вытекает из особого настроения масс, их нелюбви друг к другу, а является результатом натравливания беков, ханов и армянской буржуазии. Крестьяне сами по себе не могут относиться враждебно друг к другу какой бы они ни были национальности, так как у них общие интересы, общие враги. И задачей советской власти является об‘единение крестьянских масс всех национальностей, чтобы двинуть их против общего врага—помещика. И вот здесь на этом собрании мы закладываем первый камень фундамента этого об‘единения.

Первое, что требуется от рабоче-крестьянского правительства, это уничтожение помещичьей власти, отнятие земли у крупных владельцев и передача ее бедноте. У нас в уезде нет помещиков, земли которых можно было бы пе-

редать крестьянам. Положение здесь совсем другое. Главное богатство у нас в уезде представляют нефтеносные земли. Непосредственная передача их населению невозможна, эти земли должны быть общегосударственным достоянием.

Но хотя эта первая задача не касается непосредственно вас самих, все же вы должны способствовать осуществлению ее по всей губернии.

Обстоятельство, что вы находитесь в промышленном районе, ставит вас в особые условия, а именно, оно способствует пониманию общности ваших интересов с интересами пролетариата, способствует установлению более крепкой связи между вами и рабочими. Вы должны стараться закреплять эту связь, об'единяться с рабочим классом, чтобы вместе с ним распространять и укреплять советскую власть в Закавказье.

Хотя у нас сейчас власть местная, выборная, все же нельзя забывать о тесной связи нашей власти с общероссийской, которую вы должны поддерживать вместе с рабочим классом. В свою очередь вы найдете помощь от центральной власти в своей местной борьбе.

В борьбе за укрепление советской власти здесь, в Закавказье, нас ожидают еще новые и новые осложнения. Беки и ханы, чтобы вернуть прежний порядок, чтобы сломить крестьян, призывают к себе на помощь Турцию. И если мы не дадим отпора врагам, то нас ожидает участь общая с Украиной, где, как вы знаете, немцы уже встали на защиту прав помещиков, уже опять поработили крестьян.

Во имя победы над нашими врагами, я призываю вас не поддаваться провокационной агитации, которая будет сеять среди вас национальную вражду, рознь от рабочего класса. Вы не должны верить имаму, который будет призывать вас на защиту вашей национальности, вашей религии; он будет это делать во имя не ваших интересов, а во имя интересов беков и ханов.

Вы должны об'единиться для защиты советской власти вместе с рабочими и армянскими крестьянами. Как единая семья, как единая армия, вы вооруженной силой должны защищать рабоче-крестьянское правительство против беков и ханов и против их защитницы Турции.

„Известия Бакинского Совета" № 99 (321)
28 мая 1918 г.

О политике сейма и положении Закавказья [35].

(Речь, произнесенная на торжественном заседании совета с с'ездом крестьянских депутатов).

I.

В совете не раз уже бывали доклады на тему о положении в Закавказьи, но каждый день приходят новые вести, которые требуют нового обсуждения этого вопроса.

Положение Кавказа в последнее время было критическое, его нужно назвать катастрофическим. Я не буду останавливаться на той политике, которая постепенно привела Закавказье к этому положению.

Закавказский сейм, как вам известно, об'явил независимость Закавказья, и вы знаете, результатом какой политики это явилось.

Самая слабая вначале политическая партия в Закавказье, „Мусават", которая сорганизовалась во время этой революции, которая не имела никаких организаций, никаких партийных традиций, никакой власти, которая не играла никакой роли в начале революции, к началу второго года оказалась самой сильной политической партией в Закавказье.

Каким образом это произошло. У партии „Мусават" были два союзника. С одной стороны, партия меньшевиков—грузинских националистов и, с другой стороны, темнота и неорганизованность мусульманской демократии.

Благодаря этим двум союзникам такая ничтожная партия сделалась самой влиятельной и решает судьбы всего Закавказья.

Если бы в Закавказье правительство, состоявшее из господствующих партий, грузинских меньшевиков и армянской партии „Дашнакцутюн", защищало бы интересы рабочих и стояло бы на страже революции, то партия „Мусават" отцвела бы, не успевши расцвесть.

При содействии и при поддержке грузинской и армянской революционных партий, мусульманские рабочие окрепли бы настолько, что они имели бы свою сильную организацию.

Если бы в этой борьбе нам помешала отсталость мусульманского рабочего и крестьянина, то зато нам помогло бы то обстоятельство, что мусульманское крестьянство единственное в Закавказье, в жизни которого помещичья власть и старые феодальные порядки играют громадную роль.

Если бы в лице меньшевиков и дашнакцаканов мы имели действительно революционные социалистические партии, то они заключили бы могущественный союз с мусульманским крестьянством, самостоятельно выступившим против беков и ханов, и связали бы свою судьбу с мусульманским пролетариатом в Баку.

Мы могли бы создать сильную интернациональную советскую рабочую власть, для которой не были бы страшны ни армянская буржуазия, ни мусульманские ханы и беки. Для этой власти об'единенной демократии в Закавказье не были бы страшны турецкие полчища и германские угрозы со стороны Батума.

Но ничего этого мы не имеем.

Мало того, контр-революционная, в самом подлинном смысле этого слова, буржуазно-националистическая политика, которая велась в сейме, привела прямо к обратному.

В Закавказье у власти очутились дворянские и мелкобуржуазные партии, которые вступили в блок с „Мусаватом“, усилили беков и ханов, вооружили их и подготовили почву для турецкого владычества.

По прошествии 15 месяцев для нас становится очевидным, что тяжелое положение, в котором мы находимся, создано не потому, что нельзя было вести другой политики, а потому, что у власти очутились представители трех национальностей.

Грузинские крестьяне, по сообщениям, которые нами получаются все время, повсюду выступают против сеймовской власти, устраивают восстания за восстаниями в Мингрелии, Сухуме и др. местностях.

Во все части Грузии меньшевистские отряды отправляются из Тифлиса и других мест для подавления, но это им

не всегда удается. В Сухуме меньшевистский отряд, во главе с Джугели, разбит на голову, он ранен и от отряда его ничего не осталось.

Таким образом, и грузинское крестьянство будет ожидать развертывания революции со стороны Баку.

Что касается мусульманского крестьянства, то, несомненно, темнота, о которой я вначале говорил, и которая была союзником мусаватистов, и сейчас играет не малую роль.

Бакинскому совету и особенно нашим товарищам-мусульманам г. Баку, Бакинского уезда и Бакинской губернии, которые более осведомлены о положении в России, предстоит оказать свое влияние. Мусульманские ханы не пользуются уже авторитетом среди крестьянского населения. Это видно из аграрного движения в Елисаветпольской губернии и из новых сведений, полученных нами.

Сообщают, что когда елисаветпольские беки и ханы об'явили мобилизацию в мусульманских селениях, крестьяне устроили новое восстание и вырезали их. Они не хотят отдавать своих детей в распоряжение беков и ханов. Это движение указывает на недоверие, которое эти массы питают к ним.

Благодаря политике меньшевиков беки и ханы получили много оружия, разоружив проходившие эшелоны и получив от тифлисских меньшевиков ружья, пушки и пулеметы. Но даже теперь, при всем своем вооружении, они не так страшны, и крестьянство с началом новой политики в Закавказье пойдет не со своими беками и ханами, а отвернется от них также, как отвернулись от „Мусавата“ бакинские мусульмане после гражданской войны.

Та жалкая картина, которую представляет партия „Мусават“, будет представляться и далее в Закавказье, если мы проявим силу и сокрушим Елисаветполь, гнездо контр-революции.

Итак единственное спасение для Закавказья—коренное изменение политики в этом направлении. Еще до нашего поворота в эту сторону уже разваливается все враждебное нам внутри Закавказья, и блок, который был заключен меньшевиками, мусаватистами и дашнакцаканами, заседающими в сейме распался уже сейчас.

Я прочту вам сейчас телеграмму, которую я получил во время перерыва: она рисует перед нами картину положения в Закавказье в настоящее время. Из нее вы увидите, что блок распался, и сейм уже не существует (Бурные и долгие аплодисменты).

Я понимаю ваше приветствие. Этот очаг реакции в Закавказье, это учреждение, где творилось предательское дело уничтожения революции в Закавказье, не существует более, но, к сожалению, это только первые шаги распада и развала. То, что сейм распался, вовсе не значит, что мы об'единимся с той властью, которая будет создана в Тифлисе.

Создаются новые условия, новые затруднения. Сейм распался, но это не означает прекращения авантюры и желанного для нас восстания рабочих масс, чтобы вместо сейма создать новую революционную советскую власть и этим гарантировать Закавказье от новых авантюр и печальных событий.

Об'явление независимости Грузии свидетельствует о новом преступлении меньшевиков. Это не есть революционный выход из создавшегося положения. Это новая попытка предательства по отношению к соседнему с Грузией армянскому народу, невероятнейшее, бесстыдное предательство.

Они создали тяжелое положение в Закавказье, а сейчас умывают руки.

К нам дошли сведения, что Вильгельм предлагает Грузии автономию под своим протекторатом с тем, чтобы она не мешала осуществлению остальных планов Турции и Германии.

Это и осуществлено в такой форме: они об'явили распущенным Закавказский сейм и снимают с себя ответственность за все, что должно случиться после этого.

Одновременно с этим сообщается, что Грузия об'явлена независимой республикой, а в Тифлисе учреждается закавказско-германская торговая палата, и, с другой стороны, вы видите план занятия армянских позиций Турцией.

Что же будет с остальным Закавказьем, на восток от Тифлиса? Что должно представлять оно в политическом отношении? Весь Нахичеванский уезд без Ордубата должен отойти к Турции, а начиная с этой линии на восток и се-

веро-восток будет автономный Азербайджан, о котором мечтали мусаватисты.

В то время, как предатели Чхенкели и К⁰ воображают, что они спасли Грузию, для всего остального Закавказья остается следующее: или присоединение к Турции всей Армении с об'явлением остальной части автономным Азербайджаном, или программа Энвер-паши, по которой все Закавказье будет оккупировано Турцией.

И вот, Чхенкели и Жордания укрываются под сенью автономной Грузии, а все остальное Закавказье предоставляют на разграбление турецко-германских полчищ.

Вот результат той политики, которую мы имели до сих пор.

Но для нас важно выяснить не тольку причину создавшегося положения, но и говорить о дальнейшем.

Со дня создания советской власти в Баку, мы всегда говорили, что Баку—есть база для советской власти, что укрепляясь здесь, мы должны думать о том, чтобы протянуть братскую руку грузинскому, армянскому и мусульманскому крестьянству в Закавказье и вместе с ними сбросить иго беков, ханов и создать советскую власть в Закавказье.

Чем дальше развивались события, тем большее значение приобретал Баку для революции в Закавказье.

В последнее время мы стали перед вопросом о том, что турецко-германские и сеймовские вооруженные силы могут двинуться на нас, и нам придется или победить и продвинуться вперед, чтобы утвердить власть, или с честью пасть в неравной борьбе.

И в том и в другом случае бакинский пролетариат не может оставить своих позиций, не может отказаться от исполнения долга, который возложила на него судьба и весь ход революции.

Это, товарищи, остается в силе и сейчас. Как до сих пор мы готовились грудью встретить идущую на нас вражескую силу и силы предателей Жордания, Чхенкели, которые идут против нас, так и сейчас мы должны быть готовы к этой борьбе (Аплодисменты).

Все эти события, как бы ни осложняли они положение, как бы ни пугали воображение обывателей, совершаются все же к лучшему, а не к худшему. Во-первых, сеймовский

блок распался; затем, из сообщения Жордания о том, что в делегации имеются различные течения, вы видите, что германская делегация стоит за сохранение Брестских условий, что она против оккупации Закавказья турками и даже против независимости Закавказья.

Этого последнего в телеграмме нет, но это сообщается в письме, полученном нами из Тифлиса.

Насколько это точно, трудно сказать.

Затем из Москвы нами получено письмо от нашего центрального правительства, в котором сообщалось, что Чхенкели от имени Закавказского сейма, кроме Турции, обратился к Германии с просьбой, чтобы она приняла участие в переговорах в Батуме.

Затем сообщается, что представитель германского правительства Мирбах обратился к нашему правительству с предложением посредничества между Российской центральной властью и Закавказским правительством. Имеются также сообщения о протестах, которое наше правительство заявило германскому по поводу нарушения условий Брестского договора.

Поэтому, с одной стороны, внутренний распад Закавказья и, с другой стороны, планы Германии, расходящиеся с планами Турции, и, наконец, интерес, который проявляет вся революционная Россия к Закавказью и, в частности, к Баку—все это должно заставлять нас не терять бодрости в той борьбе, которая нам предстоит.

Непрерывная помощь деньгами, оружием из России и обещания послать на помощь вооруженную силу должны вселять в нас уверенность и надежду, что мы не одиноки, что разрозненные банды, которые идут против нас, не так страшны, как может показаться с первого взгляда испуганному воображению обывателя.

Опыт Украины говорит очень многое. Он показал самим предателям, меньшевикам и правым эс-эрам, тяжелые результаты их работы. Теперь они выступают на Украине с призывом к восстанию крестьян против германцев. Восстание происходит во многих местах.

Товарищи, приехавшие с Северного Кавказа, передают, что Полтава и целый ряд других пунктов уже очищены от германских войск. Гайдамаки вместе с крестьянами идут против германцев.

Этот урок дезорганизует силы наших противников.

Еще раньше имена Жордания и Гегечкори пользовались некоторым авторитетом; если массы и думали, что они ведут разумную, осторожную, последовательную политику, чтобы спасти Закавказье, то теперь все массы убедились в безрассудности и предательстве этой политики.

В Грузии они дискредитировали сейм окончательно, и нет уже силы, которая могла бы своим авторитетом поддержать турецкую ориентацию. То критическое положение, в которое поставлены массы, побуждает армянских крестьян выступать с оружием в руках и низложить бесстыдных руководителей своих, дашнакцаканов, которые позорно предали их (Аплодисменты). В их руках находилось около 30.000 армянских солдат-фронтовиков. С этой силой можно было творить чудеса. Я не говорю уже о громадной массе вооруженных крестьян, которая одна могла бы справиться и с турками, и со всеми контр-революционными силами в Закавказье. Если бы во главе армянских крестьян стояли бы не предатели, ничем не отличающиеся от Чхенкели и Жордания, а действительные революционеры, то не было бы такого позора для народа.

И если раньше у нас думали, что старые лидеры, десятилетиями решавшие судьбы армянского народа и создавшие для него печальные судьбы, заслуживают некоторого доверия, то теперь эти массы, прижатые к стене, ясно понимают, что им или грозит полное уничтожение, или они должны отвернуться от своих вождей и с оружием в руках выступить против надвигающейся опасности.

Это второе положительное заключение, которое мы можем сделать из полученных сообщений.

Теперь уже нет того блока, который отвлекал мусульманское крестьянство от аграрного движения и натравливал его на русских солдат, соблазняя их богатой добычей, и на русские селения, соблазняя землей русских крестьян. Нет тех, которые говорили об армянской опасности, о бакинских большевиках, которые, об'единившись с армянами, хотят, будто бы, уничтожить все мусульманское население.

Мусульманское крестьянство не будет теперь на стороне наших врагов потому, что оно понимает, что беки, пригласившие турок, вернут все старые порядки, что от за-

хватнической политики будет страдать мусульманское население. И если первое время ханам и бекам удастся сбить с толку мусульманское крестьянство, если, благодаря темноте этого крестьянства, первые столкновения могут принять национальный характер, и если в Елисаветпольской губернии произойдут печальные столкновения армян и татар, то это не должно нас пугать, ибо это будет лишь временным явлением.

Мусульманское крестьянство очень скоро очнется и не даст возможности развиться армяно-татарской резне, подобно тому, как это было в Баку. Разум бакинского пролетариата подсказал ему, что необходимо остановиться, когда национальные страсти начали разгораться, и, несмотря на первые столкновения, стараниями Бакинского совета национальная резня была предотвращена.

Я надеюсь, что после опыта, который должен был открыть глаза слепым, все крестьянство поднимется и будет смотреть на бакинскую советскую власть, как на своего избавителя, и наше об'единение, при поддержке всей революционной России, приведет нас к нашей победе, к поражению наших врагов и к установлению истинной свободы в Закавказье (Аплодисменты).

II.

(Ответ оппонентам).

Неудивительно, что в Бакинском совете не нашлось людей, которые выступили бы с возражением по существу моего доклада и моих положений. Всего несколько дней тому назад представители фракции меньшевиков осмеливались выступать против меня, но сейчас они молчат, не смея выступить в защиту своих собратий в Тифлисе.

Когда я говорил несколько месяцев тому назад, что меньшевики подготовляют акт независимости, они кричали, что это клевета, они выкрикивали оскорбительные выражения по моему адресу; когда я говорил, что они пойдут торговаться с германцами и турками, как украинцы пошли звать германские полчища, они изображали благородное негодование. Сейчас они молчат. Я надеюсь, они замолчат навсегда (аплодисменты). Из тех, кто все-таки возражал мне, нашелся один Зарафян, но и он говорил не по суще-

ству моего доклада, а только пытался оправдать своих единомышленников в Тифлисе. Для этого нужно было иметь большое мужество такого пошиба, как мужество Садовских и Айолло, возражавших мне. И, может быть, через неделю наложит на свои уста печать молчания и т. Зарафян (Аплодисменты).

Что он возражал мне в оправдание „представителя" армянского народа? Он говорил, что большевики подписали позорный мир, а для того, что делали Качазнуни и К-о в Тифлисе большевики не находят оправдания.

Одно дело об'ективная неизбежность, безвыходнее положение, когда идешь на уступку, признаешь тяжелые условия мира, сознавая, что это неизбежно, и полагая, что лучше создать для себя выход на будущее время, когда обстановка изменится и даст возможность торжества революлюционной тактики.

И другое дело, когда об'ективное положение создает возможность для торжества революционной тактики, и партия делает политику, которая губит революцию.

Дело не в том, чтобы проводить аналогию, а нужно говорить о том, действительно ли в том и другом случае мы имели неизбежное и необходимое.

То, что Ленин и другие сделали в Бресте, они сделали с одобрения и согласия всероссийского пролетариата и крестьянства, что подтверждено целым рядом с'ездов. Даже те, которые были против подписания тогда, теперь признают необходимость подписания этого мира.

За нашим правительством идет пролетариат и крестьянство, а за вашими Качазнуни, Чхенкели и мусаватисты; да, между ними должен быть поставлен знак равенства... за ними не только нет опоры и поддержки пролетариата, но они об'явлены всем закавказским крестьянством и рабочими врагами народа. Вот какая разница существует между этими двумя случаями,

Они говорят, что были вынуждены капитулировать перед турками, а я сказал и повторяю, что об'ективные условия сложились так, что в Закавказье была громадная вооруженная сила, готовая выступить против слабой Турции. Одних только армянских сил было достаточно, чтобы справиться с ними, но вы с меньшевиками и мусаватистами дезорганизовали ряды войск, не тех войск, которые жаждали

мира после трехлетней войны, а тех армянских войск, которые готовы были умереть и удержать свою страну. Вы развратили это войско, вот в чем ваше преступление.

То же самое сделали по отношению к грузинским войскам грузинские меньшевики.

При такой картине не может быть никакого оправдания и сравнения между тем позором, который творили ваши друзья в Тифлисе, и той революционной работой, которая творилась в России нашим рабочим правительством.

Когда наши друзья, сеймовцы, увидели, что одних сил сейма даже с турецкими бандами недостаточно, чтобы укрепить сеймовскую политику, чтобы повести войска против Бакинского совета, то, из опасения надвигающейся со стороны Баку опасности, обратились за помощью к Германии.

Из письма, которое я получил от нашего правительства, мы узнаем (читает): „Немцы теперь уже явно вмешиваются в дела Закавказья, ибо тифлисское правительство обратилось не только к туркам, но и к немцам. Немцы через Мирбаха обратились к нам с предложением посредничества между Советом Народных Комиссаров и тифлисским правительством. И они будут поддерживать Чхенкели, делая вид, что поддерживают самоопределение Закавказья.

Немцы потребуют нашего ухода в противном случае угрожают продвижением до Ростова“.

Если ранее они говорили, что нужно об‘явить независимость Закавказья, чтобы войти в непосредственные переговоры с Турцией и заключить с ней почетный мир, то в последнее время они обратились к помощи Германии, не надеясь на достаточность турецких сил.

И дашнакцаканы поддерживали сейм. Даже тогда, когда Чхенкели единолично приказал сдать крепость Карс, то они если и ушли из сейма, то лишь на один день, а на другой день они вернулись и голосовали за отделение Закавказья и послали своих делегатов в Батум для переговоров с Турцией.

Ваши друзья, которых вы берете под защиту, господин Зарафян, звали немцев на помощь, чтобы уничтожить советскую власть на Кавказе.

И люди, выступающие здесь в защиту дашнакцаканов, ничем не отличаются в моих глазах от Садовского и Айолло, и они должны встретить одинаковое отрицательное отношение с вашей стороны.

Теперь я обращаюсь к самому существу.

Как нам следует держаться далее, что нас ждет?

Прежде всего, я подчеркиваю, что силы Закавказской контр-революции, с раздроблением сейма, когда новая авантюра—об'явление независимости Грузии, выдвинута националистами,—слабеют, и все совершающиеся события идут в пользу советской власти.

Мы должны продолжать нашу работу с еще большей надеждой на успех.

Политики мечутся из одной стороны в другую, ища выхода из созданного ими положения.

В телеграмме от нашего правительства сообщается, что Чхенкели через германское посольство в Москве обратился с предложением о переговорах с советской властью; мы сегодня ответили согласием и предложили для переговоров гор. Баку.

В последние минуты он стал метаться то в об'ятия Турции, то в об'ятия Германии и, наконец, с другой стороны,—обращается к Российскому правительству, с которым он не хотел считаться. Все это указывает на их растерянность, на то, что они потеряли давно уже всякий авторитет и держались лишь благодаря силе штыков. Теперь сила их свелась к нулю.

При этих условиях нам нечего преувеличивать опасность, ожидающую нас. Нужно иметь в виду также громадную заинтересованность нашего правительства, которое шлет нам телеграмму за телеграммой (читает телеграмму).

Этот интерес, проявляемый нашим правительством, и тот живейший интерес, который проявляют наши товарищи на Северном Кавказе, бьющиеся, чтобы пробить дорогу через Червленную и притти к нам на помощь, говорят, что мы не одиноки, что с нами вся Россия, заинтересованная в прекращении закавказской вакханалии.

Все крестьянские массы Закавказья заинтересованы, с другой стороны, в том, чтобы поддержать связь с революционной Россией, в том, чтобы рабочие и крестьяне различных национальностей Закавказья не вели сепаратной политики, а, напротив, сплотились теснее с Россией. Это настолько необходимо, что прекрасно сознается всеми, и сознание это является самой высшей опорой.

Основываясь на силах демократии, об'ективном ходе вещей в Закавказье и на помощи со стороны Великой Революционной России, мы смело можем итти вперед.

Обращаю ваше внимание на то, товарищи, что все, что нами получается, все буквально оглашается перед вами. Как только, например, мне сегодня сообщили, что получена радиотелеграмма, я, еще не зная ее содержания, сказал, что я возьму ее и оглашу перед советом. Мы сообщаем все, из газет вы знаете все, что мы знаем, и вы должны относиться с доверием ко всему этому, должны привлекать к ответственности тех провокаторов, которые распространяют различные сплетни, дабы пресечь клевету.

Имея в виду, что создающееся положение делает необходимой мобилизацию всех сил истинной демократии, мы зовем ее к об'единению. Но не демократию меньшевистскую и мусаватистскую, не ту, которая говорила здесь устами Зарафяна, а подлинную, революционную демократию.

Я заявляю здесь открыто, что дашнакцаканы, об'единяющие рабочие элементы с буржуазными и реакционными, не порвали своих связей с буржуазией. Они и сейчас шушукаются с армянской буржуазией. Заявляю это открыто перед лицом совета. За спиною совета они советуются с армянской буржуазией в лице Хатисова, Саруханова, итти ли им за советом, или последовать примеру...

Здесь присутствуют люди, заседавшие на том совете с Сарухановым и другими представителями буржуазии, где высказывались мнения о том, что армянам не следует итти за советом, а лучше послать мирную делегацию в Тифлис. Вот какие мнения высказывались этими людьми, с которыми советуются дашнакцаканы.

На это совещание ходили и правые эс-эры. Я осуждаю эти попытки и говорю: рабочие дашнакцаканы, призовите к порядку ваши верхи, ибо ответственность за их действия падает на вас.

Я говорю это и вам, т. т. рабочие правые эс-эры, которые обижаются, когда их преданность советской власти заподазривается. Приведите к порядку своих вождей.

Если вы хотите советоваться, то советуйтесь с интернациональным пролетариатом, с представителями крестьян-

ства и, чтобы не было сомнений в честности вашей политики, отвернитесь от ваших националистических элементов. Порвите с ними окончательно, и вы будете действительно нашими товарищами.

Я отмечаю это потому, что нет ничего опаснее, как деморализация в ваших рядах, чем трусливое шушукание и сплетни, которые расходятся по городу. Нет ничего удивительного, что им удастся, когда наши товарищи будут стоять под ружьями, за спинами их вести работу трусов и предателей, ударить нам в тыл своей преступной политикой, которую они и тогда будут прикрывать красными словами.

Хочу остановиться еще на одном маленьком обстоятельстве.

Один из товарищей, выступивший после моего доклада, указал на мои слова о национальном столкновении, которое может произойти в первые дни гражданской войны. Не знаю, как меня понял товарищ, я не говорил о том, что мы должны примириться с этим и остаться к этому равнодушными. Наоборот, все наши силы должны быть направлены к тому, чтобы не примешивать никакой национальной окраски к гражданской войне, чтобы мусульманское и армянское крестьянство сплотилось в борьбе за советскую власть.

Для достижения этого мы не должны жалеть ни сил, ни средств, но вы знаете, что темнота, которую поддерживала в течение десятилетий агитация националистов, может быть причиной того, что мусульманская беднота поддастся влиянию своих националистов.

Но не нужно теряться перед этими событиями, нужно принимать все меры для борьбы со злом.

И если нам придется итти в сторону Елисаветполя, то должны быть мобилизованы все наши силы.

Но если в огромном стихийном явлении произойдут частные столкновения, то это не должно толкать наших товарищей в об'ятия националистов.

От этого я хотел предупредить и предупреждаю.

Не раз'единять демократию мусульманскую и армянскую, а сплотить их теснее должны мы, внушить им уве-

ренность, чтобы они сознали свои интересы и отвернулись от своих угнетателей.

С этой уверенностью мы должны итти вперед, не должны бояться опасности, мобилизовать все свои силы и с честью отстоять знамя советской власти, знамя Всероссийской революции, которое нам много обещает, которое, в конце концов, безусловно победит и, в союзе с революционной демократией передовых стран, положит конец всемирной кошмарной войне и даст возможность культурного развития России и нашему Закавказью.

„Бакинский Рабочий" 1918 г. № 101 и 102.
„Известия Бакинского Совета" № 105 (327).

О Парижской Коммуне[1].

(Конспект лекции).

Товарищи! Правительственный строй Российской Советской Социалистической Республики означает, что власть государственная принадлежит советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. е. всему трудящемуся народу России.

Но вопрос, кто является носителем государственной власти, является вопросом внешним, указывающим только на политический характер этой власти, ибо под каждой политической формой, как под внешней оболочкой, кроется определенное экономическое содержание, являющееся существеннейшим и чистейшим признаком для характеристики той или иной власти. Мы знаем массу примеров, когда один и тот же политический строй соответствовал различным экономическим формам; как на определенный пример, мы можем указать на ряд монархий, которые в различное время соответствовали и феодальному, и буржуазно-капиталистическому строю. Так и советская власть, об'явленная нами, в начале слабая и неполная; вполне определяя политический государственный строй, далеко не охватывала экономическую сущность республики.

По своим государственным функциям эта власть ограничивалась тем, что охраняла существовавший порядок, стараясь отдельными мерами сгладить классовое противоречие между трудящимися и капиталистами, короче говоря, она старалась сохранить частную собственность и наемный труд, т. е. те две вещи, которые служат содержанием буржуазного строя.

Вполне понятно, что долго продолжаться это не могло. Российский пролетариат и крестьянство, став носителем государственной власти, постарались подвести под нее соответствующую экономическую сущность, уничтожив основы буржуазного порядка.

И в октябре месяце прошлого года, под лозунгом: „вся полнота политической власти советам и придание этой власти надлежащего социально-экономического содержания“— были сделаны первые шаги рабоче-крестьянской беднотой к уничтожению буржуазного экономического строя и созданию нового социалистического или коммунистического порядка.

Коммуны первобытных времен, представлявшие собой изолированные друг от друга общины с трудовой экономической основой, не могли быть и не были идеалом современных рабочих масс, стремление которых заключается в единении пролетарских масс.

Трудовые коммуны Российской Советской Социалистической Республики—это свободная ассоциация. Будучи отдельными, они, тем не менее, связаны в единое государственное целое с другими коммунами России и со всем рабочим движением всего мира.

Первый пример этой коммуны был дан революцией 71 года во Франции.

Она была провозглашена во время осады германскими полчищами крепости французской революции—Парижа.

После 4 месяцев героических усилий, сопротивление пролетариата было сломлено германскими штыками, благодаря, главным образом, проискам и поддержке злейшего врага рабочего класса—французской буржуазии, во главе которой стоял Тьер.

Когда парижский пролетариат проявил освободительное движение, Тьер обратился за помощью к германским штыкам, и блок с Бисмарком послужил орудием для подавления рабочего восстания.

Как только немцы взяли Париж. первым делом победителей, шедших впереди германского войска, было подавление всяких свободных организаций посредством германского оружия.

Затем было созвано национальное собрание, и, соединившись со всей французской реакцией, Тьер ополчился, чтобы именем всей нации подавить рабочих.

Национальная гвардия, насчитывавшая более 100.000 человек, пропитанных революционными стремлениями, была бельмом на глазу у Тьера, и он принял меры для ее унич-

тожения. Имея силу в 25.000 человек, Тьер двинулся на Париж. Парижский пролетариат восстал, изгнал всех сторонников Тьера и, окруженный врагом, укрепившимся в Версале, об'явил новую коммунистическую революцию.

Революция нашла отклик во всей стране, и красное знамя, поднятое революционным пролетариатом Парижа, было подхвачено. Но многочисленные ошибки парижских рабочих, не подготовленных, не имевших государственного опыта, стали для них роковыми.

Раньше всего, благодаря тому, что Париж не связал себя должным образом со всеми провинциями, которые далеко отставали от него в революционном отношении, Тьеру удалось ликвидировать революцию в провинциях и отрезать их от влияния Парижа, окружив его совместно с германцами.

Другая из крупнейших ошибок была следующая: захватив власть, парижские рабочие не арестовали своих врагов, чем могли бы предотвратить возможность реакции. Они не захватили важного пункта, Версаля, обладание которым решало судьбу Парижа.

За все время коммуны в Париже господствовал дух примиренчества, и в боевой военный момент вожди революции занялись мелкими вопросами социально-экономического свойства. Государственные банки, в которых находились миллионы денег, совершенно не были тронуты коммуной.

Благодаря таким военным и экономическим ошибкам, силы коммуны ослабевали, и в течение 3 месяцев силы эти растаяли так, что осталось только 20.000 человек в войсках, верных революции, а между тем войско Тьера возросло до 130.000 человек. Вся европейская реакция пришла на помощь Тьеру против коммунистического Парижа.

Чудовищно дикой была расправа Тьера с революционным пролетариатом Парижа. Взамен того миролюбия, которое практиковала коммуна в дни осады по отношению даже к заложникам, Тьер устроил такую чудовищную бойню, перед которой блекнут картины варфоломеевской ночи. В течение недели кровь лилась рекой на улицах Парижа. 30.000 рабочих было расстреляно, по приказанию Тьера. Таким образом, первая коммуна была разбита. Во всей

буржуазной печати вы найдете попытки свалить вину за эти ужасы на плечи рабочих. Но в тоже время, когда буржуазная история, наука и пресса питает ненависть к воспоминаниям о днях коммуны, всемирный пролетариат преклоняется перед памятью этих борцов, и день 1 марта является праздником трудящихся масс.

Если мы обратимся к оценке первой попытки коммунистического переворота, мы должны сказать, что жертвы этой попытки вдохновили рабочих, вселили в них надежду на много лет, и сейчас в современной революции мы видим уже реальные шаги к претворению в жизнь идеалов парижских коммунаров.

Первыми словами Ленина к рабочим, собравшимся приветствовать своего вождя, были:

„Россию нужно превратить в республику советов—в республику коммун". Этот лозунг был тогда мало понятен не только рабочим, но и лицам, близко знакомым с Лениным.

Но постепенно идеал коммунистической революции стал проникать в наиболее передовые отряды рабочего класса и теперь охватил весь рабочий класс.

И когда в Октябрьскую революцию был провозглашен лозунг коммунистической революции, он был встречен с необыкновенным под'емом и верой в рабочих массах.

Со страниц столичных газет, с красных знамен лозунги коммунистической революции постепенно претворяются в жизнь.

Вначале Петроград, а затем многочисленный ряд городов на окраинах и в центре России насаждают трудовые коммуны, которые и являются экономическим фундаментом рабоче-крестьянской политической власти.

Имея на своих глазах опыт западно-европейских революций, стройно развивавшуюся науку о социальном движении русский рабочий приступает более твердо и более умело к захвату власти, и его не может ожидать судьба парижских рабочих, ибо вся Европа достигла неимоверного развития капитализма, что явилось основным условием для совершения социального переворота.

Русская коммунистическая революция не похожа на французскую, ибо, если во время Парижской коммуны бы-

ли еще довольно сильны остатки феодальных отношений в провинции, то в настоящее время русский пролетариат окружен братской семьей всемирного пролетариата, который рвется к нам на помощь.

Нет сомнения, что при других условиях восставший российский пролетариат был бы раздавлен всемирным империализмом, но нас спасает империалистическое состязание, идущее между двумя империалистическими державами —Англией и Германией.

Если бы захватнические стремления этих государств не были так противоположны, если бы они не были так обострены, несомненно, весь западно-европейский империализм тесно сомкнулся бы для борьбы и ликвидации революционного движения на Востоке.

Но только то обстоятельство,—что противоречия грабительских интересов дошли до крайних пределов, до таких пределов, что даже опустошительная мировая бойня, долженствовавшая разрешить этот спор, разрешить оба противоречия не может,—создает твердую уверенность, что только всемирный социалистический взрыв способен уничтожить самые основы этой бойни и даст возможность и силу русскому пролетариату завершить великое дело коммунистической революции. Уверенность эта царит во всех социалистических кругах, к этому приходят все, кто хоть несколько задумывается над происходящими событиями. Эта уверенность требует от нас крайнего напряжения усилий, необходимых для того, чтобы опыт коммунистической революции России стал знаменем грядущей революции на Западе.

У нас в России нет тех сил, которые могли бы пойти против советской власти, против рабоче-крестьянского правительства, ибо огромное большинство населения России составляют именно то крестьянство и рабочие, волею которых и творит эта власть.

Буржуазия политически и экономически бессильна, анархия в отдельных группах рабочих не представляет опасности для рабочего движения, ибо у них нет ни классового идеала, ни общих экономических, ни организационных интересов, которые спаяли бы их и придали бы этим выступлениям силу для свержения рабоче-крестьянского правительства.

Таким образом, не подлежит сомнению, что ни контр-революция со стороны буржуазии, ни анархические выступления со стороны отдельных групп рабочих не могут быть страшны советской власти, которая все более и более крепнет.

Но может ли эта власть, оставаясь советской, но без стремлений подвести экономический фундамент под себя, быть социалистической, быть коммунистической.

Как на примере, остановимся на истории советской власти в Баку.

Когда у нас была провозглашена советская власть, мы не трогали основ существовавшего буржуазного экономического порядка. В то время, когда на промыслах безудержно хозяйничали тузы-нефтепромышленники, эксплоатируя труд десятков тысяч рабочих, мы создавали милицию для охраны „порядка", мы удерживали рабочих от усиленной экономической борьбы путем коллективных договоров и др. незначительных уступок. Наша власть, называемая советской, была, в сущности, по своей экономической политике, властью буржуазной.

Причины такого несоответствия лежали в нашей слабости.

С одной стороны, экономически сильная буржуазия, с другой—националистическая агитация партии „Мусават", в тисках которой находилась вся мусульманская демократия, делали сильными врагов советской власти и не давали ей возможности проводить истинную пролетарскую политику. Имея достаточно сил для того, чтобы об'явить себя советкой властью, мы оказались бессильны проводить в жизнь идеалы этой власти—идеалы комунизма.

С этой целью советом был создан В. Р. К., который в течение месяцев систематически подготовлял силы, верные делу революции. Не спали и враги. Организовывая дикие полки, забрасывая советскую власть ультиматумами, контр-революция настолько подняла голову, что открыто выступила против совета. Окрепший совет принял брошенный вызов, перешел в наступление, и контр-революция была окончательно ликвидирована в Баку.

Осуществив вполне политическую власть совета, мы не могли ограничиться и теперь ролью охранителей буржу-

азных основ в экономической области и вынуждены были немедленно приступить к организации коммунистического порядка.

День сегодняшней лекции совпал с торжественным днем, когда Бакинский совет впервые стал на путь коммуны, об'явив национализированной нефтяную промышленность.

Я счастлив, товарищи, поздравить вас с об'явлением Баку трудовой коммуной.

Роль и значение нефтяной промышленности для исхода всей русской революции, новые отношения труда к капиталу, созданные национализацией, выдвигают следующие задачи для революционного пролетариата Бакинской трудовой коммуны.

Коренное изменение психики рабочего в связи с революцией в экономическом строении общества. Новому социалистическому строю должен соответствовать социалистический образ мыслей, чувств и психологии. Мелкособственническое отношение к окружающему должно уступить место началу общественному, государственному

Второй очередной задачей является поднятие производительности труда. С этой задачей связан вопрос о трудовой дисциплине.

Революционная дисциплина, основанная на сознании, укрепившись среди солдат революции, красноармейцев и рабочих, явится мощной союзницей в тех серьезных и грозных событиях, которые нас неизбежно ждут.

Обрисовывая вкратце обстановку закавказской действительности, призываю т.т. рабочих быть готовыми не только к обороне, но и к наступлению, и выражаю глубокую надежду, что, с поддержкой рабочих и крестьян всего Закавказья, с поддержкой всего российского пролетариата Бакинская трудовая коммуна укрепится здесь, в Баку, и явится освободительницей всего трудового народа Закавказья. И в этой уверенности еще интенсивнее и последовательнее должна вестись эта революционная война на два фронта, военном и экономическом, во имя торжества коммунистической революции в Закавказье.

„Бакинский Рабочий“ №№ 103 и 104.
4 и 5 июня 1918 г.

Речь в заседании Бакинского Совета[37].

Я имею честь быть почетным председателем совета и поэтому я считаю долгом сделать заявление по поводу слов, произнесенных Слепченко, который сравнил совет с палатой лордов, а конференцию с палатой депутатов. Это заявление тов. Слепченко не только оскорбительно, но и бессмысленно и мы не можем оставить его без внимания. Здесь не имеются представители помещиков и капиталистов. В лице совета вы видите истинное политическое представительство бакинского пролетариата.

Конференция точно также имеет в своем составе представителей рабочих, но заводские комитеты не являются политическими организациями, они часто сменяются и отражают мимолетное настроение масс. Под давлением голода их легко сбить с толку. Мы знаем целых ряд конференций, которые собирались в озлоблении, благодаря темной агитации некоторых лиц. Но достаточно было ясного слова, сказанного им, и они понимали, что введены в заблуждение. Когда собралась последняя конференция и поставила вопрос о групповых закупках, это был момент, когда нашим товарищам очевидно не удалось раз'яснить положение, когда влияние агитаторов было настолько сильно, что не удалось раз'яснить своевременно и конференция вынесла неправильное постановление, но мы не должны поэтому поддаваться демагогии и идти на уступки. И если мы сознаем, что конференция ошиблась, что это только самообман некоторых рабочих и обман со стороны демагогов, наш святой долг открыто сказать пролетариату: „Вы, под влиянием голода, с одной стороны, и агитаторов, с другой, вынесли неправильное решение и должны предложить признать правильной ту продовольственную политику, которая ведется российским пролетариатом и Бакинским советом". Мы не считаем себя палатой лордов, отбрасывая это выражение по направлению тех, которые его бросили, а считаем

себя выразителями всего бакинского пролетариата и за демагогами не пойдем.

Мы должны сказать, что в Питере и в Москве голодают гораздо больше, но не разрешают групповых закупок и, что мы, признающие власть Бакинского совета в лице Центрального Исполнительного Комитета Советов всей России, в полном согласии со всей сознательной Советской Россией, не пойдем на нелепые анархические приемы. Мы не хотим поступать по примеру тех товарищей, которые хотят действовать в интересах личных или групповых. Зачем же вы пришли тогда в совет рабочих депутатов, если вы анархисты, если вы можете существовать отдельно. Мы понимаем, что пролетариат не может действовать отдельными группами, и в данном случае мы должны придерживаться того же общественного, коллективистического принципа, а не индивидуального, анархического.

Я призываю вас к этому и я думаю, что не всегда можно, пользуясь темнотой, вести массу туда, куда угодно некоторым лицам. Если эти слова верны, то масса должна поддерживать нас, а они безусловно верны, ибо они вытекают из интересов рабочего класса.

15 июня.

„Бакинский Рабочий" № 117 (233).
20 июня 1918 г.

„Ко всем рабочим и крестьянам Закавказья, без различия национальности—к мусульманам, армянам, грузинам и русским от бакинского пролетариата".[58])

(Воззвание Бакинского Совета Народных Комиссаров).

Товарищи рабочие и крестьяне!

Пятнадцать месяцев тому назад началась русская революция. В первое время власть по всей России попала в руки помещиков и буржуазии, которые продолжали старую царскую политику. Им помогли лже-социалисты Керенские, Церетелли, Чхеидзе и другие.

Но в России рабочие и крестьяне скоро поняли своих врагов и сбросили новые цепи, наложенные на них во имя свободы. Изгнанные из России, грузинские дворяне Церетелли, Чхенкели, Чхеидзе устроились в Закавказьи и, об'единившись с мусульманскими беками и ханами и армянскими националистами, дашнакцаканами, повели самую преступную и предательскую политику по отношению к трудящимся классам Закавказья.

Вместо того, чтобы дать землю крестьянам, они создали для себя вооруженные силы—национальные полки, и отправляли их для усмирения крестьян. Вместо улучшения положения рабочих, они расстреливали их мирные митинги в Тифлисе.

В Закавказьи создался сейм, который повел ту же позорную и предательскую политику по отношению к трудящимся классам всех национальностей. Эта политика привела к воцарению в Закавказьи мусульманских реакционных беков и их достойного собрата Чхенкели. Она привела, наконец, к отделению Закавказья от России и к передаче страны в руки турецких завоевателей. Меньшевики, называющие себя социалистами, вместо того, чтобы связаться с

мусульманским крестьянством, восставшим против беков, вошли в сделку с этими самыми беками, вооружили и усилили их и с ними вместе предали и продали Закавказье турецким пашам. В позорном акте отделения Закавказья от России приняли участие и дашнакцаканы, об'ясняя свое предательство опасением за судьбы армянского народа. Да, меньшевики боялись мусаватистов, дашнакцаканы боялись меньшевиков, а мусаватисты боялись дашнакцаканов... Так они оправдывают себя все.

Но ни та, ни другая, ни третья партия не боятся, повидимому, гнева народного, гнева крестьян и рабочих Закавказья, которых они продали Турции.

Бакинский пролетариат был первый, который провозгласил свою солидарность с Октябрьской рабоче-крестьянской революцией в России и пошел против Закавказского комиссариата и сейма. Бакинский пролетариат и сейчас высоко держит знамя советской власти и готов бороться за свободу и счастье рабочих и крестьян всего Закавказья.

Поэтому и мусульманские беки, ханы и грузинские князья, дворяне, во главе с Чхенкели и Чхеидзе, так ненавидят бакинский пролетариат. Поэтому, как только начались переговоры в Батуме с турко-германскими разбойниками, первое слово их касалось города Баку.

Братья крестьяне—мусульмане, армяне, грузины, русские. Товарищи рабочие всего Закавказья!

Мы обращаемся к вам с призывом, пока не поздно поднять восстание против ваших угнетателей и предателей: против беков и ханов, против их лакеев-меньшевиков и против дашнакцаканов, которые в самую критическую минуту для армянского крестьянства так трусливо сдали все позиции и поставили, прежде всего, свой народ на край гибели.

Братья и товарищи!

Бакинские рабочие, без различия национальностей—русские, армяне, мусульмане, грузины—готовы умереть с оружием в руках, но будут бороться против своих внутренних и внешних поработителей, будут защищать свободу рабочих и крестьян.

Братья крестьяне! В особенности, мусульмане-крестьяне. К вам мы обращаем наше слово. Вас обманывают ва-

ши беки и ханы и их лакеи, грузинские дворяне-меньшевики, будто бакинские рабочие—враги мусульманского народа. Да, мы враги ваших беков и ханов, как и наших русских помещиков и капиталистов, но вы, крестьяне, для нас братья. Правда, в Баку были жертвы из мусульманской бедноты, но это те темные массы, которых беки и ханы обманным путем вывели против рабочих, против советской власти. Не верьте этим лжецам—мусаватистам и меньшевикам, которые уверяют вас, что ведут турецкие войска в Баку для защиты мусульманского крестьянства. Почему ваши беки и ханы и грузинские князья так жаждут появления турок? Разве для того, чтобы было хорошо мусульманскому и грузинскому крестьянству? Нисколько. Турецкое господство пойдет на пользу только помещикам, которые, конечно, вновь отберут у крестьян земли и станут попрежнему угнетать и эксплоатировать трудящийся народ. Турецкое владычество—это торжество помещиков и гибель для крестьян и рабочих всего Закавказья.

Бакинский пролетариат стремится создать в Закавказьи новое правительство без беков и князей и без армянских националистов, правительство рабочих и крестьян, правительство советов. Это правительство в союзе со всем российским пролетариатом и крестьянством отстояло бы единство Закавказья с Россией, сокрушило бы власть помещиков и капиталистов всех национальностей и установило бы братство рабочих и крестьян всего Закавказья.

Этого не хотели вековые кровопийцы-помещики, и они призвали турок, они оторвали Закавказье от революционной России, они сделали неизбежной национальную резню, они поставили народ перед угрозой гибели.

Братья крестьяне, товарищи-рабочие всего Закавказья!

Враги наши ополчились и идут против нас. Союзу угнетателей—беков, князей, купцов—мы призываем вас противопоставить союз угнетенных всех национальностей.

Поднимите восстание против кровожадных вампиров, идущих на бакинский пролетариат.

Если мы разгоним наших предателей и об'единим свои силы в братском союзе, нам не страшны будут никакие внешние турецкие силы.

К оружию, братья-крестьяне, мусульмане, грузины! К оружию, армяне-крестьяне—и не слушайтесь ваших преж-

них вождей, которые всегда в критическую минуту предавали все и своей преступной политикой губили и истребляли весь народ.

Все темные силы поднялись против Бакинского совета, против единственного свободного уголка Закавказья. Знамя Бакинского совета есть знамя свободы и знамя братства трудящихся. Все под наше красное знамя!

Долой Закавказские власти!

Долой беков, ханов, князей, капиталистов!

Да здравствует братство рабочих и крестьян всех национальностей!

Всю землю крестьянам, всю власть трудящимся!

Долой турецкое иго, да здравствует единение с революционной Россией!

1918, май.

„Известия Бакинского Совета“ № 103 (325).
1 июля 1918 г.

О роли меньшевиков в Закавказье[39].

Я записался не для того, чтобы полемизировать с Айолло. Роль партии меньшевиков уже достаточно выяснена на прошлых наших заседаниях. У нас имеются определенные решения, которые не только существуют на бумаге, но и проводятся в жизнь. При этих условиях возвращаться к полемике совершенно неуместно, и не потому, что в это время не нужно говорить о роли тех или других партий, как говорит тов. Тюхов. Нет, всякие политические действия совершаются под знаменем партий, и нельзя намечать новых путей, не касаясь ошибок или верных шагов их. Но я повторяю, что не хочу полемизировать потому, что вопрос уже достаточно выяснен.

Я желал бы сделать некоторые раз'яснения и прежде всего, относительно злополучного Брестского договора. Указывалось, что главный виновник всех несчастий Закавказья —это Брестский договор и что все дальнейшее лишь опыты хирурга, чтобы вылечить больное тело.

Можно конечно нанизывать фразы одна на другую, но для того, чтобы эти фразы могли повлиять на массы, за ними должна скрываться истина.

Отношения между государствами определяются не бумажками, а реальными соотношениями сил.

Что же мешало Закавказью не осуществлять этот договор и отстаивать себя? Мы большевики ни разу не заявляли, даже когда сами подписывали этот договор, что здесь безусловно нужно его соблюдать. Мы рассматривали его как навязанный договор, с которым мы должны считаться постолько, посколько это диктуется тем, что мы не обладаем силами для сопротивления.

Когда перед нами здесь ставился вопрос, как относиться к Брестскому договору, и нужно ли чтобы с нашей стороны было какое нибудь заявление о соблюдении Брестского договора, наша партия единогласно решила ника-

ких заявлений о сдаче Карса, Батума и Ардагана не делать и действительно мы не сделали ни одного заявления. Как оффициальный представитель центральной власти, я лично должен был высказать свое мнение, но мы не выступили по этому вопросу, полагая, что в Закавказье имеется достаточно сил, чтобы отстоять Карс и Батум.

Мы указывали, что Закавказье находится в таких условиях, что все население, без различия национальностей, будет бороться, чтобы отстоять себя против турок, ибо они истребили бы целые народности Закавказья. Это обстоятельство заставило бы население быть готовым к отпору и отстаиванию своей территории.

Имея в виду также, что на нас двигались не сильные германские войска, а уставшие, дезорганизованные турки, мы думали, что Закавказье сможет защитить себя и не отдать того, что было уступлено по Брестскому договору. Когда мы ставили вопрос, как отнесется к этому центральное правительство, подписавшее Брестский договор, нам было ясно, что правительство могло бы лишь приветствовать кавказских героев.

Затем, нам указывали также, что мы уклонялись от ответа на вопрос об обороне фронта. Мы не имели возможности говорить о фронте потому, что перед нами был создан усилиями меньшевиков и мусаватистов внутренний фронт в Елисаветполе и вся наша готовность бороться с Турцией превратилась бы в пустую фразу потому, что прежде всего мы должны были разбить контр-революцию. Пока дело обороны находилось в руках Закавказского контр-революционного сейма, мы не имели возможности делать никаких заявлений, ибо это не имело бы смысла.

Я еще раз повторяю, что дело не в том, что в Закавказье создалось тяжелое положение, оно существует и в России и не потому мы назвали их врагами народа, а потому, что они создали положение.

Здесь говорили, что все несчастья Закавказья произошли после Брестского договора. Разве после него был заключен блок между меньшевиками и мусаватистами, разве после Брестского договора меньшевики разрешили мусаватистам разоружать и расстреливать эшелоны? Эта политика подготовлялась задолго. Недаром же Ониашвили заявил в

сейме, что русская ориентация есть ориентация реакционная и что нужно искать другую ориентацию, а Чхеидзе поддержал заявление, что лучше итти в об'ятия Турции, чем большевиков. Когда человек позволяет себе такие выражения, то причем здесь Брестский договор?

Теперь я должен сообщить вам телеграммы, которые только что получены мною и которые подтверждают то, что я говорю. (Читает телеграммы из Тифлиса, помещенные в „Известиях").

Я отмечал уже, что у турок нет крупных сил, которые были бы страшны. По сведениям партии „Дашнакцутюн", на всем фронте от Черного моря до Персии у турок имеется 18—20 тысяч уставших, дезорганизованных войск. С этими войсками они не могут удержать за собой Закавказье, чтобы двинуться на Баку. Все, что они могут сделать, это под видом движения на Баку разместиться в Закавказье и только ничтожные силы двинуть против нас. Поэтому ждать каких бы то ни было ужасов не приходится. Турки могут взять с несколькими стами человек Батум, ибо им не было оказано сопротивления, или Карс, который защищался армянскими войсками, деморализованных своими вождями, но там где они встретят отпор они не страшны. К ним несомненно присоединятся известные силы елисаветпольских беков и то оружие, которое было предоставлено „Мусавату" при содействии тифлисских меньшевиков, будет против нас. Против нас будут действовать и грузинские части, находящиеся в распоряжении у меньшевиков, ибо политика превратившаяся, по выражению одного из выступавших здесь меньшевиков, в „политику ослов", приведет к тому, на этом осле турки приедут в Аджикабул.

Меньшевики обещают, что они дружно будут биться вместе с нами. Но они и теперь продолжают считать тифлисских меньшевиков своими друзьями, то надежда на них плоха, но я надеюсь, что и без их помощи бакинский пролетариат сумеет дать отпор врагам, и если не победоносно продвинуться вперед, но во всяком случае отстоять Баку и Апшеронский полуостров.

Но мы должны встретить врага не там где они хотели бы, а там где нам будет выгодно. Тактика наступления

считается лучшей и наиболее верной. Правда она опасна и ответственна для лиц стоящих во главе, но лица, которые стоят у власти, не боятся ответственности и нареканий. Я напомню вам, что на прошлом заседании при трех воздержавшихся была принята моя резолюция и я заявил тогда: „Я хотел бы, чтоб единодушие ваше сохранилось до конца, чтобы слова претворились в дело. Я повторяю это теперь". Порукой в этом нам служит то, что крестьянство армянское и грузинское не может примириться с господством турок на Закавказье. Оно ждет уже несколько месяцев бакинские войска, как избавителей и встретит нас с распростертыми об'ятиями. Я полагаю, что вооруженная сила, которая имеется в Грузии и у крестьянства Елисаветпольской губернии, присоединится к нам и мы сможем уничтожить и врагов и ту власть, которая подписала этот позорный договор, и об'единившись со всеми рабочими, утвердить на Закавказье советскую власть и сохранить ее для всей России и революции.

Я призываю вас к поддержке решительной революционной политики, которую от вашего имени ведет Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров.

„Известия Бакинского Совета" № 111.
11 июня 1918 г.

О заговоре против Советской власти [40].

Я позволю себе коснуться вопроса о смерти бывшего нашего глубоко-почитаемого и уважаемого тов. Г. В. Плеханова, память которого мы почтили вставанием. Я хочу сделать заявление, если не от имени Совета Народных Комиссаров, то во всяком случае от имени той партии, к которой я принадлежу. Г. В. Плеханов был и остается, в качестве теоретика марксизма, одним из самых выдающихся представителей революционной марксистской школы.

На книгах его воспитывались целые поколения русской интеллигенции. Ни один из писателей, даже Белинский, Добролюбов и Чернышевский, не имели такого громадного влияния на ряд поколений русской интеллигенции, как Г. В. Плеханов.

Мы, большевики, которые в последние годы резко разошлись с Плехановым в вопросах тактики, считаем все же, что мы являемся последовательными проводниками того течения, которое всю жизнь отстаивал Плеханов. И если в последние годы он изменил своим взглядам, на которых он воспитывал целые поколения, то это можно об'яснить, по его собственной теории, теми изменениями, которые произошли с его личностью, тем физическими превращениями, которые произошли с ним в период старости и болезни.

Они привели к тому, что он забыл революционное движение, которое проповедывал, учение своей жизни и стал на такую точку зрения, в которой даже меньшевики отвернулись от него и в практическом отношении он является проводником кадетско-буржуазной политики.

Но у Плеханова столь велики заслуги в прошлом, что последние годы его жизни должны быть отнесены к процессу умирания.

Но мы видим сейчас последний этап этого умирания, но, как учитель русской демократии, Плеханов умер несколько лет тому назад.

Повторяю, партия большевиков, как бы ни казалось это недоступно и непонятно для многих партий, считает себя лучшим проводником идей Плеханова, а потому память его, как учителя и революционера, слишком дорога для нас, и ни для одной партии в России она не может быть так дорога, как для нашей коммунистической партии.

Я хочу сделать сообщение об одном неудавшемся заговоре против советской власти в Баку.

Заговор имел целью арестовать главу правительства Шаумяна, об'явить распущенным весь совет, заменить его новым, во главе которого должны были стоять другие лица, находящиеся сейчас в Центральной тюрьме.

Дело представлялось очень просто. 12 июня, в 12 часов был назначен митинг на бульваре, где должны были присутствовать по одному человеку от каждых 300 рабочих, представители флота и красноармейцы. Были приглашены вооруженные фронтовики и пароход „Ардаган" должен был сняться с якоря, стать около бульвара и оказать вооруженную поддержку новой власти, которая должна была родиться на этом бульваре.

Были заготовлены заранее приказы и все необходимое, из которых видно, что во главе правительства должен был стать некий Иванов, член партии эсеров, но заранее оговариваюсь, что я не хочу бросить тень на партию правых эсеров. Как оказалось из дальнейшего, партия никакого отношения к авантюре этой не имела.

Затем, во главе заговора стоял механик канонерской лодки „Ардаган" Кириченко, который также должен был стать во главе правительства.

Предполагалось арестовать только меня, остальным они позволяли оставаться на своих местах, но во главе Совета Народных Комиссаров должны были встать два новых комиссара, которые должны были иметь диктаторские полномочия.

Для того, чтобы собрать полномочное собрание, от имени которого должны были быть приняты все решения, прибегли к такому способу.

На бланке „Ардагана" за № 235 было разослано около 300 повесток по крупным заводам и некоторым войсковым частям. В них говорится: „Общее собрание Каспийской

флотилии просит товарищей рабочих, товарищей фронтовиков делегировать от 300 человек—одного и товарищей красноармейцев от каждой части или батареи по одному делегату на общий митинг, созываемый для обсуждения и обмена мыслей по вопросу о текущем моменте и охране города от неприятеля. Местом митинга назначается морской бульвар, в среду, 30 мая старого стиля, в 10 часов утра. Председатель Аникин. Секретарь Игнатов".

Повестка оказалась фальшивой. На „Ардагане", за исключением Кириченко, никто о ней не знал и никакого общего собрания Каспийской флотилии не было. Имена председателя и секретаря вымышленные.

Были заготовлены резолюции, которые должны были быть оглашенными, когда митинг собрался бы, об'явил себя верховной властью и совершил переворот. Между прочим на имя председателя союза фронтовых солдат была послана следующая бумага: „Прошу дать наибольшее количество вооруженных фронтовиков на всякий случай для охраны митинга", был заготовлен также приказ по Кавказской Красной армии.

„Всякие отлучки и от'езды должностным лицам строго воспрещаются. Нарушившие это постановление предаются военно-революционному суду". Народный комиссар по иностранным и временно военным делам... оставлено место для подписи. Должен был подписаться Иванов.

Затем был заготовлен еще один приказ „Секретно. Приказываю арестовать С. Шаумяна, во что бы то ни стало, немедленно. Народный Комиссар по иностранным и временно-военным делам.

Следующие документы выясняют характер этой авантюры.

Об'явление по Кавказской Красной армии.

Вы товарищи, красноармейцы и моряки, утомленные беспрерывной борьбой за интересы трудового народа, должны искренне и с великой радостью встретить товарищей англичан, которые на-днях прибывают в Баку и станут в ваши ряды.

С Богом за общее дело на общего врага германо-турок!

Да здравствует Российская Советская Федеративная Республика!

Да здравствует Красная армия!

Да здравствует английская армия!

Народный комиссар по иностранным и временно по военным делам.

Резолюция предполагавшегося митинга, заготовленная заранее заготовщиками.

Мы, представители рабочих, матросов, красноармейцев и фронтовиков на общем собрании 12 июня 1918 года, всесторонне обсудив вопрос по обороне гор. Баку, установили:

1. что гор. Баку и его окрестности находятся в неизбежно гибельном положении, если недельный срок не даст реальную постороннюю помощь военными силами;

2. что Германия окружила железным кольцом Российскую Советскую Федеративную Республику и в лице своих новых вассальных государств, в Прибалтике, Финляндии, Украине и на Закавказье стремится раздавить ее благодаря преступной политике Закавказского сейма. Феодальная дикая Турция в короткое время сумела занять не только территорию, отошедшую ей по Брестскому мирному договору, но настойчиво продвигается вперед с целью захватить единственный оплот России в Закавказье—Баку. В этих видах Турция заключила на один месяц перемирие с забакинскими правительствами в Закавказье и в этом договоре сказано: „Турции предоставлено право перевозки войск по Закавказским железным дорогам“. Это значит, что нам в самом ближайшем времени грозит неизбежная гибель или в лучшем случае мы останемся рабами Турции. Нам необходимо этого избежать, но как? Мы могли бы получить помощь из Центральной России, но за этим слишком зорко следит Германия и вовремя отзывает силы на борьбу с ближайшими соседями;

3. что работа комитета совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов по вопросам обороны интересов трудящихся в гор. Баку и в окрестностях, в смысле жизни или смерти таковых, было до настоящего времени совершенно безразлично, по той простой причине, что весь комитет в целом слепо следовал за демагогичес-

кими вождями, в своем ослеплении оторвавшимися от действительной жизни;

4. что официально предложенная военная помощь английским правительством через английского консула в гор. Баку была отвергнута. На основании вышеизложенных причин и в особенности на основании предыдущего четвертого пункта, вы, полномочные члены трудящихся масс гор. Баку и его окрестностей, постановили:

Остаться во главе законодательного органа в Закавказье вместо ныне существующего Бакинского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и матросских депутатов т. е. настоящим Бакинский Совет рабочих, крестьянских и матросских депутатов распускается.

Всем остальным организациям и должностным лицам настоящим вменяется в обязанность оставаться на своих меместах за исключением Народного Комиссара по иностранным делам т. С. Шаумяна, который от занимаемых им должностей освобождается.

К ныне существующему Совету Народных Комиссаров дополняются следующие ответственные лица: комиссар по иностранным и временно по военным делам т. П. И. Иванов, по морским делам т. С. Ф. Кириченко, чем ограничиваются права т.т. Г. Корганова и В. Шеболдаева, командующими действующей армии.

Товарищам П. Иванову и С. Кириченко настоящим предоставляется самое широкое право по обороне г. Баку и его окрестностей, не выходя из рамок интересов трудящихся масс на платформе совета рабочих, солдатских, матросских депутатов, как территориальной части Российской Советской Демократической республики.

Председатель Исполнительного Комитета.
Народный комиссар по иностранным
и временно по военным делам.
Народный Комиссар по морским делам.

Заготовленные распоряжения предполагавшегося правительства.

Приказ № 1 по Кавказской Красной армии от 12/VI-1918 г.

Всякие отлучки и выезды из г. Баку должностных лиц всякого рода строго воспрещаются.

Лица, нарушившие настоящий приказ, подлежат Военно-революционному суду.

Народный Комиссар по иностранным и временно по военным делам.

Секретно.

Приказ № 2. Председателю фронтового комитета.

Приказываю арестовать С. Шаумяна во что бы то ни стало.

Народный Комиссар по иностранным и временно по военным делам.

Обращения к населению и Красной армии, предполагавшиеся для об'явления после контр-революционного переворота.

Об'явление.

Ставлю в известность всех граждан г. Баку и его окрестностей, что никакого политического переворота нет. Переизбрание совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов, а также устранение Народного Комиссара по иностранным делам т. С. Шаумяна произошло по той простой причине, что они ставят светлые идеи социализма выше человека и таким образом, отказавшись от помощи наших союзников англичан, обрекли нас, всех жителей г. Баку, на верную гибель.

Прошу всех граждан внимательно прочесть постановление нового совета рабочих, солдатских и матросских депутатов от 12 июня сего 1918 года и строго выполнять все предыдущие законоположения советской власти в лице Народных Комиссаров.

Комиссар по иностранным и временно по военным делам.

Связь заговорщиков с союзом фронтовых солдат.

Председателю фронтового комитета.

Прошу дать наибольшее число вооруженных фронтовиков на митинг к 10 часам утра на случай охраны или демонстрации.

Письмо на имя английского консула, выясняющее связи и цель заговора. Письмо закреплено собственноручными подписями арестованных министров, Ивановым и Кириченко.

Милостивый Государь!

Из всего Закавказского края только одна Бакинская губерния с городом Баку является территорией, входящей в настоящее время в состав Российской Федеративной республики, управляемой советской властью. Остальные области и губернии, населяемые татарами, грузинами, армянами и др. нациями частью по собственному почину, частью под давлением обстоятельств отклонились от России, образовав либо самостоятельные республики, либо примкнули к турецкой империи и тем дали возможность турецкому командованию продолжать военные действия, в результате которых явилось полное занятие края турецкими войсками.

Указанные военные операции могли бы найти себе, хотя бы весьма слабые об'яснения в том только случае, если бы центральная советская власть такое отторжение областей и губерний Закавказского края признала законным. Между тем, на самом деле советское правительство Российской республики к упомянутому акту отделения относилось отрицательно и тем, конечно, брало на себя обязанность побудить местное правительство признать Брестский договор и выполнить вытекающие из него обстоятельства в части, касающейся Закавказского края.

Турецкая империя однако воспользовалась изменнической, чисто провокационной деятельностью Закавказского сейма, который сначала как будто бы организовал оборону страны против немногочисленных турецких отрядов, а потом вскоре пошел на уступки и начал почти без сопротивления уступать врагу одну часть территории за другой. Пал Батум под натиском отряда в 200 человек, немного спустя, предательски, во время ведения мирных переговоров была захвачен Александрополь, а в настоящее время турки главный залог успеха своего наступления видят в мобилизации мусульманского населения Елисаветпольской губернии.

Турецкое командование, несмотря на протесты и заявления центрального советского правительства устремило свои части, организованные еще сеймом, частью собираемые вновь банды на город Баку, желая, главным образом, захватить в свои руки имеющиеся здесь запасы нефти и, таким образом, хотя до некоторой степени улучшить кри-

тическое состояние собственных запасов нефтяного топлива, которое грозит остановкой всех нефтяных двигателей центральных империй.

Местная советская власть в ответ на такое, не имеющее себе примера в прошлом, наглое отношение даже к такому, казалось бы, выгодному только для одной стороны мирному договору, каковым является Брестский, уже и теперь получивший название похабного, название которое за ним, несомненно, упрочится и в истории, решило исполнить свой долг и организовать всеми имеющимися в его распоряжении средствами сопротивление этому разбойному нападению.

В данном случае, как интересы местной советской власти, так и интересы английских войск занимающих Багдадо—Персидский фронт совершенно совпадают и потому Исполнительный Комитет Бакинского совета солдатских, матросских депутатов в своем новом составе уведомляет Вас, г. консул и покорнейше просит оповестить о том же командующего английскими силами, что как г. Баку, так и вся территория Бакинской губ. может быть использована английским командованием для военных операций против турецких банд, идущих с огнем и мечом на мирное население нашей оставшейся без защиты окраины.

Местная советская власть свои действия считает актом вынужден. самообороны и заявляет, что со своей стороны, не нарушая Брестского договора, она, однако, не может равнодушно отнестись к бесцеремонному отношению к нему и другой стороны и без боя оставшуюся в Закавказском крае территорию Российской республики не отдаст.

Примите, г. консул, уверение в нашем искреннем к вам уважении.

Г. Баку, июня . . . . дня, 1918 года.

Народный Комиссар по иностранным делам.

Народный Комиссар по морским делам.

Председатель Исполнительного Комитета.

Этим исчерпываются документы, которые имеются у нас.

Дело происходило так:

12 июня на некоторых заводах выборы были произведены, хотя большинство рабочих было в недоумении.

Они считали эти документы подлинными, но всетаки запрашивали Совет Народных Комиссаров и Исполнительный Комитет, указывая, что они не понимают в чем дело.

На некоторых заводах всетаки выборы были произведены и кое кто направился на бульвар.

Картину, происходившую на бульваре, описывают так. Около 10 часов утра на бульваре появились 2—3 человека. Ими были приготовлены столы для ораторов и красные флаги, после чего они стали ждать появления публики.

Один господин волновался и удивлялся, почему „Ардаган" не приходит к бульвару. Он посылал на другую канонерскую лодку, стоявшую около бульвара, и в завод „Кавказ и Меркурий" и от имени комиссара просил дать тревожный свисток. Как в первом, так и во втором случае ему было отказано, причем рабочие заявили, что таких комиссаров не знают.

К 12 часам собралось человек сорок, которые удивленно смотрели друг на друга. У некоторых явилось подозрение, что митинг собран по подложным бумагам. Об этом сообщили в портовой участок и комиссар участка решил проверить в чем дело.

Матросы с „Ардагана" об'явили, что повестки подложны, что никакого собрания Каспийской флотилии не было, что на „Ардагане" нет никакого Аникина и т. д.

Тогда личность распоряжавшаяся была арестована.

В начале он говорил, что он один из приглашенных, но когда обратились к его папкам, там оказалось куча документов. Он оказался министром иностранных и временно военных дел Ивановым.

Одновременно выяснилась история на „Ардагане", где находился другой министр. Оказалось, что еще накануне за ним заметили что то подозрительное. Он купил 4 ведра водки и хотел угощать матросов, требуя, чтобы „Ардаган" снялся и подошел к бульвару, мотивируя тем, что в порту могут взорвать „Ардаган" немецкие шпионы, а если он подойдет к бульвару, то можно будет принять меры.

Появление водки, разговоры эти и все проч. обратили на себя внимание матросов. Они арестовали Кириченко и доставили его в портовой участок со своей резолюцией, ко-

торая его резко осуждала. Таким образом Иванов и Кириченко были арестованы.

Когда их допрашивали, из признания самого Иванова выяснилось, что в компании с ними был председатель союза фронтовиков Сысоев.

Очевидно, союз фронтовиков их подвел. Был приказ, чтобы он доставил как можно больше вооруженной силы, но Сысоев, к сожалению, нашим слишком усердным тов. Авакянцем накануне был арестован за пьянство и быть может эта случайность спасла советскую власть от гибели (Смех).

Выяснилось, что Иванов служит в военно-революционном комитете, в бюро по укомплектованию Кавказской Красной армии. Там он отпечатал свои летучки.

Недавно он приехал сюда и получил членский билет от партии правых с-р.

Дальнейшее следствие установило, что хотя все это получилось карикатурно, но очевидно те, которые начали, расчитывали на более серьезные разультаты. Когда Сысоев был арестован 10 числа ночью за пьянство, из гор. Баку исчез один господин, проживающий в гост. „Европа" Евгений Петрович Джунковский, был видный чиновник в министерстве земледелия и занимавший там какую то важную должность.

Расследование показало, что главным руководителем этой работы и был именно Джунковский, нашедший себе помощников в лице Иванова и Кириченко. Все воззвания составлены очень грамотно и письмо составленное на имя английского консула (помещаемое выше) является делом рук Джунковского.

Нити от Джунковского идут далее. Имеются некоторые дипломатические представители, карточки которых найдены в его бумагах. У него найдены также секретные германские карты России с пояснениями.

Очевидно. Джунковский исчез, не успев захватить бумаг.

Вообще можно заключить, что эта затея во имя Англии и для англичан есть попросту говоря английская интрига. Но очевидно агенты не достаточно умело повели дело. Слишком понадеялись на „Ардаган", где действительно шла провокационная работа. Шли слухи, что „Ардаган" про-

тив советской власти, что всякий контр-революционер там может найти почву для своей работы, но очевидно значение этих слухов преувеличивали, преувеличили значение фронтовиков, которые и сами преувеличивают свою силу. В результате этого получилась скандальная история.

Эти интриганы не нашли поддержки ни в одной политической партии существующей здесь.

Я считаю нужным довести до вашего сведения эту историю не потому, что придаю этому факту серьезное значение, а потому, что слухи о том, что был какой то заговор пошли бы по городу и могли распространиться в совершенно извращенном виде.

Поэтому все, что известно нам, должно быть известно и вам. Поэтому я и сделал подробные сообщения.

То обстоятельство, что заговор принял нелепый характер авантюры, что заговорщики воспользовались жалкими агентами, которые кроме подложных документов и водки ничего придумать не могли, указывает на то, что советская власть в Баку стоит слишком прочно и никакой опасности внутри для нас не существует.

Другая сторона вопроса заключается в желании использовать разговоры об англичанах, чтобы добиться чего нибудь. Эта сторона имеет определенное политическое значение.

Об этом я сделаю сообщение в связи с докладом об отряде Бичерахова, который на-днях должен прибыть сюда, в связи с нашим отношением к англичанам.

Я должен еще сообщить, что Джунковский имел пребывание в доме одного кадета. В связи с этим имеются данные, что накануне событий происходило тайное кадетское собрание. Известно и помещение, где оно происходило, и лица, которые принимали в нем участие.

Возможно, что дальнейшее следствие раскроет участие в этих событиях дипломатических агентов и кадетской партии.

Дополнительные сведения будут сообщены своевременно, но теперь мы уже можем сказать, что против Бакинского совета никакого серьезного заговора быть не может.

Возможен лишь заговор, который будет носить характер авантюры, который и явится посрамлением не для советской власти, а для наших врагов.

Так как всю агитацию, которая сейчас ведется, стараются приурочить к вопросу об англичанах и Бичерахове, то я хотел бы вас несколько ознакомить с этим вопросом.

Вы знаете, что русские войска находились в Персии. После об'явления демобилизации они остались там, во-первых потому, что отстояли от фронта очень далеко и с другой стороны, они заявляли, что хотят вывезти из Персии громадное имущество русской армии, имевшееся там. В течение долгого времени они вывозили это имущество из Хамадана в Казвин, а из Казвина в Энзели и Баку. Благодаря их стараниям удалось вывезти громадное имущество, были разговоры о том, что этот отряд является авангардом английских войск, которые вслед за Бичераховыми подвигаются в Северную Персию.

Действительно, Бичерахов получает жалованье и содержание для своего отряда от англичан. Это об'ясняется тем, что все русские войска, находившиеся в Персии, получали раньше содержание от английского правительства, которое пред'являло русскому правительству счета. Это делалось потому, что войска русские находились ближе к английскому фронту. Но Бичераховский отряд продолжал получать жалованье от англичан и после того, как была об'явлена демобилизация. Причиной этого было то, что отряд Бичерахова был англофильским и считал, что не нужно порывать союза с Англией. По пятам за ним следовали англичане и, таким образом, вслед за Бичераховым, английские войска продвинулись до Хамадана, а затем до Казвина. О том, что этот отряд может быть советским не приходилось и думать.

Мы давно находились в сношении с Бичераховым, так как должны были воспользоваться его услугами по вывозу русского имущества.

Но чем более укреплялось положение Советской власти в России, тем более определенные сведения получали мы о том, что взгляды Бичерахова и его отряда постепенно изменяются.

Когда в Закавказье выяснилась турецкая ориентация сейма, мы стали получать заявления Бичерахова, что он признает Бакинскую власть, стоящей на безусловно российской государственной точке зрения, одобряет политику Бакинской советской власти и готов оказать ей всякие услуги.

Но нужно сказать, что мы относились с большим недоверием и опасением к этим заявлениям. Мы допускали, что в данном случае происходит совпадение англофильской политики с политикой Российской советской власти.

Для нас было вопросом, является ли Бичерахов преданным и честным гражданином, для которого выше всего интересы Российского государства, или он является английским наемником, который будет готов в решительную минуту изменить русской государственности в интересах Англии, от которой этот отряд получает содержание.

Этот вопрос очень остро стоял перед нами в течение двух последних месяцев. Он буквально терзал нас потому, что для нас было важно выяснить, насколько искренно его отношение к советской власти, ибо отряд представлял крупную военную силу, и мы должны были считаться с этим образцовым отрядом.

Мы боялись, что этот отряд просто состоит на службе у английского правительства, то, появившись в Баку, он может после заявлений о признании Советской власти изменить политику и тогда мы попадем в лапы английских империалистов и будем просто одурачены ими.

Это было бы таким же предательством, как и дело грузинских меньшевиков по отношению к Грузии. Поэтому нам нужно было выяснить действительную роль Бичерахова. Все время мы получали его собственноручные письма, обменивались с ними делегатами и в результате у нас сложилось убеждение о том, что отряд Бичерахова, хотя находится на службе у англичан, но, поскольку он является чисто русским отрядом, он едва ли может стать на англофильскую точку зрения. У нас получилось впечатление, что Бичерахов свои заявления делает честно и искренно. В последних №№ наших газет вы читали, что отряд Бичерахова об'является вошедшим в состав Красной армии, он пробивается с боем через Северную Персию, чтобы поспеть на помощь в Баку.

Я не буду читать его больших писем и заявлений, я оглашу только его последние телеграммы в ответ на наши окончательно формулированные требования: „Все ваши условия, предложенные комиссаром Коргановым, признаю не потому, что могу получить какое нибудь ответственное назначение, а потому, что вижу спасение России в советской власти, в ее целесообразность. В спасение России Учредительным собранием или Земским собором не верю, ибо некому провести в жизнь постановления их до тех пор, пока советская власть не будет сильна. Всякое выступление против советской власти считаю преступным предательством. Саботаж советской власти считаю преступлением. Ни к власти, ни к ответственному посту не стремлюсь. Ни в политике, ни в социализме ничего не понимаю, к строительству новой жизни не подготовлен. Я казак, умею немного воевать, немного понимаю в военном деле и только. Бичерахов".

Вы слышали о том, что здесь появляются лица, которые ведут агитацию от имени Бичерахова. Между прочим Кириченко, говорит, что уполномочен Бичераховым набирать желающих в его отряд и что Бичерахов предлагает крупное жалованье в 2500 рублей.

Со стороны его действительного представителя было заявление, что никаких других представителей Бичерахов не присылал. С уполномоченным Бичерахова Альхави мы заключили следующие условия: Бичерахов признает советскую власть, как Всероссийскую, так и Бакинскую, Бичерахов назначается командующим одной из частей Кавказской Красной армии и находится под контролем комиссара по военным и морским делам Корганова. В операционном отношении он пользуется самостоятельностью, но все приказы его скрепляются подписью комиссара. Временное приостановление или прекращение военных действий зависит от Бакинского Совета Народных Комиссаров. Боевые задачи разрешаются штабом и приводятся в исполнение командующим самостоятельно.

Отряд Бичерахова получает содержание от Бакинского Совета Народных Комиссаров на общих основаниях и входит в состав Кавказской Красной армии. Бакинский Совет Народных Комиссаров берет на себя содержание всех отрядов,

которые могут быть организованы Бичераховым в дальнейшем на Северном Кавказе и которые также войдут в состав Красной армии. Следует подпись моя и Альхави.

Сегодня мы получили дополнительную телеграмму, в которой сообщается, что все условия приняты Бичераховым.

Таким образом мы ждем Бичерахова, который в скором времени будет здесь и примет участие в военных действиях против врага.

Все уличные разговоры, поддерживаемые некоторыми политическими группами, должны быть безусловно отброшены. Для нас становится ясным, что появление англичан в военном отношении никаких выгод нам не даст, но даст им возможность закрепиться здесь и превратить город Баку во вторую Персию.

Если ясно, что не мы используем англичан для наших целей, а что англичане используют нас для своих целей, то с нашей стороны было бы бестолковой обывательщиной бросаться в об'ятия англичан.

Положение серьезное, но не настолько критическое, чтобы очертя голову бросаться на шею первому встречному. Нужно холодным рассудком взвесить есть ли это реальная помощь или же мы совершим лишь позорное предательство.

Я хотел бы, чтобы всем товарищам было известно все это, чтобы каждый член совета считал своим долгом, зная истинное положение вещей, бороться с обывательской агитацией, которая ведется всюду и даже хочет строить заговоры. Мы должны вести агитацию в смысле отстаивания нашей независимой политики, которую мы вели до сих пор, чтобы в дальнейшем не превратиться в предателей, достойных Рамишвили и К-о.

В заключение я хочу огласить вам радиотелеграммы, которые только что получены нами.

Так как я придаю большое значение резолюциям, которые принимает совет, я хотел бы послать в Москву резолюцию, которую Бакинский совет примет по политическому вопросу, для использования в дипломатических сношениях с Германией и с Грузией. Главным образом я хочу отметить факт, что германский пролетариат, который первый, в лице своих учителей, выдвинул социалистическую

теорию, угрожает нам своими шагами, когда мы пытаемся проводить в жизнь социализм в Баку. Я хотел бы, чтобы от имени бакинского пролетариата было заявлено, что он не отдаст ни капли нефти, что мы примем все меры, чтобы нефть не досталась нашим врагам.

„Известия Бакинского Совета" №№ 116 и 117.
18 и 19 июня 1918 г.

О национализации нефтяной промышленности.

(Экстренное заседание совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов 22 июня 1918 г.).

Товарищи, вы знаете, что об'явленная нами национализация нефтяной промышленности очень не понравилась нефтепромышленникам. Спустя несколько дней после нашего декрета, я получил официальное заявление от двух союзов нефтепромышленников: 1-го и 2-го.

Нам сообщалось, что состоялось заседание этих двух союзов, на котором обсуждался вопрос о национализации нефтяной промышленности, и они пришли к заключению, что декрет о национализации нефтяной промышленности, об'явленный Бакинским Советом Народных Комиссаров, не соответствует видам и интересам промышленности и нефтепромышленников.

Резолюция эта была составлена в корректной форме. Высказывалось только мнение нефтепромышленников о том, что они находят постановление национализации нецелесообразным.

Но они, не ограничиваясь подобными корректными резолюциями, ведут борьбу подпольную и делают все, что от них зависит, чтобы, если есть возможность, спасти свои доходы и сделать так, чтобы национализация была отменена, для чего ставят всякие затруднения и расхищают все, что можно на нефтяных промыслах.

Нами раскрыта уже целая система грабежа со сторороны нефтепромышленников, которые получают по подложным чекам деньги с текущего счета. Затем у нас имеются сведения о других способах грабежа.

Между прочим, один из способов, которым они стараются затруднить проведение в жизнь национализации, это то, чтобы через центральное правительство и через все

учреждения, которые имеют отношение к нефтяной промышленности, внести путаницу и создать нам всякие затруднения.

Вы знаете, что национализацию мы об'явили на основании постановления Центрального Совета Народных Комиссаров.

Мною было получено одно письмо от тов. Сталина, в конце которого было прибавлено, что его просматривал и одобрил тов. Ленин, и что все, что заявляется в этом письме, является официальным, исходящим от Совета Народных Комиссаров.

Затем в трех телеграммах, полученных от Сталина, сообщалось категорически, что национализация утверждена, и что Тер-Габриелян едет с подробными инструкциями.

Мы понимали, что, после того как национализация в центре была решена, медлить с принятием необходимых мер невозможно было, ибо ожидание даст возможность нефтепромышленникам расхищать капиталы и сделать все, чтобы оставить нам пустые кассы и текущие счета, а имеющиеся материалы привести в такое состояние, чтоб их, по возможности, менее перешло в руки народа.

Зная это, мы немедленно, после получения этих телеграмм о принятом решении, об'явили местный декрет, с указанием всех необходимых мероприятий, которые должны были спасти положение. 2-го числа нами был об'явлен местный декрет, а 4-го числа была отправлена телеграмма от Высшего Совета Народного Хозяйства из Москвы, которая пришла к нам с большим опозданием, кажется, числа 12—14. В этой телеграмме определенно заявляется, что вопрос о национализации нефтяной промышленности решен в положительном смысле Советом Народных Комиссаров и Высшим Советом Народного Хозяйства, но временно применение национализации задерживается, пока главный нефтяной комитет представит смету.

Очевидно, что это только формальные соображения, представление сметы для нефтяной промышленности, и только на этот срок задерживается национализация.

Вы знаете также, что нефтепромышленники все время говорят о сообщении, полученном, якобы, ими, что вопрос о национализации не был решен.

В последние дни получена такая телеграмма за подписью Соловьева и Выснархозтоп, которая заявляет, что никакой национализации нет. Эту телеграмму нефтепромышленники и хотят использовать, пуская различные слухи.

Вы знаете, что технический персонал—инженеры, конторщики, и т. д.—если не об'являл до сих пор открытого бойкота, то всетаки с его стороны имелось сдержанно-отрицательное отношение, и именно они, эти управляющие, совершили все уголовные преступления, о которых я говорил, получая по подложным чекам и т. д.

Теперь это новое обстоятельство может вызвать новые осложнения среди того персонала, который, быть может, не столько за совесть, сколько за страх, всетаки работал. Благодаря этой агитации нефтепромышленников, пользующихся всякими телеграммами, часто сомнительного происхождения (подобно тому, как сомнительного происхождения была телеграмма о национализации флота), могут создаться для нас новые затруднения.

Поэтому от имени Совета Народных Комиссаров я призываю вас вести в рабочих массах агитацию, выясняя характер всех этих телеграмм, которые получаются нефтепромышленниками, и подпольной агитации, которая ведется ими и административным персоналом.

Мы должны категорически заявить, что никаких разговоров о возможной отмене национализации быть не может.

Я послал в этом смысле телеграмму на имя Совета Народных Комиссаров в Москву, где указывал на новые телеграммы, вносящие путаницу, и обращал внимание Высшего Совета Народного Хозяйства на это явление, заявив, что после того, что сделано и сделано очень хорошо, никакого возврата быть не может, что национализация на основании решения центрального правительства нами уже об'явлена и проводится в жизнь, и чтобы они приняли меры, дабы проискам нефтепромышленников, вносящих смуту в нашу работу, был положен конец. Такая телеграмма была отправлена от имени Бакинского Совета Народных Комиссаров, и здесь, на совете, мы должны повторить то же самое: основываясь на решении центра, волей бакинского пролетариата об'явлена национализация нефтяной промыш-

ленности. Нобель, Манташев, Гукасов и т. д. лишены их собственности, их богатств, добытых трудом рабочего класса, и эти богатства принадлежат народу и не могут быть отняты у него.

Я предполагаю сделать это категорическое заявление с тем, чтобы положить конец темной агитации, сделать внушение всем, кто занимается этой агитацией, и призвать всех своих товарищей стоять за проведение национализации в интересах народа и российской промышленности.

Я полагаю, что наши делегаты, которые избраны сегодня на с'езд, должны будут передать резолюцию и принять все меры, чтобы положить конец темной работе нефтепромышленников и их прислужников.

„Известия Бакинского Совета“ № 123 (345).
27 (14) июня 1918 г.

Вопрос о „третьей силе“[41].

(Чрезвычайное заседание совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов, совместно с районными советами, судовыми комитетами, и Военно-Революционным Комитетом Кавказской Красной Армии от 16 июля)

Я сожалею, что, выступая с докладом по столь важному вопросу, я чувствую себя столь утомленным, что едва надеюсь довести свой доклад до конца. Но в виду важности вопроса, в виду того, что у меня имеются некоторые материалы, которые я хотел бы сообщить вам, я всетаки решил выступить.

Вопрос, подлежащий нашему обсуждению, выдвинут всеми событиями, которые происходят на далеком от нас фронте. Иначе говоря, перед нами стоит вопрос о том, нужно ли приглашать англичан или нет.

Вот та постановка, которую можно встретить в обывательской среде, которая проникла в ряды некоторых партий и которую нам приходится обсуждать в настоящем торжественном заседании.

Чтобы можно было решить этот вопрос, вооружившись сведениями, касающимися не только нашего уголка, но и всей России, я и предложил озаглавить настоящий доклад: „Доклад о политическом и военном положении в России и в Закавказье“.

Я полагаю, что борьба, которую мы ведем здесь, тесно связана с борьбой по всей России, и вопрос этот нельзя решить независимо от общероссийского. Если какая-нибудь национальность (как, например, грузины) может исходить только из интересов своей национальности и решить, что в данную минуту ей необходимо об‘явить независимость, чтобы она была пощажена турками, или, в другом случае, чтобы Германия взяла протекторат над нею для спасения грузинской нации, если, повторяю, какая-нибудь национальность может так разрешить этот вопрос, то ни в коем слу-

чае партия, стоящая на интернациональной точке зрения не может рассматривать этот вопрос изолированно. Быть может, в Баку имеется национальность, которая заинтересована и будет стараться решить этот вопрос независимо от России, но на данном заседании, где нет представителей от национальностей, где представлен весь пролетариат, не может быть разрешен вопрос о Баку иначе, как в общероссийском масштабе.

Каково же в настоящее время положение России?

Наша революция была создана в огне мировой войны, которая продолжается и приняла такие формы, которых она не имела за все четыре года войны. В течение двух месяцев наступления германцев на французском фронте германская армия потеряла более 700.000 человек.

При этих условиях, когда мировая война находится в полном разгаре, вопрос о российской революции, в свою очередь, не может рассматриваться вне зависимости от всемирной обстановки.

Мы теперь не на словах, а на деле понимаем, что значит противоречия капиталистического строя. Они должны или привести к гибели всего европейского общества или к краху капитализма и торжеству социализма.

Ведь ужас капиталистического строя мы ощущаем теперь уже не по книгам Маркса, а в подлинной жизни Нельзя себе представить больших ужасов, чем те, которые мы переживаем вот уже в течение 4 лет.

Одна Россия дала убитыми, изувеченными и пленными более 13 миллионов человек. Громадное количество людей, выражающихся в столько же миллионов, потеряли и другие европейские народы.

И мы должны представить себе весь ужас, который переживает человечество в связи с империалистической бойней. Мы не можем легкомысленно отказаться от разрешения задачи, выдвигаемой моментом, который переживает человечество: или полное уничтожение всякой культуры, взаимное истребление народов Европы, или крах капитализма и торжество социализма, который даст возможность организовать общество на новых началах.

Мы не можем быть так маловерны, чтобы считать, что вся цивилизация должна рухнуть, и бойня должна продол-

жаться бесконечно. Конец должен быть, и этим концом не может быть победа той или иной коалиции. Единственный выход из этого положения—крах всего капиталистического строя.

Германия одерживала победы в течение трех лет и до сих пор, несмотря на тяжелые потери, является победительницей. Она захватила столько, что ни одно государство не может примириться с таким положением, а Германия в своем безумном военном ослеплении поставлена ходом естественного капиталистического развития в такие условия, что она не может остановиться на том пункте, который был бы приемлем для противника.

Раз никакая победа Германии не могла создать условий мира, раз все правительства Европы и, в особенности, не исчерпавшая еще своих сил и средств, Америка могут оказывать еще сопротивление, то мировая бойня будет продолжаться, и единственным выходом, единственной надеждой является восстание пролетариата, прежде всего, в центральных державах, которое даст возможность положить конец войне.

Это, как аксиому, должен принять всякий, более или менее вдумчивый и сознательный социалист.

Когда правительство наше подписывало Брестский мир, оно указывало, что насильнический договор мы подписываем не в надежде на то, что мир действительно воцарится у нас, а потому, что мы вынуждены подписать его и, быть может, подписывая этот мир, мы тем самым сможем приостановить наступление противника.

Но наступление это не прекратилось. При помощи оборонческих партий Украины были приглашены 100.000 германских штыков, которые, во имя укрепления границ Украины, наступали вглубь России. В последнее время, в виду тяжелых условий, создавшихся на западном фронте для Германии, с другой стороны, благодаря восстанию крестьян на Украине, они обнаруживают уже меньше наступательного пыла. В последней телеграмме из Москвы наше правительство категорически заявляет, что на фронте всякое наступление со стороны германцев прекращено.

Эти наступления прекращены не потому, что немцы вздумали уважать Брестский договор, а потому, что реальное соотношение сил делает затруднительным и даже не-

возможным наступление германских войск на нашем фронте. Поэтому наше правительство полагает, что нужно использовать все, чтобы не втянуть Россию в новую войну с Германией. Наступает некоторая передышка в связи с прекращением военных действий. Но мы и не в силах начинать теперь новую войну. Убить Мирбаха очень легко. Это могли сделать десятки сидящих здесь товарищей. В наши годы мировой войны, когда миллионы людей умирают, когда каждый из нас может ждать пули и смерти, очень не трудно убить человека, как бы высоко ни было его положение.

Но, чтобы об'явить войну Германии и вести эту войну необходимо иметь реальные силы. Наше правительство полагает, что этих реальных сил у нас нет, что мы не можем вести революционную войну и поэтому не должны петушиться и ставить на карту судьбу России.

Это отлично чувствует и кадетская буржуазная партия, и вслед за ней партия меньшевиков и правых эсеров в России. Они отлично понимают, что своими силами мы не можем начинать войну, и поэтому они ставят вопрос о приглашении союзников на российскую территорию для того, чтобы они здесь сорганизовали войну против Германии.

Это они проводят везде: и на Дальнем Востоке по отношению к японцам, и на севере России—на Мурмане, и в центре России, организовав чехо-словацкие полки против Советской власти на деньги наших союзников, и у нас в Баку по отношению к находящимся на юге англичанам.

Перед нами стоит теперь вопрос: быть ли России уничтоженной, разделенной, урезанной, но все-таки независимой, или превратиться в колонию англичан, французов и воюющих с нами на нашей территории германцев.

Наша партия, во главе с нашим правительством, ведет борьбу за независимость и свободу России при самых адских, тяжелых и рискованных условиях. Политика же приглашения союзников ставит крест над независимой Россией. Она начинает раздел между германскими империалистами, с одной стороны, и английскими, французскими и японскими—с другой.

С этой стороны я и подхожу к вопросу о приглашении союзников, как во всей России, так и здесь, в Баку.

Что вопрос стоит именно так, а не иначе, свидетельствует газета бакинских левых эсеров, которая приводит выдержку из одной европейской газеты (Читает выдержку из газеты „Наше Знамя").

Вы знаете, что у меньшевиков и правых эсеров принята резолюция о том, что единственным выходом из создавшегося положения является: или занятие нашими союзниками России и ведение ими самими войны против Германии, или чтобы мы их пригласили, но поставили им условие, что они выполняют только стратегические задачи и во внутренние дела не вмешиваются.

АЙОЛЛО. Меньшевики не принимали такой резолюции.

Тов. ШАУМЯН. Я извиняюсь. Это правые эс-эры... Но политика меньшевиков безусловно нисколько не отличается от их политики, и я надеюсь, что меньшевики не обиделись, когда я им приписал эту резолюцию. Они пойдут еще далее.

АЙОЛЛО. Вот это верно.

Тов. ШАУМЯН. Стороники англичан и французов утешают себя тем, что союзники будут умирать за нас, а сами оставят нам нашу независимость. Это невероятная близорукость, детская наивность. Достаточно хоть чуточку вдуматься в положение вещей, чтобы было ясно, что это будет означать воцарение англичан у нас, это будет началом войны империалистов за дележ России, и если по отношению к Германии мы питаем некоторую надежду, что можно ожидать там взрыва революции, а до того времени, по крайней мере, сохранить независимость, то с появлением союзников на нашей территории этой надежды у нас быть не может.

Вот почему, независимо от партийных соображений, у нас в Баку идет выравнивание всего фронта. Даже меньшевики поддерживают нашу политику, политику большевиков. Мы пригласили в ряды наших войск отряд Бичерахова, о политических взглядах которого нам или ничего неизвестно, или известно, что он непосредственно к советским партиям прикосновения не имеет. Во имя отстаивания Баку и Закавказья для Российской революции, мы выравниваем фронт Советской власти до казацкого отряда Бичерахова.

Я обращаюсь к вам, чтобы подчеркнуть необходимость сохранения единого фронта во имя независимости России, Баку и Закавказья. Вся попытка пригласить иноземцев означала бы отказ от нашей политической независимости.

Я обращаюсь к вам с призывом не поддаваться искушению и взвесить вопрос раньше, чем вы будете решать призвать англичан.

Я указал уже на связь вопроса об англичанах со всей российской политикой, чтобы подчеркнуть, что наш бакинский вопрос связан тесно с общероссийским.

Но если мы перейдем, в частности, к нашему бакинскому вопросу и взвесим все обстоятельства, то я полагаю, что еще очевидней будет необходимость отстаивания политики независимости и полная ненадобность приглашения иноземцев.

Я говорю на закрытом заседании и полагаю, что могу быть достаточно откровенным. В начале своего доклада я указал, что данное заседание и, вообще, обсуждение этого вопроса вызвано некоторой заминкой, которую мы испытываем на фронте. Каково же наше положение на фронте?

Вы знаете, что вначале мы легко и победоносно подвигались вперед. Телеграммы приносили известия о занятии Керара, Кюрдамира, Ахсу, Карамаряна, Геокчая. Все это вызывало у нас только радость, и мы надеялись, что также легко мы можем подвинуться до Евлаха и занять оборонительную линию Куры.

Но обстоятельства несколько переменились. Наши войска, геройски сражавшиеся у Карамаряна и победившие, тем не менее отступили.

Мы не будем рассматривать вопрос о том, должны ли были они отступить или нет. Многие товарищи заявляли, что враг, разбитый, сам бежал, и нам следовало не отступать, а итти вперед, тем более, что крайний фланг занял Геокчай—Уджарскую линию. Повторяю, не будем обсуждать вопрос, нужно ли было отступать, но самый факт отступления об‘ясняется тем, что они потерпели урон в победоносном бою, устали, находясь в тяжелых условиях, при отсутствии воды, хлеба, при тяжелых болезнях и т. д.

У солдат нехватило сил, и крайняя усталость заставила их, несмотря на победу, всетаки отступить вместо того, чтобы закрепить ее.

Затем пришли еще более неприятные известия. Оказалось, что малейшего нажима неприятеля около Ахсу было достаточно, чтобы войска наши отступили до Шемахи. Такова была обстановка неделю тому назад.

В Кюрдамире в это время наш фронт держался твердо. В то время, как наши товарищи отступили к Шемахе, подоспел отряд Бичерахова.

Противник, окрыленный нашим отступлением, стал наступать на Кюрдамир. Были минуты, когда Кюрдамир был в опасности и паника шемахинских войск могла охватить и кюрдамирские войска, и они отступили бы, но подоспел отряд Бичерахова и вселил бодрость в войска, стоявшие в Кюрдамире.

Однако, создалось такое положение, что в Кюрдамире наши войска были стиснуты врагом и не могли двинуться с места. Пришлось несколько отодвинуться назад и занять более удобные позиции, чтобы иметь возможность для маневренных действий и дальнейшего наступления.

Таким образом, из Кюрдамира они отступили в Керар, находящийся на расстоянии 10—12 верст.

На-днях я был на фронте и положение представляется мне таким образом, что у противника сил не больше, чем у нас.

По сведениям, полученным из расспросов жителей-мусульман, противнику не удается формировать более или менее регулярные части. Местные жители выступают отдельными бандами, которые могут повредить железную дорогу, устраивать нападения, но не могут проводить серьезные операции. Поэтому противник вынужден был обратиться за помощью к Назим-паше. Такие сведения мы имели дня четыре тому назад. Тогда же нам сообщали из Керара, что со стороны турок с белым флагом к нам перешел парламентер, который привез пакет, содержание которого я сообщу особо и прошу его сделать предметом обсуждения. Сейчас же я скажу, что этот парламентер оказался стрелочником из Баладжаров. Он спал в Кюрдамире, в саду, во время нашего отступления и оказался в руках турок.

Этот стрелочник сообщил нам о силах, которые имеются у противника. Он сказал, что у противника есть два эшелона. По его впечатлению, там около 200 человек конницы,

всех же сил значительно меньше, чем у нас, около двух тысяч. У них имеется поезд с цистернами, на котором они доставляют воду из Евлаха, ибо там они страдают от жажды. Но в Евлахе нет стоянок для налива воды. Поэтому вопрос о воде и для них является серьезным и важным вопросом.

Затем, со слов машиниста, который работал на Бакинской линии и попал в плен в Елизаветполе, нам известно, что у них нет мазута, которого им хватит не более, чем на пять дней. Относительно хлеба он говорил, что у них вместо хлеба даются лепешки, твердые и жесткие, которые невозможно есть, что обмундировка оставляет желать много лучшего.

Понятно, что все эти сведения, хоть передававшие их внушают безусловное доверие, не могут считаться для нас авторитетными.

На следующий день у нас была воздушная разведка, которая вполне подтвердила показания парламентера. Действительно, у них стоят два состава поезда, но без паровоза. Очевидно, что цистерны вместе с паровозом ушли на Евлах за водой.

Что касается положения на Шемахинском фронте, то после появления отряда Бичерахова, шемахинский отряд также подбодрился и перешел в наступление. Сегодня в газете вы читали сообщения о новых героических подвигах наших войск у Кюрдживана и Келюджа.

Деморализация исчезла, и они подвинулись вперед. Воздушная разведка обнаружила также, что два орудия, не оказавшие сопротивления нашим войскам, не произведшие ни одного выстрела, быстро убегали от Ахсу по направлению к селению Курд.

Вся эта обстановка во мне, по крайней мере, вселила надежду, что наше положение вовсе не такое отчаянное.

Я уехал оттуда с тяжелым чувством. Слишком много разрухи. Слишком тяжелы те условия, в которых приходится сражаться нашим товарищам. Тот передовой отряд, который в Кераре находится под обстрелом и непрерывно стоит на позиции, не знает ни отдыха, ни смены.

Можно ожидать поэтому, что даже при успешном бое он вынужден будет, не имея возможности дальнейшего сопротивления, отступить, вследствие физического утомления.

Общее настроение некоторых частей крайне тяжелое. Но все же, чтобы положение считать безнадежным, чтобы опустились руки, чтобы сказать, что мы ничего не можем сделать, и нужно звать кого-нибудь, сказать этого ни в коем случае нельзя.

Бичерахов и Корганов спрашивали меня: можете ли вы дать нам подкрепление в короткий срок. В настоящее время необходимо перебросить около двух тысяч войск, чтобы сохранить наши позиции.

Выяснив соотношение сил, я пришел к заключению, что средства наши еще далеко не исчерпаны. Бакинский пролетариат очень легко дал добровольческие отряды, которые мы двинули на фронт.

Принудительный набор за 5-летний срок сейчас только производится. Если мы, как до сих пор, будем сохранять единый фронт в вопросе о защите независимости и будем обращаться к пролетариату с призывом стать под ружье для защиты нашей независимости (будем обращаться к пролетариату с призывом стать под ружье для защиты нашей) то бакинский пролетариат найдет в себе силы, чтобы выделить несколько тысяч человек для войска, которое двинется на подмогу нашим товарищам, находящимся на фронте. Этого убеждения у меня отнять никто не может.

Мы не приступили еще к использованию всех наших революционных сил, а сразу, как обыватели, завопили об англичанах. Я считаю это позорным.

Когда Париж осаждался, то все население, 100 тысяч людей, стояло под ружьем и защищалось, а у нас рабочие, на положении обывателей, спокойно сидят и не берутся за оружие. В это время вы уже поддаетесь агитации обывателей, которые на бульваре пьют стакан чаю за 2 рубля и говорят, что единственным спасением является Англия.

Когда буржуазный обыватель, которому наплевать на то, будут ли здесь немцы или англичане, который боится только разве, что придут турки, говорит так, то это понятно. За это никого винить и нельзя и нечего с них спрашивать, но революционный пролетариат не должен поддаваться обывательской панике.

Пусть товарищи, которые будут выступать после меня, докажут, что мы не можем из сил бакинского революцион-

ного пролетариата извлечь еще три, четыре, пять тысяч, чтобы помочь фронту.

Но даже, если так, если говорить об обороне, то и тех сил, которые имеются—достаточно, чтобы защищать Апшеронский полуостров.

Кроме наших местных сил, мы должны расчитывать также на российские силы. Вы знаете какую громадную помощь оказало нам российское правительство. Здесь у меня имеется перепись всего полученного: обмундировка, оружия и т. д., читать это будет долго, но вы можете убедиться, что Россия предоставила в наше распоряжение громадное количество технических средств. Сюда направляется решительно все, что могут уделить нам. Еще вчера получены громадные орудия в большом количестве для флота. В Саратове погружены 300 вагонов военного снаряжения для Баку. Мы должны получить орудия, броневые автомобили, винтовки, 20 миллионов патронов, и это громадное вооружение наши товарищи из России предоставляют в наше распоряжение, чтобы мы защищались. Мало того, несмотря на тяжелые условия, несмотря на отсутствие войск для защиты России, некоторые воинские части уделяются из России и для нас. На днях сюда прибыл штаб бывшего полковника т. Петрова из 39 человек. За ним идет кавалерия, которая находится в Астрахани и должна придти сюда.

Кроме того, 700 человек кавалерии было направлено сюда, но временно их отправили на Тихорецкую. С Северного Кавказа уже высадились в Астрахань около 300 человек одной дружины. Мне сейчас говорят, что они уже прибыли сюда.

Я сообщаю это для того, чтобы подчеркнуть, что великое значение Баку для России сознается всеми.

Все стараются оказать нам всяческое содействие, а мы вместо того, чтобы направлять взоры свои к России, мы пообывательски кричим об англичанах.

Дело в том, что в последнее время в России наше положение не считали настолько критическим. У меня имеется письмо от народного комиссара Сталина из Царицына, в котором имеется приписка, что это не только его мнение, но что он сносился по прямому проводу с товарищем Лениным и выражает также его взгляд на положение дел.

В этом письме имеется между прочим, такой пункт: „Очень просим содействия и помощи оружием и людьми Туркестану, с которым англичане стараются сыграть злую шутку“.

Это было написано в период нашего наступления, когда у них была уверенность в наших силах, и они не старались посылать нам войска.

Но когда мы бомбардируем их теперь письмами, телеграммами и требованиями, они усилят свое внимание и постараются прислать силу и людской материал в ближайшее время.

При этих условиях, когда не исчерпаны силы Революционной России, мы были бы преступниками, если бы предали себя иноземцам.

Я предвижу возражения о том, что речь идет не об отдаче англичанам Баку, что они окажут нам содействие, не вмешиваясь в наши внутренние дела, но было бы невероятной наивностью, если бы вы стали на эту точку зрения.

Письмо, которое я прочту вам сейчас, показывает, что общее положение несколько облегчается.

„Общая наша политика по вопросу о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы внутренними вопросами для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, явно продиктованной Германией. Возможно, что нам придется уступить немцам по вопросу о Грузии, но уступку эту мы сделаем при условии признания немцами невмешательства в дела Армении и Азербайджана.

Немцы согласны оставить за нами Баку и просят уделить им некоторое количество нефти „за эквивалент“. (Смех).

Я обращаю ваше внимание на это письмо, в особенности на следующие пункты: 1) наше правительство старается всеми силами отстоять независимость Закавказья, 2) на то, что немцы готовы согласиться на оставление Баку за Россией.

Это делается, конечно, не из-за прекрасных глаз Ленина, а только благодаря затруднительному положению

германцев на западном фронте, которое заставляет их оттягивать силы из Украины, прекратить наступление и даже вывозить войска из Грузии. Приехавшие из Тифлиса товарищи сообщают, что из Тифлиса из пяти тысяч германских войск две тысячи отозваны и направились по направлению к Поти, и что в Тифлисе в настоящее время разговоры о продвижении германцев в сторону Баку прекратились.

Повторяю, что мы еще не исчерпали революционных средств, мы можем оказать еще сопротивление, и при этих условиях преступно говорить о приглашении иноземных сил.

Кроме того, о крупной военной силе англичан в Персии говорить не приходится. Когда Бичераховский отряд прибыл сюда, в Реште у англичан было менее тысячи человек. За это время, может быть, это количество увеличилось, но говорить о крупных силах, которые они могли бы перебросить к нам, не приходится.

Но даже если они и перебросят свои силы, то вы думаете, что они пойдут на передовые позиции, чтобы продвигаться вперед, имея целью создание советской власти в Закавказье или, по крайней мере, организуют широкую оборону в Баку? Ничего подобного.

Они утвердятся здесь. Им только нужна оборонительная линия Керманшах—Энзели—Баку, которая закрывает Каспийское море и Туркестан от германцев. В лучшем случае они могут укрепить только Баку, но ни шагу далее. Это, во-первых, а, во-вторых, пусть кто-нибудь из вас, который считает себя серьезным человеком, задаст себе вопрос и ответит на него: не пожелают ли англичане, укрепившись здесь при помощи некоторых несоветских сил, похоронить советскую и пролетарскую власть и устроить себе английскую колонию.

Баку будет собственностью англичан с того момента, когда английские технические силы будут представлять здесь значительную величину.

Я категорически заявляю, что приглашение англичан, не давая нам значительных сил для ведения борьбы, может только превратить Баку в собственность Англии, и для России Баку погибнет навсегда.

Это вопрос я прошу каждого выяснить хорошенько, прежде чем голосовать.

Отдельные группы могут изменять свою ориентацию, сегодня быть за российскую, завтра за германскую, а после завтра за английскую. Так могут поступать беспринципные националистические партии, партия мещан, обывателей, но партия революционного пролетариата не может и не должна стать на такую точку зрения.

Лишить Россию Баку—значит нанести ей самый тяжелый удар. Если мы говорим о независимости России, то, быть может, передавая добровольно источники нефти в руки англичан, мы совершаем величайшее преступление перед Российской революцией.

Такова точка зрения нашей партии и нашего Российского Правительства.

В виду особо важного значения Баку, мы не вели здесь резкой фракционной политики, не исключали возможности совместных действий с другими партиями, даже с беспартийным бичераховским отрядом.

Мы никогда не были доктринерами. В этом направлении мы будем итти на некоторые уступки до некоторого предела, до тех пор, пока мы сможем отстаивать Баку и Закавказье во имя Советской революции, а не просто для того, чтобы спасти существование части жителей, находящихся здесь. Если вы пригласите англичан и сойдете с намеченного пути, то Российское правительство может только пожалеть о тех силах, которые оно предоставило Баку для защиты революции, а не для того, чтобы этими средствами пользовались для разгона Советской власти, для расстрела большевиков и т. д.

У нас хватит достаточно революционного чувства и сознания, чтобы сказать: нет, мы не можем отдаться в руки иноземных империалистов, мы будем бороться за свою независимость и отстоим ее своими силами.

В этом случае у нас достаточно сил и без помощи англичан.

Я обращаюсь к вам с товарищеским призывом взвесить всю серьезность нашего положения, понять, что мы находимся на поворотном пункте. Во имя нашей независимости, во имя нашей революции, я призываю вас не сходить с точки зрения независимости России и Баку.

„Известия Бакинского Совета“ № 143 (365).
21 (8) июля 1918 г.

Воззвание к бакинским рабочим[42].

Товарищи!

30-го июля турецкие войска вплотную подошли к городу. Командующий советскими войсками, полковник Аветисов, заявил председателю Совета Народных Комиссаров, что участь города уже решена. Фронт оголен. „Бичерахов, открыв фронт, со своим отрядом ушел в Сумгаит и держит путь на север". То же самое подтвердил тов. Корганов, вернувшийся из Сумгаита. Стянутые из Аляты войска разбежались: из 1600 штыков осталось на фронте только двести человек. Кроме этих двухсот, на правом фланге стоят еще 200 человек из отряда Петрова. Армянские же части, численностью более 3000 штыков, под предлогом отсутствия у них обмундирования, и до этого отказывались занимать заранее намеченные позиции в окрестностях города. Таким образом, фронт длиною в 32 версты охраняют только 400 человек. Между тем, воздушная разведка указывала на движение крупных сил неприятеля, состоящих из регулярных турецких войск. И командующий армией Аветисов требовал разрешить ему выкинуть немедленно белый флаг и начать мирные переговоры. В противном случае, заявил Аветисов, вы послужите причиною того, что ворвавшийся силою неприятель уничтожит 160-ти тысячное христианское население.

В тот же вечер у... состоялось совещание вместе с представителями армянских воинских частей. Военачальники Амазасп и Казаров высказали свою солидарность с Аветисовым и свидетельствовали о неизбежности сдачи города и о необходимости отправки мирной делегации.

В ту же ночь партия „Дашнакцутюн" у себя созвала на совещание армянскую буржуазию, совместно с нею решила выкинуть белый флаг и наметила состав мирной делегации, куда должен был входить, между прочим, шведский консул, гарантировавший неприкосновенность армянского на-

селения, в случае сдачи города. Совет Народных Комиссаров высказался решительно против каких-либо мирных переговоров, призвав все части, имеющиеся в городе, двинуться на фронт, выпустил ночью, 30-го июля, обращение ко всем рабочим с призывом стать под ружье и защищать город, и требовал от начальников армянских частей вывести свои войска на фронт. Последние мотивируя, что и в случае продолжения военных действий, и в случае открытия мирных переговоров все равно необходимо иметь на фронте войска, согласились в ту же ночь выставить два батальона—16 и 18, до 1300 штыков. Представитель партии „Дашнакцутюн" с 3 часа ночи на 31-е июля сообщил председателю Совета Народных Комиссаров, что он надеется двинуть на фронт 31-го числа до 3000 человек.

31-го, утром, часов в 11, командующий войсками Аветисов вновь обратился к председателю Сов. Нар. Ком. с заявлением, что сил на фронте не прибавляется, а противник напирает, и сдача города неизбежна через несколько часов.

Из обещанных войск, говорил он, прибыло только 320 штыков из 16-го батальона, но и те не принимают участия в боях. Если не разрешите мне немедленно выкинуть белый флаг, кровь сотни тысяч жертв будет на вашей совести—заявлял категорически командующий армией.

В то же время явились представители армянского национального совета, А. Гюльхандян и полковник Казаров, которые заявили, что состоявшееся только что совещание национального совета подтвердило окончательно свое решение выкинуть белый флаг и сдаться на милость победителя.

Бакинский Совет Народных Комисаров видел в этом поведении армянских частей, вернее, их руководителей из армянского национального совета, безусловное предательство и, понятно, ни в коем случае согласиться с ним не мог.

Другое предательство шло со стороны наемников английского империализма. Они воспользовались критическим положением Советской власти и вновь проникли во флот, убеждая его отрешиться от Центральной Российской Советской власти, войти всецело в подчинение к главному

проводнику английской политики, Бичерахову, и немедленно двинуть пароходы в Энзели для доставки английских войск.

Таким образом, Бакинский Совет Народных Комиссаров стоял перед фактом двойного предательства. Он не мог пойти на соглашение с английским империализмом также, как не мог пойти на мирные переговоры с германо-турецким империализмом. Он мог апеллировать только к пролетариату, подняв его на ноги, но было очевидно, что при таком поведении правых партий и командного состава армии—уже поздно, что это не спасет уже Баку от вторжения неприятеля.

Командующий войсками Аветисов кричал о том, что враг уже вступает в город, и что он отправляет мирную делегацию. Наши военные комиссары при штабе армии, т.т. Ганин, Микоян и Габишев, сообщили нам из Баладжар, что командующий армией требует от них, под угрозой вооруженной силы, выйти с белым флагом к противнику и предложить ему перемирие, и что они на это ответили Аветисову, что скорее пойдут под расстрел, чем на такой позор. Председатель Совета Народных Коммиссаров заявил им свою полную солидарность.

Но было ясно, что, если Аветисов не мог заставить, не смотря на угрозу расстрелом, указанных т.т. большевиков пойти с белом флагом, он мог найти других парламентеров, и мы считали, что белый флаг был уже выкинут.

В то же время отряд т. Петрова, героически отстаивавший левый фланг, оставив более двух третей своего отряда на поле брани, отступил к городу, теснимый превосходными силами противника. Начальник штаба Петрова, т. Степанов, заявил Совету Народных Комиссаров, что они одними своими силами больше держаться не могут, и что дело уже проиграно. Часа через 3—4 враг уже будет в городе.

Имея категорические заявления от командующего армией Аветисова и начальника штаба Петрова т. Степанова, что сдача города уже неизбежна и что это вопрос нескольких часов, и, с другой стороны, не желая мешать населению в испробовании последнего средства—желания сдаться на милость победителя,—Совет Народных Комиссаров решил сложить свои полномочия и эвакуировать военные силы и государственное имущество Советской России на пароходы.

Наши противники,—и те, которые желают мира с турками, и те, которые предпочитают туркам англичан—распространяют по городу всякую ложь и низкую клевету по адресу большевиков и Совета Народных Комиссаров.

Они пользуются неосведомленностью населения и внешним впечатлением от хода событий и вводят в обман массу, натравливая, особенно матросов, против большевиков.

Этого краткого перечня фактов достаточно, чтобы было ясно, почему Сов. Нар. Ком. предпочел не открывать гражданской войны в минуту вторжения врага в город, а прибегнуть к парламентскому приему отказа от власти, чтобы те, которые могут мириться с турками или приглашать в Баку англичан, взяли на себя ответственность за дальнейшее.

Мы не могли быть ни в числе тех, которые сдаются на милость турецких пашей, спасают свою шкуру, выдавая большевиков и российские войска на растерзание турецких банд, и ни в числе тех, которые, несмотря на лицемерные фразы о патриотизме, готовы сдать Баку англичанам. Мы решились спасти имеющиеся революционные войска, верные Российской Советской власти, чтобы, дождавшись идущих из Астрахани войск, вместе с ними об'явить войну на два фронта—турецкому и английскому империализму—и отстоять Баку для революционной Советской России.

Жалкие обывательские души и презренные демагоги кричат о бегстве и трусости большевиков. Это говорят представители партии „Дашнакцутюн", которые, благодаря именно своей мелко-буржуазной половинчатости и трусости, деморализовали войско, способное великолепно справиться с противником, и решили выкинуть белый флаг. Это говорят эс-эры и меньшевики, которые из-за той же шкурной обывательской паники завопили об англичанах, когда можно было своевременно поднять на ноги весь пролетариат.

Мы переживаем тяжелые дни. Предательство дашнаков и английский шантаж выяснятся для пролетариата очень скоро, и тогда—горе клеветникам и изменникам.

Английских 16 тысяч спасителей еще не видать, а русские войска, хотя понемногу, уже подходят.

Хваленой английской техники еще нет, а присланные большевиками десятки тысяч винтовок в руках бакинских

рабочих, десятки миллионов патронов, сотни тысяч снарядов, громадное количество артиллерии в нашем распоряжении.

Англичан еще нет, спаситель Бичерахов сбежал в сторону Петровска, а отряд Петрова и его артиллерия действительно спасают Баку от вторжения турок, оставляя на поле битвы сотни товарищей, приехавших сюда из Советской России,

Угрозы Центрокаспия армянскому национальному совету и энтузиазм рабочих масс, парализуемых раньше английской агитацией правых партий, сорвали планы армянского национального совета. Это делает честь бакинскому пролетариату. Город отстаивался в первые дни, в значительной мере, благодаря геройскому отряду Петрова, благодаря артиллерии того же Петрова, поддерживающей героические усилия сражающегося пролетариата. Подойдут еще войска из России, эти будто бы „трусливые" большевистские войска, и Баку будет спасен. Будет спасен не белым флагом действительно трусливых Аветисовых и Амазаспов, разложивших Красную армию, и не мифической помощью англичан и их прислужников, а войсками рабоче-крестьянской России, идущей к нам на выручку, советскими войсками.

Бакинский пролетариат, геройски ставший на защиту города, будет иметь истинных друзей и защитников только в лице советских войск из России. Только они вместе с пролетариатом будут отстаивать Баку для Советской России против и германо-турецких, и английских империалистов. Отряд военного комиссара от Центральной власти, т. Петрова, уже ведет такую борьбу.

Товарищи рабочие! Идите под знамена отряда тов. Петрова, под знамена дорогой нам рабоче-крестьянской России, откуда он прислан!

Да здравствует борющийся бакинский пролетариат!

Да здравствует Великая Российская Социалистическая Республика Советов!

Да здравствует нераздельный от России и независимый от империалистов революционный город Баку!

„Бакинский Рабочий"
Август, 1918 г.

Физиономия новой власти.[43)]

I.

8 августа в помещении Исполнительного Комитета диктатура Центрокаспия и президиум Временного Исполнительного Комитета приняли торжественно „высокочтимых гостей", представителей английского империализма. В „Бюллетенях" от 9 августа помещен отчет об этом приеме. Товарищам-рабочим следует внимательно вчитаться в те речи которые произносили „высокочтимые" г-да Садовский, Айолло, Мелик-Еолчян, Велунц и их „высокочтимый" гость Реджинальд Тиг. Джонсон.

Г-н Садовский говорит в своем приветственном слове, что задачи новой власти не исчерпываются желанием защитить жизнь и достояние населения и спасти Баку для России.

Нет,—говорит он,—мы понимаем нашу задачу шире... Настало время борьбы России против брест-литовского мира, настал момент координации наших усилий с усилиями наших союзников на западном и итальянском фронтах. Для нас война на Апшеронском полуострове—вопрос международного масштаба.

Другой,—Мелик-Еолчян, говорит: „Некоторые товарищи страшились, что если мы допустим англичан, мы вызовем этим европейскую войну Но мы не останавливаемся перед этим, мы должны связаться с Англией и с Францией и вновь об'явить войну срединным империям, чтобы избавиться от ига".

Итак, товарищи рабочие, наша „новая" власть, в лице и меньшевика Садовского, и дашнака Мелик-Еолчяна, открыто заявляет, что пригласила англичан не для того, чтобы спасти население от дикой расправы турок, и не для того, что спасти Баку для России, (о чем только наивно думали вы на ваших митингах и в совете рабочих депу-

татов?), а для того, чтобы втянуть всю Россию в новую войну, вместе с Англией и Францией против Германии и Австрии.

Они ставят вам, бакинским рабочим, те политические цели, к которым стремились Гегечкори, Милюковы, Керенские.

Известно, что рабоче-крестьянская Россия и на 4-м с‘езде советов, и на состоявшемся недавно пятом с‘езде решила всеми способами избегать возобновления войны с Германией. Рабоче-крестьянская Россия считает, что она еще не в силах начинать такую войну, что эта война привела бы ее к окончательной гибели. И пятый с‘езд призывал к нейтральной политике в отношении обоих воюющих империалистических коалиций.

Так решают рабочие и крестьяне России, а господа Садовские и Мелик-Еолчяны здесь, в Баку, решают против воли Советской России втянуть ее в новую гибельную войну.

Мы спрашиваем товарищей рабочих, этого ли они добивались? Берут ли бакинские рабочие ответственность на себя за шаги господ Садовских, Еолчянов, с циничной откровенностью выступающих в роли лакеев Милюкова и Гучкова и англо французских империалистов, желающих во что бы то ни стало втянуть Россию в новую войну, которая в конец должна обессилить и погубить нашу и без того обессиленную и разоренную трехлетней войной страну? Бакинские рабочие вот уже почти 10 месяцев, как в своем громадном большинстве, вместе с флотилией, стоят за рабоче-крестьянскую революцию, за советскую власть. Что же товарищи рабочие, товарищи матросы, вы теперь идете открыто против рабоче-крестьянской России? Разве вы отрекаетесь от нее сознательно и хотите силой, против ее воли, втянуть ее в новую войну?

И характерно поведение партии „Дашнакцутюн“. Еще вчера на расширенном заседании совдепа ее представитель, Мелик-Еолчян, клялся в верности Советской России, уверял, что партия признает всецело центральную советскую власть и подчиняется ей. А сегодня устами той же марионетки, г-на Мелик-Еолчяна, она делает такие заявления перед лицом английских империалистов. Что это, то-

варищи рабочие, и прежде всего мы спрашиваем армян-рабочих, доверяющих партии „Дашнакцутюн“,—что это?—политическая партия или партия политических шарлатанов, партия лжецов и фарисеев?

II.

Лживость и фарисейство проявляют, впрочем, не одни дашнакцаканы. Рабочие знают, что буквально все партии высказывались и сейчас продолжают высказываться в своих выступлениях перед рабочими и в газетах за признание советской власти „на местах“. Они кричали и кричат, что призывают англичан для спасения бакинской советской власти.

Прочтите, товарищи рабочие, торжественные программные речи представителей меньшевиков, правых эс-эров и дашнакцаканов Вр. Диктатуры Центрокаспия и поищите там хотя бы одного слова о советах и советской власти.

Эти господа перед лицом англичан не осмелились даже заикнуться о советской власти. И неудивительно, что в декларации английского генерала Дэнстервиля, напечатанной в том же номере „Бюллетеня“ от 9 августа, говорится, что великобританское правительство заключило соглашение с Вр. Диктатурой Центрокаспия и войсками Бичерахова, и ни словом не упоминается президиум Исполнительного Комитета. Последний, ведь, мнит себя властью! Почему господа Садовские и Велунцы не предложили внести маленькую „поправочку“ в декларацию и упомянуть об Исполнительном Комитете, как о договаривающейся стороне, как о существующей власти?

Пусть товарищи рабочие задумаются над этими вопросами. Мы говорим: четыре оратора на приеме у англичан не посмели заикнуться о советской власти потому, что им это не позволили бы англичане—злейшие враги советской власти, не заикнулись и потому, что сами ораторы и их партии не признают никакой советской власти, они уже похоронили в Баку советскую власть.

Они только для обмана рабочих, которые действительно стоят за советскую власть, говорят о своем признании советов... „на местах“. Они лгут и лицемерят. И лучшим доказательством этого является не только речь ораторов на

приеме англичан, не только декларация английского генерала, но и вся деятельность новой власти за десять дней ее существования, которая упразднила уже Бакинский совет рабочих и крестьянских депутатов.

Новая власть—власть дашнаков, правых эс-эсеров, меньшевиков и командного состава флотилии—уже разоблачила себя, как власть, отклонившая бакинский пролетариат от Советской России, желающая в угоду английским империалистам втянуть его в новую войну; как власть, несмеющая говорить о советской власти в Баку, уже предавшая эту власть англичанам и их наемнику Бичерахову.

Эта власть уже—сбросила с себя маску.

III.

При таких условиях, что могут делать сейчас в Баку партии, которые не на словах, а на деле стоят за связь с Великой Российской Республикой и за советскую власть. Что делать истинным советским войскам, что делать отряду Петрова, приехавшему за несколько тысяч верст, чтобы помочь бакинскому пролетариату отстаивать свою советскую власть, отстаивать Баку для России? Мы спрашиваем, что им делать? Неужели перейти в ряды предателей и бороться рядом с английскими войсками во славу английского имперрилизма и для втягивания России в новую империалистическую бойню. Ни в коем случае! Бакинский пролетариат и каспийская военная флотилия введены в заблуждение агитацией английского наемника Бичерахова, обманувшего наше доверие.

С другой стороны, пролетариат был поставлен, вместе с нами, в безвыходное положение, благодаря предательскому поведению партии „Дашнакцутюн“ и агитации контрреволюционного командного состава—Аветисовых, Арутюновых и пр.

В результате—преступное соглашение с английскими империалистами....

Пока это соглашение существует, пока бакинские рабочие и матросы предпочитает английских империалистов российским советским партиям и советским воинским силам,—до тех пор они тем самым выбрасывают эти войска из своих рядов. Они вынуждают их отряхнуть пыль от предателей и изменников российской советской власти.

Но мы не теряем еще надежды, что бакинские рабочие и матросы отрезвятся. Мы не теряем надежды, что Революционная Советская Россия, если и вынуждена будет временно уйти,—она еще придет в Баку!

Придет не для того, чтобы признать хозяевами Баку германо-турок или англичан, а для того, чтобы изгнать отсюда и тех и других, для того, чтобы восстановить единство Баку с Россией и утвердить вновь и здесь и, быть может, во всем Закавказье советскую, рабоче-крестьянскую, социалистическую власть.

Мы не теряем надежды, что это еще будет.

1918 г., август.

Бесчестные клеветники[44]).

В дикой травле против народных комиссаров, очутившиеся у власти, хамы—дашнакцаканы, правые эсеры и ожившие мертвецы—меньшевики потеряли всякое самообладание. Их газеты жирным шрифтом возвестили, что приехал германский штаб, который искал будто бы в Баку турецкий штаб. С этим германским штабом приехал официальный представитель центральной власти с письмом от Ленина на имя Шаумяна.

Измена на лицо—кричат идиоты публично, официально. А на другой день их следственная комиссия освободила из-под ареста представителя центральной власти, выдав ему бумагу в том, что ничего предосудительного у него не найдено. Выясняется, что это не германский штаб, а комиссия по делам военнопленных, которая месяц тому назад была уже здесь и уехала. Выясняется, что никакого письма от Ленина к Шаумяну не было. Было официальное сопроводительное письмо от центральной комиссии военнопленных об отправке пленных из Баку в Москву для обмена на русских военнопленных. А на счет того, будто приехавшие искали турецкий штаб, кто-то кому-то насплетничал, и неизвестно даже, кто именно и кому. На вопрос, почему же официоз, не говоря о других газетах, придал такой характер факту приезда комиссии—представитель новой власти ответил, что это вина редакции, и она будет привлечена к ответственности. Вот с позволения сказать, какая сволочь заседает в редакциях „правящих“ партий. Они кричат об открытой измене, о документах, будто бы уличающих нас, не имея ровно никаких оснований даже для подозрения.

Другой факт—телеграмма Салько на имя Доссера. В ней говорится о решении Бакинского совдепа, принятом в ожидании немцев, и указывается, что Ленин предлагает в решительную минуту то постановление, которое было принято *„в ожидании немцев“*, провести в жизнь и в новой об-

становке, т. е. *в ожидании англичан*. Телеграмма Салько не может быть понятна для всякого рабочего, но она понятна для лидеров партии „Дашнакцутюн", газета которых „Вперед" особенно бесстыдно клевещет на нас по поводу этой телеграммы. Если эта телеграмма не понятна для всякого и может ввести в заблуждение многих, то, во всяком случае,—мы называем прямо,—лидеры партии „Дашнакцутюн": Араратян, Гюльханданян, Зорян—прекрасно знают, в чем дело, и если они не выступают с протестом против бесстыдной клеветы их газеты, то они являются соучастниками этой клеветы.

И вот два аргумента—немецкая комиссия и телеграммы Салько—и доказано, что Бакинский Совнарком совместно с Лениным хотели продать Баку немцам,

Сколько нужно иметь личной подлости руководителям новой политики, чтобы сделать такие выводы. Бакинский Совнарком направился в сторону Кюрдамира в тот момент, когда нам сообщили, что немецкие войска через Тифлис идут против Баку. Мы об'явили войну именно германо-туркам. Ленин требовал от нас принять все меры, чтобы, в случае занятия немцами Баку, они не могли получить здесь нефтяных запасов. Бакинский совет на одном из своих заседаний вынес, по моему предложению, резолюцию—уничтожить всю нефтяную промышленность, но не сдавать ее немцам. В связи с этим распространяли во флоте слух, будто мы качали по керосинопроводу нефть для немцев. Это в то время, когда, именно по моему распоряжению, за месяц, если не больше, до событий разобрана керосинопроводная линия, убраны дизеля и сложены уже на пароход, так что, если противник возьмет город, он в течение шести месяцев (по заявлению специалистов) не сможет пользоваться керосинопроводом и перекачивать себе нефть.

Это все прекрасно известно лидерам правящих сейчас партий, которым я читал собственноручные письма Ленина и Сталина по этому вопросу и которым были поручены ответственные работы по подготовке и проведению в жизнь этих мероприятий. И эти люди теперь бесстыдно молчат, когда их товарищи клевещут.

О, дашнакцаканам очень выгодно клеветать на нас! Мы указали на их решение выкинуть белый флаг и сдать го-

род туркам. Онн не смеют опровергнуть факты, ибо сотни людей знают это досконально! Но, чтобы ввести в заблуждение широкие массы населения, они выдумывают эту наглую ложь про нас, будто мы хотели сдать город. Партия, прибегающая к таким подлым мерам для оправдания себя, это не революционная партия, а партия бессчестных клеветников.

Это касается не только партии „Дашнакцутюн“, но и правых эс-эров и меньшевиков. Да, господа, в тяжелую историческую минуту вы могли путем предательства и обмана сбить с толку рабочие массы, но продержаться клеветой и обманом вы долго не сможете. И чем преступнее ваш обман в настоящем, тем строже будет суд рабочих над вами в будущем. Клеймо бессчестных клеветников, во всяком случае, не смоете с ваших лбов, как не смыли этого клейма те, кто после июльских событий клеветали на Ленина, Троцкого, Луначарского, загоняли их в тюрьмы и подполье. Ведь, и тогда большая часть рабочих была введена клеветниками в заблуждение.

P. S. Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные заблуждающиеся массы и добиться самосуда надо мною. Это нетрудное дело. Это может быть удастся вам, но это не поможет вам господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы прибегаете.

„Бакинский Рабочий“
Август, 1918 г.

Воззвание к бакинским рабочим[45]).

Бакинский пролетариат, поставленный в тяжелые условия изменой Бичерахова, оголившего фронт 30-го и 31-го июля, и партией „Дашнакцутюн“, не пожелавшей выставить на фронт своих воинских частей, и, с другой стороны, введенный в заблуждение наемниками английских империалистов, стремящихся захватить Баку, заключив военное соглашение с англичанами, против воли Рабоче-Крестьянской России, вопреки запрещению Центрального Советского Правительства, призвал в Баку английские войска.

С этого момента пролетарская, социалистическая оборона Баку превратилась в войну двух империалистических коалиций.

Революционного фронта в Баку уже нет, а есть фронт империалистический.

Бьются две силы, одинаково враждебные Российской Рабоче-Крестьянской Советской власти.

С этого момента политические и военные представители Российской Советской власти и воинские силы, присланные из России, не могут оставаться в Баку и быть пособниками английских империалистов, быть соучастниками предательства, совершенного под влиянием правых эс-эров, меньшевиков и дашнаков.

До тех пор, пока бакинский пролетариат находится в заблуждении и предпочитает англичан Российским Советским силам, пока мы не имеем достаточно войск, чтобы дать отпор наседающим туркам, а теперь уже и германцам, с одной стороны, и английским хищникам, с другой, они не могут оставаться в Баку.

С болью в сердце, с проклятиями на устах, они, приехавшие сюда, чтобы сражаться и умирать вместе с бакинскими рабочими за Советскую власть, вынуждены покинуть Баку.

Но покидая этот город, потеря которого может иметь роковое значение для всей Советской России, они не теряют надежды, что бакинские рабочие и матросы Каспийской флотилии поймут, на какое предательство их толкнули правые эсеры. Они надеются, что Рабоче-Крестьянская Россия еще придет в Баку.

Бакинский пролетариат вновь свяжется с Рабоче-Крестьянской Россией и вновь станет под знамя Советской Социалистической Республики".

(Из архива „Музея Революции").

ДОБАВЛЕНИЯ

К выборам в городскую думу *).

Вопрос о присоединении промысловых районов к городу,—возник среди демократии почти в тот же день когда было извещено о выборах в городскую думу. Вопрос этот рабочим казался вполне естественным и последние крайне удивились, не найдя в законе о выборах соответствующего пункта, тем более, что вопрос этот во многих городах России разрешен в положительном смысле. Были устроены митинги с требованием присоединения промыслов к городу. Совет рабочих депутатов в начале июня постановил поручить мне и гр. Саакяну, находящемуся в Петрограде, возбудить ходатайство перед Временным Правительством в том же смысле. Нам ответили в министерстве внутренних дел, что вопрос этот может быть разрешен на месте, самим городским самоуправлением. При этом должен заметить, что на вопрос о праве участия в выборах солдат, проживающих на промыслах, особый Закавказский комитет ответил, что вопрос этот должен быть разрешен самим городским самоуправлением, в связи с общим вопросом о присоединении промыслов к городу.

Согласно закону, выработанному особым Закавказским комитетом, различные районы могут быть присоединены к городу, если между ними существует экономическая связь и в районе имеется городской уклад жизни. И мы полагаем, что в промысловых районах имеются оба эти условия. В промысловых районах насчитывается 120 тысяч жителей, лишенных органов самоуправления, вследствие чего население существенно страдает от антисанитарных условий, от от-

---

*) „К выборам в городскую думу" представляет из себя речь Шаумяна на заседании городской думы обсуждавшем вопрос о присоединении промыслов к городу.

Речь является ценным дополнением к его статье по этому вопросу (см. стр. 66 „Статьи и Речи").

Оговариваемся, что передача речи дается по газете „Баку" являющейся кадетским органом.

сутствия жилищ, дорог, улиц, трамвая и пр. Нет там никаких культурных учреждений. Промысловые районы нуждаются в органах самоуправлении.

Имеются на лицо три проекта: 1) присоединение промыслов к уезду с 45 селениями и создание уездного земства; 2) создание отдельного самоуправления в промысловых районах с разделением на несколько частей (Биби-Эйбат, Балаханы и т. д.), и 3) присоединение промысловых районов к городу. Демократия отвергает первый проект, так как нет общности жизненных условий между промысловыми рабочими, с укладом городской жизни и патриархальными крестьянами окрестных селений. Проект этот был выдвинут еще 10 лет назад и обсуждался на 28-м с'езде совета нефтепромышленников, высказавшемся против уездного самоуправления на основании вышеприведенных соображений. В промысловом районе нужно провести дорогу, водопровод, трамвай. Во всем этом уезд вовсе не заинтересован и присоединение промыслов к уезду было бы вредно. Столь же целесообразен второй проект, так как промысловый район имеет тесную экономическую связь с городом и было бы ненормально отделить их. Это сознавала и цензовая дума в 1903 году, заявившая, что нельзя составить переписи городского населения без производства переписи также в промысловом районе. В 1913 году перепись распространилась также и на промысловый район. Тесная экономическая связь между городом и промысловыми районами проявляется во всех отраслях. Все предприятия имеют свои главные конторы в городе. Центральная организация промыслового союза находятся в городе. Партии там и здесь слиты в единых организациях Центральные отделения культурных учреждений имеют местонахождение в Баку. Далее следует обратить внимание на неразрешенный до сих пор вопрос об устройстве поселков для промысловых рабочих. Необходимо участие рабочих в делах городск. самоуправления.

Если бы промысловые районы не имели материальных богатств, то город имел бы еще право протестовать против присоединения. Но мы предлагаем присоединить к городу богатый промысловый район и это обстоятельство является лишь выгодным условием для города с его долгом в 400 милл. рублей. Это именно обстоятельство нам даже ста-

вили в упрек, но мы идем на эту жертву, исходя из реальных условий о необходимости присоединения промыслов к городу.

Далее должен заметить, что в старой цензовой думе защищались групповые буржуазно-национальные интересы и часто возникали трения между представителями различных национальностей. От этого страдала демократия. Дума была очагом национальной борьбы. В новой думе, при участии бакинской и промысловой демократии, всего этого не будет и изменится общий характер бакинской общественной жизни. Борьба примет более высшую, классовую форму. Требование революции—иметь демократическую думу. Этого можно достигнуть лишь при участии в ней промысловой демократии. Отделение промыслового района от города было бы насильственной винисекцией.

Что касается селений уезда, из них могут быть присоединены те, которые имеют эту экономическую связь с городом и городской уклад жизни. таких 10—12 селений—Балаханы, Сураханы и др. Остальные селения, как Маштаги и др., ни в каком отношении и ни никакой связи не имеют с городом.

Проект присоединения к городу некоторых окраин не встретил в Тифлисе сопротивления ни с чьей стороны, между тем, как в Баку старая цензовая дума упорно сопротивляется осуществлению этого проекта. Запрошенный бывший тифлиский городской голова А. И. Хатисов также высказался за присоединение промыслового района к городу.

Комиссия должна считаться с волей демократии, резко выраженной на собрании совета рабочих и солдатских депутатов, на конференции заводских рабочих комиссий и на митингах и приложить все меры к скорейшему разрешению вопроса в утвердительном смысле.

Газ. „Баку" № 196
2 сентября 1917.

Текущий момент и организация власти*).

Говоря о текущем моменте, мы сразу станем перед фактом гражданской войны. Неоднократно на заседаниях Совета нам приходилось указывать на то обстоятельство, что в Баку мы слишком умеренны. Работа Совета и его Исполнительного Комитета ограничивалась только функциями бывшего градоначальства и полиции. Мы только выносили резолюции, но реальной борьбы за закрепление Советской власти не вели. Наша власть была—буржуазная власть. Мы не вмешивались в хозяйственную жизнь, мы не работали в направлении улучшения положения рабочих, городской и деревенской бедноты. Мы даже не ограничивали господства эксплоататоров; это все потому, что у нас—не было реальных сил. Всякая власть должна иметь принудительные силы, и вот в последнее время, благодаря усилиям Военно-Революционного Комитета Кавказской армии, мы имеем военную силу. Усиление нашего Совета дало нам возможность предпринимать те или другие меры; контр-революционеры видели, что Совет все усиливается. Беки, ханы и агалары, сторонники протектората Турции, автономии Азербайджана, торопились разбить, пока не поздно, Бакинский Совет. Попытки перевода сюда дикой дивизии всем известны; агрессивно и наступательно вела себя организация беков и ханов. Мы были достаточно сильны, чтобы принять их вызов. Результаты показали, что мы не ошиблись. Национальный состав нашего города пугал нас. Мы боялись, что борьба примет нежелательную окраску. Нам даже пришлось прибегнуть к помощи армянского полка. Мы даже не могли допустить себе роскошь отказаться от их услуг. Было необходимо воспользоваться услугами армянского полка, а победа настолько велика, что

---

*) Речь Шаумяна на заседании Бакинского Совета от 19-го апреля 1918 года в момент организаций Бакинского Совнаркома после подавления мусаватского восстания. (См. примеч. 29).

это мало омрачает действительность. Если мы были осторожны тогда, когда мы были слабы, теперь мы должны быть более активны. Национальная окраска, которую неизбежно приняла гражданская война, и то обстоятельство, что на ряду с Красной армией продолжали существовать национальные полки, заставили нас вести определенную войну против них. Правда, мы вынуждены были использовать их, поскольку они оказались нашими союзниками, но они внесли в борьбу национальный элемент, и вот, во имя торжества интернационализма, надо не давать укрепляться национальным советам и полкам. Национальный армянский совет самостоятельно арестовывает, обыскивает, реквизирует и т. д.; против этого надо принять меры. Надо, чтобы политические функции носил единственный орган власти— Совет Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов. В результате гражданской войны пострадали масса бедных и бездомных мусульман. Нам надо организовать широкую помощь, все мероприятия С. Н. К. и декреты мы должны провести в жизнь. Национализация банков, домов, нефтяной промышленности стоит перед нами; экономическое положение городской бедноты должно быть улучшено. Частную собственность надо урезать. Наша власть должна не охранять существующий порядок, а, наоборот, провести в жизнь новые социальные мероприятия. Сейчас мы стоим перед необходимостью создания органа власти — С. Н. К. Комитет Революционной Обороны постановил организовать несколько отделов, охватывающих всю общественную жизнь г. Баку. Наши меры должны распространяться не только на город и его районы, но и на всю губернию. Даже Сейм, эта реакционная организация, перед угрозой аграрного движения Закавказья принужден был признать переход земли в руки крестьянства, а между тем и до сих пор беки и агалары являются хозяевами положения в деревне. Инициативу надо взять на себя. Необходимо широко поставить агитационно-организационный отдел по всей губернии. На промыслах наша работа дала хорошие результаты: бок-о-бок мусульмане, армяне, русские дружно стояли за сохранение там спокойствия во время гражданской войны. Необходимо пробудить сознание всей мусульманской демократии. Нами делается все, чтобы залечить рану мусульманской демокра-

тии. Азизбеков и сопутствовавшие ему товарищи вынесли впечатление о полной искренности и доверии крестьян Бакинскому Совету. Мусават окончательно дискредитирован, и, наоборот, социалистические организации приобретают все больше и больше влияние на мусульманскую демократию. Революционный Комитет Кавказской армии взял на себя задачу организации Красной армии. Закрепив в Баку власть, она впоследствии двинется на защиту Советской власти по всему Закавказью. Она должна продолжать свою работу для формирования более крупных сил, чтобы повлиять на все Закавказье, и новый орган, С. Н. К., должен пользоваться услугами Кавармии. Нужно, чтобы Революционный Комитет Кавармии был под'отчетен нашему Совету, и, в виду того, что работа новых органов важна, от него зависит строительство будущей России, в частности нашего города. Необходимо, чтобы в новом органе имели представительство только фракции господствующего сектора. Иначе говоря, новый орган должен состоять из большевиков и левых с.-р. в зале шум, крики: „кровь Денежкина“). Да, с.-р. показали что они могут не хуже большевиков умирать за Советскую власть, но мыслить, последовательно и правильно они еще не умеют. Я здесь указываю на английский парламент, где господствующей партии предоставляется право составить кабинет. Принцип английского парламентаризма необходим в данном случае. Тем, кто сейчас шумит, не менее дорога Советская власть, чем мне. Я не отрицаю желательности приглашения в новые органы того или другого правильно мыслящего из правого сектора персонально.

Такова точка зрения нашей партии.

Известия Бакинского Совета
23-го апреля 1918 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Чрезвычайное заседание Совета Рабочих, Красноармейских, Матросских и Крестьянских Депутатов совместно с районными Советами, судовыми комитетами и военно-революционным комитетом Кавказской Красной Армии *).

От 25 июля.

Заседание открывается в 2 ч. 50 мин. Присутствуют: членов Центрального Совета 154 чел., членов районных Совдепов 152 чел., членов Центрокаспия 13 чел., членов судовых Комитетов 43 чел., членов Военно-Революционного Комитета 16 чел., подошедших после подсчета 79 чел. Всего 459 чел.

Председательствует тов. Джапаридзе.

Тов. Председатель. Сегодняшнее заседание есть продолжение предыдущего. Сегодня мы должны, наконец вырешить наболевший вопрос. Приступая теперь к единственному вопросу, который сегодня стоит на повестке, вопросу о политическом и военном положении, я даю слово представителю центрального правительства Шаумяну.

Тов. Шаумян. По моей инициативе прошлый раз был созван расширенный Совет, перед которым я поставил вопрос о политическом и военном положении России и Закавказья, имея в виду, главным образом, брожение, которое началось в последнее время в наших рядах и, в частности, резолюцию о приглашении англичан, которая была принята отдельными комитетами судов Каспийской флотилии. Таким образом, прошлое заседание свелось к обсуждению вопроса о том, следует или не следует приглашать англичан.

От многих лиц, в частности, от представителей партии „Дашнакцутюн“, я слышал упреки в том, что представители

---

*) Ввиду того, что речи Шаумяна на последнем чрезвычайном заседании Бакинского Совета, вырванные из общего контекста стенограммы, не будут вполне понятны, мы даем полную стенограмму этого исторического заседания, тем более что оно в целом представляет из себя большой интерес, как характеризующий поведение партии и групп в этот тяжелый период последних дней Бакинской Коммуны.

Речи Шаумяна выделены крупным шрифтом.

Оговариваемся, что стенограмму Чрезвычайного заседания Бакинского Совета мы даем по „Бюллетеням Диктатуры Центрокаспия“.

власти ставят перед Советом такой вопрос, который не должен был ставиться. Этот вопрос я поставил на повестку именно потому, что шла подпольная агитация вокруг важного вопроса, который может иметь решающее значение для дела революции Закавказья. И раз этот вопрос был поставлен нашими противниками, которые нашли себе поддержку в таком ответственном учреждении, как Каспийская военная флотилия, то я полагал, что авторитетные учреждения бакинского пролетариата, об'единяющие собою и флот и армию и все остальные революционные силы, должны быть заинтересованы этой агитацией и сказать свое веское слово. Я надеялся, что это слово будет словом осуждения начатой агитации.

Но когда на прошлом заседании, против ожидания многие политические партии поддержали эту агитацию, я перед последним голосованием сделал заявление, что вопрос этот является вопросом международной политики и не может быть разрешен только нашей центральной властью, что если мы признаем эту Центральную власть, то мы должны прислушиваться к ее голосу.

Когда было предложено снять обе резолюции, собравшие приблизительно одинаковое число голосов, представитель партии эс-эров, как на один из мотивов указывал именно на мое заявление и говорил, что мы должны избрать комиссию, которая поедет на фронт и сделает доклад нам, а комиссар Центрального правительства Шаумян может запросить Центральное правительство по этому вопросу. В тот же день я обратился к Центральному правительству, выяснил характер и факты агитации и просил правительство официально заявить свое решение по этому важному вопросу.

От Центрального правительства я получил телеграмму, которая была напечатана в газетах, но которую, как официальный документ, я должен опубликовать на этом заседании (читает радиотелеграмму от тов. Сталина, помещенную своевременно в печати). В этой телеграмме имеется ссылка на решение 5-го Всероссийского с'езда Советов, в котором принимали участие и представители Бакинского Совета. На этом с'езде принята следующая резолюция (читает резолюцию 5-го с'езда Советов).

Огласив это категорическое постановление с‘езда Советов и заявление нашего Центрального правительства, которое мы до сих пор признавали, к которому мы посылали непрерывно делегацию с просьбой вооружения для флота и армии, снабжения нас десятками и сотнями миллионов я заявляю, что если мы признаем Советскую власть на местах и в центре, если мы признаем обязательным решение 5-го с‘езда Советов и заявление нашего Центрального правительства, то этот вопрос мы должны считать для себя решенным и снять его с обсуждения Совета. Перед нами стоит вопрос об обороне города и революции. Для этого мы должны изыскать все средства. Прошлый раз я обращал внимание на необходимость единого фронта, который мы старались сохранять во всех вопросах, касающихся обороны. Если тем фракциям, которые агитировали сознательно или бессознательно, продуманно или непродуманно, угодно остаться с Советской Россией и иметь единый фронт с революционными партиями, стоящими на точке зрения признания Советской власти и в связи с Россией, то я обращаюсь к вам с просьбой, этот вопрос, как вопрос международной политики, снять с обсуждения.

Мы имеем перед собой не столь грозного и сильного врага, чтобы мы не могли своими силами и средствами поставить вопрос об обороне.

Нужно покончить рознь, внесенную этой агитацией. Никакая Англия не спасет нас, раз у нас начинается разлад и ожесточенная внутренняя борьба.

Если вы не хотите проиграть все дело, я призываю вас считать вопрос совершенно решенным и приступить к обсуждению вопроса о том, какие меры мы можем предпринять общими усилиями, чтобы создать единство, нарушенное этой агитацией, чтобы изыскать меры для защиты фронта и для осуществления заветной цели.

Советская Россия предоставляет нам громадные средства. Сегодня придут из Астрахани 5 шхун, которые везут 80 орудий, 160 пулеметов, 10.000 ружей, 20 000 патронов, массу обмундирования и т. д. Россия до сих пор ничего не жалела и не жалеет и теперь сил. Вместо того, чтобы связываться с иноземцами, мы лучше обратимся к России, а до того времени мобилизуем все наши пролетарские силы,

армию и флот и во имя того, чтобы мы не порывали связи с правительством, я приглашаю вас снять вопрос о приглашении англичан и обсудить вопрос о защите фронта общими усилиями нашими вместе с Советской Россией (долгие аплодисменты.

Тов. Председатель. Мы выслушали определенное заявление от представителя Центральной власти. Прошу высказываться поттому поводу.

Тов. Уманский. Я думал, что представитель правительства, взяв слово, сделает чрезвычайное заявление, связанное с волнующим нас вопросам, Быть может заявление выяснит в дальнейшем ненужность обсуждения затронутого вопроса, но вместо зтого была прочитана телеграмма от имени даже не центрального правительства, а „по уполномочию его". Я полагал, что центр. правительство заинтересовано непосредственно в этом вопросе. Далее Шаумян повторил все-то, что было сказано на прошлом заседании Совета.

Между тем Совет, самостоятельный революционный орган, заинтересован в правильном разрешении волнующего всех вопроса и не должен предвосхищать окончательного решения. Речь же Шаумяна является попыткой психологического воздействия на решение данного вопроса.

Я присоединяюсь к заявлению Шаумяна о необходимости всеми силами оборонять фронт, но с другой стороны, я заявляю, что Бакинский Совет должен выяснить вопрос целиком и выявить свою волю.

Тов. Шаумян. Я хочу сделать раз'яснение по поводу того, почему в телеграмме сказано „по уполномочию центрального правительства". В таких случаях правительство неоднократно сообщало свою волю тов. Сталину в Царицын с тем, чтобы он срочно и своевременно мог дать знать нам, и телеграмма полученная от тов. Сталина, является официальным документом, исходящим от центрального правительства. В телеграмме указано, что копия передана в Москву Совнаркому, чтобы текст ее был полностью известен ему и имелся бы там. Это во всяком случае есть мнение центрального правительства, которое нельзя опорочить никакими указаниями.

Тов. Айолло. Для меня безразлично, кто послал телеграмму: Ленин или, по его уполномочию, Сталин. Я думаю, что политика Шаумяна ни чуть не расходится с политикой Троцкого, Ленина и других И Шаумян выдвигает позицию, которую заняли бы и те.

Если нужно было бы подходить к вопросу с формальной стороны можно бы о многом поспорить.

Сейчас Шаумян в чрезвычайном своем заявлении сказал следующее: „Я напоминаю о необходимости единого фронта, борьбы с

германским империализмом и о необходимости снять этот вопрос с обсуждения. На этот раз обычная логика, которая сопутствует Шаумяну во всех его выступлениях, покинула его. По его предложению нас здесь прошлый раз морили с 12 ч. до 1 ч. ночи: обсуждался вопрос, двадцать раз выступали ораторы, высказывали свои мнения (прошу запомнить, что инициатива собрания принадлежала ему). Далее, по инициативе партии коммунистов были разосланы агитаторы в самую гущу народа; Каспийская Флотилия,-как было аршинными буквами напечатано в советских газетах, будто бы переменила свое решение.

Партия коммунистов устроила митинги во всех частях города. На эти митинги были приглашены широкие народные массы и вопрос этот был уже перенесен на широкую улицу.

Для меня, как представителя Российской социал-демократической рабочей партии, совершенно не интересен вопрос о том—нужно или не нужно приглашать англичан. Для нас самое главное выяснить имеются ли силы, с помощью которых мы могли бы самостоятельно употребив хотя бы драконовские меры, организовать фронт.

Если бы для нас стоял вопрос: мы или иноземцы, мы бы ответили то, что лошадь сказала саням и телеге: „и ты и ты не нужна мне". Но если вопрос ставится так, какой из иноземцев будет господствовать у нас (а сейчас у нас проводится германская ориентация совершенно бессознательно для представителей центральной власти) то мы спрашиваем: что же будет? Какие меры вы предпримите?

Будете ли вы поступать так, как поступает пока Тамаркин в своем анекдотическом приказе: „не признаю никакой нейтральности.. Или за нас или против нас". Мне кажется, что такими мерами мы не достигнем того максимума энергии, который способны дать народные слои. Нам нужно так или иначе решить этот вопрос и закрепить наш единый фронт.

Тов. Тер-Оганян. Тов. Шаумян заявил: у нас был единый фронт и не надо его нарушать „подпольной агитацией". Это неверно Мы предлагали еще ранее тов. Шаумяну созвать согласительную комиссию из представителей всех политических партий, чтобы столковаться и выровнять фронт. На деле наше предложение было отвергнуто, хотя на словах было дано согласие, и этой комиссии нам не удалось созвать. О каком нибудь выравнивании фронта со стороны большевиков не может быть и речи. Припомните заседание Совета, где обсуждался вопрос об образовании Совета Народных Комиссаров. Нам, представителям „оборонческих" партий, предоставлено ли было место? Во всех, что мы видели со времени образования Совета Народных Комиссаров, мы видели отстранение одной группы и выдвигание другой группы. Мы стремились выравнить фронт; наперекор решению нашего Центр. Комитета партии мы старались выравнить фронт на приемлемых условиях.

Но слепая фракционность привела к тому, что мы должны были перенести дело в районы. Знаете ли результаты массовых митингов, Массы не на вашей стороне, Вы должны учесть это. Всюду где были митинги, сочувствие было на нашей стороне, не только по вопросу о

приглашении англичан. Массы определенно говорили: „Бакинская власть сконструирована неправильно; мы не доверяем этой власти. Она должна быть составлена из всех социалистических партий, входящих в Совет“. Учитываете вы это или нет?

Бакинский Совет является не только местной властью. Это краевая федеративная власть, и по-скольку председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров выдврнул сам этот вопрос, поскольку он является комиссаром внешних дел, мы имеем право решить этот вопрос.

Тов. Туманьянц. Если бы выравнивание фронта заключалось в том, чтобы какой нибудь политической партии дали бы два—три места в правительстве, то я думаю, что ни большевики, ни левые эсеры не протестовали бы. Но единение фронта заключается в совершенно ином.

Я не знаю, можно ли говорить, что у нас стоит вопрос о приглашении англичан. Одна такая постановка вопроса компроментирует Совет. Нельзя ставить вопрос о приглашении империалистов. (С места: „вы его поставили“). Вы пошли в районы и говорите, что масса высказывалась против нас. Представьте себе, что человеку приставили ружье ко лбу. Он скажет: „если вы выстрелите, я умру“. Вы приходите в районы и говорите, что город Баку завтра должен быть сдан ибо нам нечем защищаться (крики справа: „ложь“; аплодисменты слева). Такой вопрос не может стоять в Бакинском Совете. Быть може вам покажется несколько странным, что мы, левые эсеры, идем в разрез с нашим центром. Мы в Бакинском масштабе переживаем иное положение. Если представить, что с приглашением англичан порвется экономическая связь с Россией, то будет ясно, что этого вопроса нельзя ставить. Тов. Шаумян правильно заявил, что его нужно поставить в другой плоскости: как нам, бакинским рабочим, лучше сорганизоваться, чтобы защищать свой фронт. Только такой вопрос может стоять в порядке дня.

Прения по вопросу о порядке дня прекращены. Заключительное по этому поводу слово предоставляется тов. Шаумяну.

Тов. Шаумян Мною сделано внеочередное заявление. Теперь мое предложение должно быть проголосовано. Я должен иметь ответ. Я предлагаю вам, в виду определенно выраженной воли 5-го Всерос. С‘езда Советов и категорического заявления центр. власти о том, что вопрос этот решен ею отрицательно и не может быть разрешен кустарным способом (с места: почему же кустарным способом вы начали войну?)... Нет, не кустарным, а с санкции правительства, которое официально об‘явило, что наши отряды находятся под защитой Росс. Центр. власти... Ввиду этого я предлагаю вам снять вопрос о приглашении англичан с обсуждения и приступить к заслушанию доклада представителя с

фронта и к решению вопроса о том, как усилить войска для защиты Советской власти. Здесь ссылались на то, что этот вопрос может решить местный Совет, что у нас есть свой комиссар по иностранным делам. У нас есть комиссар внешних дел, т. е. тех дел, которые касаются отношений с другими частями федеративной России. Что же касается иностранных дел, то во всякой федеративной стране это составляет право центральной федеративной власти.

Тов. Жгенти. Прежде чем ставить вопрос на голосование о снятии с очереди данного вопроса, я предлагаю выслушать доклад комиссии.

Председатель ставит вопрос на голосование. Результаты голосования: 208 голосов за предложение Шаумяна (о снятии вопроса с очереди) и 257 голосов за предложение тов. Жгенти.

Голосование проходит при напряженном внимании всего зала

Тов. Председатель. Большинство голосов получило следующее предложение: выслушать доклад комиссии, обсудить его, и затем вынести то или иное решение. (Бурные аплодисменты справа).

Тов. Шаумян. На поставленный мною вопрос большинство Совета уклонилось дать ответ. Спрятались за доклад: после, мол, посмотрим. Это есть отклонение вопроса, поставленного ребром.

Как представитель Центр. власти, я заявляю протест (громкие аплодисменты слева, крики справа: „зачем прибегать демагогическим приемам").

Тов. Председатель. Призываю к порядку.

Тов. Шаумян. Я знаю, вопрос, конечно, не решен по существу и я питаю надежду, что большинство найдет у себя мужество и политическую порядочность, чтобы дать ответ какой нужен, но сейчас заявляю от имени Центрального Правительства формальный протест.

Тов. Джапаридзе. Слово предоставляется представителю межпартийной комиссии для доклада о положении дел на фронте.

Тов. Палашков (левый эсер, представитель комиссии). Комиссия уполномочила меня сделать доклад по интересующему вас вопросу. На прошлом заседании Совета мы постановили, что для окончательного разрешения вопроса по существу, необходимо послать на фронт делегатов. Участие в этой делегации приняли следующие лица: т.т. Джапаридза, Маркарьян, Киреев, Палашков, Велунц, Тер-Оганьян, Джагитян, Мелик-Еолчян, военный комиссар Корганов, командующий армией Бичерахов и начальник штаба Аветисов. Открывая заседание Джапаридзе счел нужным в целях информации известить командный

состав о том, что представители политических партий и Бакинского Совета вместе с ними, ответственными вождями Кавказского фронта, должны окончательно разрешить интересующий нас вопрос, собрать сведения о количестве, технической подготовленности Кавказской армии и выяснить вопрос об англичанах, причем тов. Джапаридзе заявил, что разрешить этот вопрос по существу может только Совет, но некоторые сведения количественного характера об английском войске мы можем получить от них. Главным образом это заявление относилось к полковнику Бичерахову, который, благодаря своей службе на одном из флангов английской армии и друг. обстоятельствам о которых я скажу позже, был знаком с положением дел у англичан.

Первый доклад сделал начальник штаба полковник Аветисов. Он начинает с первого момента, когда отряды наши выступили из Баку для защиты Сов. власти. Тогда он поставил себе определенную цель, достигнуть границы и стратегические операции распространялись только на летний период. Имея в виду этот период, полковник Аветисов полагал достигнуть станции Евлах и реки Куры, где можно было приостановить дальнейшее движение в сторону Елисаветполя, правда, он оговаривался, что у некоторых были попытки пройти и дальше но, „я бы,—заявляет он,—ни за что бы не согласился сдвинуться с этого места. Этим мы должны были закончить летний период и если бы мы достигли своей цели, то видно было бы, есть ли смысл двинуться дальше или нет".

Но положение вещей изменилось. Станция Евлах не была достигнута. Несчастье на правом фланге заставило временно отрешиться от этого плана. Гибель ¾ состава, растерянность командного состава вынудили в порядке отойти, как заявляет Аветисов.

Еще при нашем наступлении, подходя к Кюрдамиру, мы имели уже известную убыль, но всетаки с этими силами мы легко взяли Кюрдамир и двигались дальше, но несчастье на правом и вслед за тем на левом фланге и несчастье на станции Керрар, совершенно непонятное для полковника Аветисова,—ибо никакого наступления со стороны неприятеля не было,—заставило нас прекратить наступление.

Полковник Аветисов об'ясняет этот факт только усталостью нашей армии.

Резюмируя свою речь, полковник Аветисов, как начальник штаба, ответственный за всю работу, заявил, что имеющимися у нас силами мы обойтись не можем и если мы, отступая, отойдем к Аджикабулу, то ничего сделать будет уже нельзя. Спустя час полковник Аветисов заявил, что, пригласив англичан, мы исправили бы дело. Вот выводы начальника штаба.

Следующим оратором был тов. Корганов Он определенно заявил, что имеющихся в его распоряжении сил достаточно, *пока мы не столкнемся с серьезными неприятельскими силами* (а столкновение это он предвидит в ближайшие дни) и *пока мы не учтем эти силы.*

Когда один из членов комиссии, Велунц. предложил вопрос, берет ли на себя ответственность Корганов в том, что отступления не

будет, Корганов заявил, что в его направлении он берет на себя ответственность, пока мы имеем перед собой только те силы, которые выяснены разведкой. Тов. Корганов заявил, что на нашей стороне технический перевес, у неприятеля же отсутствует артиллерия, а у нас имеются броневики и аэропланы.

Тов. Корганов заявил, что в ряды Красной Армии попало много ненадежного элемента, ибо отдельным военачальникам предоставлялось очень много самостоятельности при наборе войск, и улучшение и поднятие духа в армии является очередной задачей. Второй задачей—решение которой должно улучшить дело, является правильное снабжение не только обмундированием и продуктами, но и снарядами. Если в Баку нельзя достать ничего, нужно из центра или откуда угодно получить все то, что необходимо армии.

Тов. Джапаридзе на это заявил, что уже прибыла помощь людьми и снарядами, в лице штаба Петрова и имеются официальные сведения о том, что ряд грузов находится в Астрахани и должен быть погружен для нас.

Тов. Корганов заявил, что технический перевес на нашей стороне, мы имеем аэропланы. Правда, не все из них действуют на месте, ибо летчики нашли нужным устроить базу в Баку, а не на фронте и только тов. Морозов работает на фронте. У нас поставлена плохо только разведка и ее необходимо улучшить. Самое серьезное внимание нужно обратить на состояние нашего транспорта, который совершенно не налажен в особенности в Шемахинском направлении где тов. Корганов снимает с себя всякую ответственность за могущие быть последствия.

Общий вывод военного комиссара Корганова такой: пока мы не столкнулись еще с неприятелем, он категорически заявляет, что мы можем обойтись нашими силами и ближайшее время покажет, что делать далее. Столкновение, которое предвидится, даст возможность обнаружить неприятельские силы. До сих пор действовало лишь 2—3 баталиона со стороны неприятеля. Предстоящее сражение даст возможность установить силы врага. Перед неприятелем ровное место и так как неприятель ведет войну по всем правилам военного искусства, то нам придется ознакомиться с его силами. Тов. Корганов заявляет уверенность, что в настоящее время нет опасности в его направлении, но он снимал с себя ответственность за Шемахинск. район. И он был прав, ибо его предсказания сбылись.

Третьим выступил полковник Бичерахов. Он начал с последних слов тов. Корганова, который зяявил, что многое зависит от того, какое настроение в рядах Бичерахова.

С этих слов начинает Бичерахов свой доклад. Он заявляет, что не будет говорить о стратегии, тактике, он должен прежде всего поговорить об армии; когда он выезжал на правый фланг, он имел совершенно иное представление о Кавказской армии, о ее дисциплине и боевой силе. Указывая на то обстоятельство, что в данном направлении находится 1500 штыков, я знаю,—говорит он,—что если считать

не находящихся на котле, а действительно воюющих, то придется уменьшить это число до 500 человек.

Относительно Шемахинского района он заявил, что в виду того, что бригада Казарова устала, боевая сила этого отряда должна быть сокращена и вместо 2000 штыков нужно взять цифру опять таки в 500 штыков.

Относительно технического перевеса он не согласен с тов. Коргановым. Технический перевес на стороне неприятеля. Он заявляет, что в то время, как Корганов насчитывает у неприятеля всего 6 орудий—только на одном его фронте, у неприятеля 4 полевых и 4 горных орудия. Затем заявив, что армия не на высоте положения, полковник Бичерахов переходит к вопросу о необходимости наладить транспорт Нахождение в наших войсках одного аэроплана не есть технический перевес. Нас обслуживает только 2 состава поездов, а у них—три состава, не считая бронированного поезда.

Затем, он переходит к другой стороне дела, к тому положению, которое получилось в связи с военными неудачами. Он говорит о необходимости доставить продукты, военное снаряжение и достаточное количество снарядов. Чувствуется колоссальный недостаток в ружейных патронак. После раз'яснения тов. Джапаридзе, полковник Бичерахов согласился с тем, что в будущем можно будет пополнить этот недостаток. Армия на фронте демобилизована, устала и утомлена, ей необходима смена. Приток живых сил, резервов необходим. Лично в моей части, заявил он, не чувствуется перелома, ибо у меня фронтовики, воевавшие 4 года, которые, проходя мимо Баку, решили принять участие в защите фронта. Они должны находится в особых условиях, хотя бы в смысле санитарного оборудования. Не одинаковые материальные условия отражаются на армии. Получаются отлив и прилив из одной части в другую.

Относительно тыла полковник Бичерахов еще худшого мнения. Он заявляет, что батальон, который намечался в качестве резерва на фронт, совершенно разбежался. Общая мобилизация в Баку, по его мнению, проведена слабо. Нужно провести ее более серьезно. Должны быть соблюдены в медицинском отношеоии известные правила Нужно считаться с условиями местного фронта. Он заявляет, например, что за бригаду Арутюнова, находящуюся в особо плохих условиях, он снимает с себя всякую ответственность.

По мнению Бичерахова, если мы отойдем за Аджикабул, у нас не останется ни одного солдата. „Вас не спасет и флот,—говорит он,—хорошо поставленные орудия заставят флот уйти в море.

Он устанавливает два срока, минимальный и максимальный. Минимальный срок (5—6 дней) должны быть доставлены 1500 штыков и затем в двухнедельный срок 4,000 хорошо сформированного отряда хорошо обученного, а не просто людей с винтовками в руках. На улицах Баку, заявляет он, боя не будет и флот не спасет вас.

После этого начались прения, говорить о окотоых не приходится подробно. Я лерехожу сразу к вопросу об англичанах.

Отвечая на поставленный ребром вопрос, полковник Бичерахов сказал, что может сделать сообщение, интересующее нас.

В этом ему помогают два обстоятельства, с одной стороны его личная служба на анлийском фронте в течение восьми месяцев, а с другой стороны, когда Исполнительный Комитет гор. Энзели, чувствуя опасность, которая грозит тор. Баку, счел нужным вступить в переговоры с представителями английской армии.

Он не ручается за те изменения, которые произошли в последнее время, он полагает на основании прошлого опыта, что английская армия насчитывает, кроме обслуживающих ее частей, не менее 300,000 войск (крики:—300.000 или 3,000. В зале напряженное внимание). Эти 300.000 штыков находятся на всем Месопотамском фронте (разочарованные возгласы), на Персидском же фронте находится сравнительно небольшая сила. Там имеется около 7.000 автомобилей, которые в ближайшее время могут быть переброшены из Месопотамии.

Ближайшее расположение английской армии известно ему попрежнему времени, но у него в отряде имеется агент английской армии, который может дать все раз'яснения.

Один английский отряд находится в Энзели, собственно не в самом Энзели, а в 3—4 верстах, ибо у англичан существует закон, что войска не располагаются в городе. Другой отряд в Реште насчитывает около 1.000 человек (с места: „А сколько в Энзели"), не знаю, несколько тысяч.

Затем полковник Бичерахов остановился на задаче, которую преследует английское правительство. Оно ведет борьбу против Германии и Турции, но он считает долгом заявить, что, во-первых, ни один солдат без приглашения Совета не явится на бакинскую территорию и что англичане не будут вмешиваться во внутренние дела.

Немцы в настоящее время стремятся к Царицыну и к Баку. Закавказское правительство предоставило в распоряжение турок пути сообщения, благодаря которому они могут перебрасывать свои войска; турки желают захватить Закавказье также из-за хлопка, ибо турецкий хлопок является неподходящим для выработки взрывчатых веществ. Немцев заставляет стремиться к Баку еще желание завладеть Каспийским морем.

Но Бичерахов счел нужным заявить: „Не торопитесь с приглащением англичан". Это выражение занесено в протокол. Он считает нужным прежде всего использовать собственные силы. Бичерахов заявил, что у него имеются документы, доказывающие, что англичане не вмешаются во внутренние дела Баку.

Полагая, что как и всякой силе англичанам нет расчета сражаться за нас, он обратился к английским генералам и тот генерал, который вел с ними переговоры, заявил; „Если вы не верите, я официально запрошу английское правительство". Этот ответ английского правительства находится у Бичерахова сейчас. Там определенно указывается, что английское правительство не будет вмещиваться во внутренние дела России.

Касаясь организационных промахов Красной армии, полковник Бичерахов заявил, что армия не на высоте положения так же, как и командный состав, который отдает приказания, а товарищи ротные комиссары должны уговаривать и т. д., словом он указал на целый ряд организационных промахов.

Наше заседание закончилось двумя вопросами мелкого характера. Один вопрос о том, необходимо ли ввести меры награды и наказания, как в отряде Бичерахова, и другой вопрос полковник Бичерахов поставил Советской власти: что, если будут открыты мирные переговоры, он был предупрежден, чтобы выйти из затруднительного положения. Он заявил, что он лично не заключит мира с немцами.

Тов. Джапаридзе ответил: „Я, как официальный представитель Советской власти, должен заявить, что ни в какие переговоры без вашего ведома мы не вступим".

На этом прервалось наше совещание.

Тов. Председатель. Я обращаю ваше внимание на то, что Бичерахов заявил: „Не надо спешить с приглашением англичан". Он сказал еще, что если даже придется пригласить англичан, то центр тяжести все мы должны перенести на то, чтобы нашими собственными силами организоваться. Я постараюсь дополнить доклад тов. Палашкова своими личными впечатлениями.

Предо мною прошли все войска, которые оперировали на Шемахинском фронте. Это те же самые войска, которые оперировали у Геокчая, Карамарьяна и у других мест. Правда, я наблюдал не то, что хотелось бы. Трудно было примириться с тем, что наши войска несколько дней с оружием в руках отступали, когда враг был на далеком расстоянии. Но когда я ближе познакомился с этим войском, то для меня стало ясно очень многое и то огульное осуждение нашей Красной армии, которое встретило достойную отповедь со стороны тов. Петрова, предстало предо мной.

Все слышали, что по словам Бичерахова и других, нельзя винить эту Красную армию, что главной причиной отступления нашей армии было то, что в тылу мы не смогли создать резервов на смену уставшим товарищам на фронте.

Наши войска, молодые красноармейские части выдержали борьбу с регулярными турецкими частями, когда они представляли из себя в некоторой степени живую силу. По общему признанию всех, вряд-ли другая армия справилась бы со своей задачей лучше, чем наша молодая Красная армия. Дайте только им возможность отдохнуть от усталости и начать работу. Они вновь сформируются и докажут на деле, что заслуживают названия армии. Мы глубоко уверены в том, что сложившиеся при отступлении условия дезорганизовали армию (вопрос с места „тов." Джапаридзе, если вы в течение трех месяцев не создали армию, то в два дня вы ее не создадите, или вы расчитываете пришить две простыни к палке и сдать город немцам" Другой голос с места: „Вы сами должны создать армию").

Тов. Джапаридзе: Правильно. Наша армия вписала одну из лучших страниц в историю революционной борьбы и те, которые го-

ворят, что за три месяца мы не создали ничего, не знают. Я думаю, что вы спали, проснитесь и вы увидите нашу армию и возможность создания ее (аплодисменты).

Тов. Председатель. Сообщение комиссии сделано. Предлагаю установить регламент для обсуждения его.

Устанавливается регламент.

Речи представителей партии.

Тов. Айолло (при появлении его на трибуне раздаются аплодисменты справа, смех слева). Я очень рад (обращаясь влево), что теперь вы встречаете меня смехом; когда то вы встречали меня бурными криками протеста, но помните хорошо, смеется тот, кто смеется последним.

К тому вопросу, который Чрезвычайный Комиссар поставил чисто метафизически—да, да, или нет, нет—пригласите ли вы англичан или не пригласите, мы подходим именно с марксистской точки зрения развития и понимания обстоятельств, которые окружают нас, которые характеризуют момент, а не с бакунинско-анархистской, как это делаете вы.

Я не стратег, не специалист по военному делу, но я знаю то, что знает всякий гражданин, любящий свою родину и желающий, чтобы она существовала: в первую очередь для этого надо иметь крепкую, сплоченную армию; всякая армия, которая пытается, собравшись с бору и сосенки двигаться против неприятеля, имея в запасе только фразы, но не доказав свою преданность революционному делу, под знаменем которого она выступала, эта армия обречена на неудачу. Это не армия, а скопище людей, которое легко можно разбить на голову.

В современной войне происходит не то, что говорить Джапаридзе. В этой войне побеждает по выражению Гинденбурга тот, у кого крепче нервы. В чем смысл и значение всякого выступления? Не в том, чтобы только ураганным огнем разбить неприятеля так, чтобы он представлял из себя окрошку из орудий, лошадей и людей. Для наступления очень необходимо, чтобы моральное состояние армии было не таково, чтобы малейшего нажима было достаточно для приведения в растройство и смущение всей армии. Необходимо иметь армию выдержанную, крепкую морально.

Если отступление производит такое впечатление, что сеет в умах сознание слабости, то такая армия никуда не годится.

Когда мы подходим к вопросу о том, каким образом нам защищать Баку, мы должны спросить себя, имеются ли на лицо моральные силы для того, чтобы мы могли взять ружья в руки, а не забрасывать их в траву. На прошлом заседании кто то позволил сказать по адресу Шаумяна: возьмите винтовку и идите на фронт. Я был этим глубоко возмущен. ибо для меня фронт не только там, где проливается кровь, но и здесь у нас. Ясно, что когда мы вели политику об'единения, мы били именно на это. Отдельно мы представляем из

себя разрозненные прутья веника,—которые легко разломать, но если мы встанем на ноги и сплотимся, то никакая Турция на страшна для нас.

Итак, первой задачей нашей должно быть, чтобы наша армия не была деморализована.

Ни я, ни члены нашей партии никогда ни говорили, что бакинская армия вообще никуда не годится. Мы всегда указывали на то-что в этой армии отсутствует дух товарищества, существует продажа предметов потребления и имеют место ужасные факты: один лежит на земле, а окружающие бегут от него, как от чумы, или, вернее, как от холеры, не оказывая ему никакой помощи.

Необходимо создать армию и тыл, который должен быть связан с этой армией неразрывно и доставлять ей все продукты и боевое снаряжение.

Отношения между всеми армейскими частями, а также между тылом и фронтом должны быть непрерывны и тесны. Для этого нужно прежде всего единение всех живых сил на общей демократической платформе. Я повторяю это не первый раз.

Товарищи, существуют разногласия не только между партиями, не только между фракциями, но существуют разногласия и между единомышлениками и если бы этих разногласий не было, мы были бы осуждены на застой.

Но есть общая платформа, которую нужно осуществлять всем нам и которую большевики при всех надеждах на свою мощь и на свои 250.000 членов не с‘умели защитить. Наооборот, демократические свободы попраны в грязь, большевики напрасно взяли на свои плечи тяжелое бремя, они подписывают свое бессилие, ибо, провозгласивши мир на фронте, они провозглосили войну внутри России и по крылатому выражению Чернова образовали русско—русский фронт.

На обще-демократической платформе мы сумеем об‘единиться и мы сумеем создать такую армию, какая необходима нам. Относительно старой армии скажу: горе той армии, которая надеется на авось, как надеется представитель этой армии Корганов. Я понимаю Аветисова—он говорит: у нас положение скверное, нам необходима помощь, откуда бы мы ни взяли ее; я понимаю Бичерахова и его симпатии к англичанам; он определенно указывает, что представляет из себя наша армия. Я не понимаю Корганова, который говорит: до того времени, как мы встретимся с неприятелем, я могу отвечать за свою армию, а так как у нас разведочная часть поставлена хуже, чем у противника, то только при непосредственном столкновении мы можем осязать силы его и только тогда мы сможем судить о силах противника. Шаумян ссылался прошлый раз на иезуитов, довольно некстати, теперь я сошлюсь на еизуитов, говоря о заявлении Корганова: с одной стороны нельзя не сознаться, с другой стороны нужно признаться (смех).

Разве до сих пор не указывалось большевикам на необходимость работы в смысле изгнания духа специфического, который имеется сейчас в армии.

Как вам известно, у нас имеется меньшевистская рота, и в этой роте, как и во всей армии, появилось некоторое брожение, появились недовольные, начались митинги. Что мы сделали? Мы взяли наших лучших товарищей, которые стоят во главе организации и послали их в роту, чтобы поднять дух товарищей, чтобы эта рота не ударила лицом в грязь, ибо на нее, в особенности те, которые сидят там (жест на эстраду), готовы повесить всех дохлых собак.

3000 лет тому назад было сказано пророком Исаией (смех слева); не смейтесь, иногда нужно слушать и пророков:—„усталые и голодные на самого бога ропщут“. Усталые и измученные, те, которые могли бы быть воинами, ропщут не только на Советскую власть, но готовы роптать на свое существование, проклинать день своего творения, чтобы выйти из ужасных условий, в которых они находятся.

Мы не знаем о противнике почти ничего. Одни говорят, что у него столько то пушек, другие гораздо больше. Бичерахов говорит, что на одном его фронте столько пушек противника, сколько по данным разведки на всем фронте.

Нужно предполагать всегда, что у противника имеется гораздо более сил, чем нам известно, нужно сказать себе, что противник во много раз сильнее нас и лучше вооружен, чтобы мы могли победить чтобы мы могли сказать, что мы совершенно уверены в себе. Но имеется ли у нас эта безусловная уверенность?

И имеется и не имеется.

С одной стороны местная власть заявляет, что идет помощь к нам от центральной власти. Но Советская власть старается посылать подкрепления не только сюда. Ей необходимо рассылать эти подкрепления повсюду. И главным образом, в близлежащие в Сибири места для борьбы с чехо-словаками.

Безусловно, Советская власть сделала многое, чтобы помочь нам и безусловно она обладает известными средствами. Я не знаю, как поступили большевики, которые говорили прежде, что не нужно заводов, на которых изготовляются предметы убийства. Вероятно эти заводы снова в действии. Я полагаю, что снарядов Советская власть имеет достаточно, но этот груз сюда должен итти тем же самым путем т. е. в первую очередь как и хлеб. Вы знаете, какие колоссальнейшие затруднения происходят с доставкой хлеба. И еще больше препятствий стоят на пути тех 300 вагонов военного снаряжения, которые заготовлены в России (Шаумян с места: „они уже пришли“). Мы помним, как говорили о Шендрикове; не сегодня—завтра, прибудет хлеб, а теперь оказывается, что Шендриковка уже отрезана от нас. По большевистским сведениям оказывается уже, что не мы просим помощи от англичан, англичане просят помощи от нас и какой-то „комиссар“ пишет сакраментально: „Заткните глотку тем, которые говорят об английской помощи“. Верить подобного рода заявлениям не приходится.

Нам необходимо изыскать все средства для борьбы, мы своих средств еще не исчерпали, но всего этого еще не достаточно, мы

должны еще требовать помощи от союзников и заключить с ними определенные условия.

Эта помощь даст нам возможность быть достаточно вооруженными по отношению к врагу. Главная сила, которая действует против нас—это германский империализм. Я не думаю рисовать английский империализм в розовых красках, но в вопросе об изгнании иноземцев которые продвигаются все больше и больше к нам, у нас имеется с ними общая точка соприкосновения и при создании внутри нас единого фронта, при организации наших сил, мы используем все средства англичан и они нам не страшны.

Именно мы явимся той основой, на которую можно опереться, но чтобы основа была крепкая, необходимо выполнить все условия, которые будут служить гарантией того, что мы не дадим Баку под влияние англо-французского империализма.

Тов. Нуриджданян, (от левых дашнаков). Когда я слушал представителей бывших на фронте, я пришел к заключению, что не все наши силы исчерпаны, что еще не своевременно кричать о том, что мы бессильны.

Я не был на фронте, но были люди которые там сражались от нашей партии, они рассказывают о том, что у нас еще есть силы, необходимо только их организовать. Если бы вопрос стоял только в этой плоскости было бы хорошо, но, к сожалению, отношения Айолло к фронту вытекают, как видно, не из желания организовать фронт а из принципиального отношения к существу власти.

Мы слышали, что необходимо создать общую демократическую платформу, чтобы об'единить все живые силы, за этими словами Айолло скрываются совершенно другие мысли. Он говорит о возврате к тому периоду нашей революции, который давно уже прошел для России. Он должен совершенно отбросить этот принцип, если не желает порвать связь с революционной Россией, к которой иногда и тов. Айолло обращает свои взоры, власть, которая существует здесь создана нами а мы должны помнить это и организовать силы, имеющиеся в наличности. Когда я был в Москве, я убедился в этом, что революционная Россия без Баку была бы похожа на деревню.

Здесь некоторые товарищи ставят вопрос о приглашении англичан. В каких же отношениях они будут с Россией. Неужели они хотят поставить крест над революционной Россией.

Мы знаем, что такое английский империализм. На Мурмане, где были англичане, была уничтожена Советская власть.

Пусть те, люди, которые сейчас ставят вопрос в этой плоскости вспомнят еще раз о том, в каком отношении они ставят себя к России.

Я говорю, что англичане оставят себе Баку и оторвут его от России. Всякое приглашение англичан будет равносильно оккупации Баку, для нас это ясно и мы заявляем, что от этой оккупации народ не получит никакой пользы.

Имейте в виду, что английские инструктора избрали в свои ряды персов, которые подкуплены золотом и мы сейчас не знаем даже

прибудут ли англичане со своими английскими войсками. Они могут прибыть сюда с шахсеванами.

Сознавая это, как и то, что англичане не выдвинули бы на фронт своих войск, а набрали бы войско из нас, мы говорим, что приход англичан в Баку поставит крест над революционной Россией, которая до сих пор помогала нам десятками миллионов рублей, продуктами продовольствия и военного характера, а в последнее время и людьми.

Вчера в театре Маиловых собралось 2—3 тысячи человек, если их мобилизовать, поставить под винтовку, они сумеют защищаться.

Мы не пойдем с тем, кто в Тифлисе пригласил турок и немцев, а сидящие здесь, не порвавшие с ними связи, приглашают англичан.

Я был бы очень рад, если бы люди подходили к вопросу о приглашении англичан со стратегической точки зрения и не выставляли бы общей демократической платформы и уничтожения Советской власти. как таковой.

А даже Бичерахов говорит, что не надо торопиться с приглашением англичан, что необходимо организовать свои силы, что к организации этих сил наша партия и приглашает.

Мы все пойдем на фронт и заявляем, что мы с Революционной Россией шли в ногу всегда и будем итти, мы умрем за Россию, но не отдадим Баку империалистам. Или Баку будет принадлежать революционной России или никому.

Тов. Тер-Оганьян. Я не буду читать в мыслях у других, как Нуриджанян поступает по отношению к Айолло. Если поступить также, то можно сказать, что тов. Нуриджанян потому не желает чтобы англичане организовали здесь местные силы, что сам не желает итти на фронт.

Никто не ставит такой дилеммы: или Лаку англичанам или России. Если вопрос ставить так, то ответ может быть только один: Баку должен принадлежать тому, кому принадлежал до сих пор. Разрыв с Россией никто не желает и не пропагандирует, и если даже после того, как англичане войдут в Баку, Россия откажет нам в своей помощи, это докажет только, что большевики не желают поддержать Баку.

Я повторяю слова Джапаридзе относительно Красной армии, „Никто не станет упрекать ее за неудачи". Вина лежит на той организации, которая создала агрессивные условия, о самих же солдатах, которые устали, речи, конечно, нет.

Доклад комиссии вполне определенно показал, в каком состоянии находится наша армия, но комиссия в Сагирах не совсем правильно поставила вопрос, вопрос должен был формулироваться так: возможно ли при наличных материальных, технических средствах, при том количестве вооруженной силы, которая имеется, имея в виду и то что мы должны получить, если не наступать, — то длительно обороняться.

На этот вопрос мы не получили категорического ответа, потому, что вопрос был поставлен неправильно.

Положение Красной армии было обрисовано так: нет разведки армия не то, что не желает сражаться, но не может, так как нет условий для успешной борьбы на фронте, нам обещают помощь и присылают.

Но нужно обратить внимание на одно место в письме Бичерахова „мне нужна,—говорит он,—живая сила, кадровая часть, а не такие, которые наскоро сколочены, чтобы притти и тут же рассыпаться".

Мы были свидетелями того, что в настоящее время победа достигается не героическими усилиями отдельных личностей или групп людей, а организацией. Должны всегда иметься организованные части, готовые вступить в действие.

О дилемме: Россия или англичане, говорить даже не приходится. Тов. Нуриджанян сказал: лучше Баку никому, т. е. туркам, что-ли.

Нет, мы не делаем этого вывода: мы говорим, что если с одной стороны Турция, а с другой стороны должны притти на помощь англичане, в своих же интересах, то мы должны сделать вполне определенный вывод.

Если раньше мы говорили, еще до революции; если идет вопрос о том, кому должно принадлежать Закавказье, Самодержавной России или Турции и даже в этих условиях мы говорили: самодержавная Россия лучше, чем султанская Турция. В настоящее время, когда ставится вопрос: или султанская Турция или англичане, при условии, что мы будем организованы и не допустим вмешательства их во внутренние дела, мы должны сравнить цели и приемы Германии и Англии.

Мы знаем, что Брестский договор установил определенные демаркационные линии, но немцы своеобразно поняли принцип самоопределения национальностей. Они выдвигают в какой нибудь области группу людей, которая найдется всегда, Она об'являет себя национальным правительством и Германия берет под свою зашиту это правительство, так она делает это и по отношению к несчастной Армении из трех уездов.

Эта поддержка означает новое передвижение германских сил

Мы видим определенную цель Германии: расчленение России на мелкие кусочки, которые должны подпасть под ее влияние. Об этом свидетельствует и Гаазе, который говорит, что Германия ничего не делает, чтобы примириться с Россией, а употребляет все усилия, чтобы разрушить Советскую власть.

Тот, кто желает считаться с реальными условиями международных отношений, не может это игнорировать.

Мы никогда не говорили, что англичан считаем любезными ангелами. Мы заявляли, что тут имеется столкновение интересов: интересы Англии восстановить Россию—восточный фронт, добыть всю задолженность России. Отдадим мы или нет наши долги, это вопрос другой Я говорю о намерениях англичан. Эти интересы должны быть использованы нами. Итак, в интересах Англии восстановить Россию в прежних границах и стать на пути немцев в Индию; и мы видим, что когда трехсоттысячная английская армия в Мессопотамии осталась

одна, она задалась целью образовать живую стену от Энзели до Мессопотамии и не может допустить захвата Баку германцами.

Если Советская власть не посылает нам живой силы, то на фронте мы имеем перед собой регулярные войска, по сравнению с которыми наши войска не могут быть названы регулярными. Бичерахов сказал: „Вы даете мне пулеметы без прислуги". Почему это делается, я постараюсь это выяснить.

Убийство Мирбаха, это один факт, телеграммы Троцкого — это другой факт, о ней вы все знаете, он просит все Советы присылать силы для борьбы с чехо-словаками.

Наши товарищи опасались, что Германия, которая тщательно оберегала свой престиж, не пропустит даром этого убийства, они припоминали убийство германского посла в Пекине. Но их опасения не оправдались; Германия ограничилась только предложением в ультимативной форме о присылке батальона.

Это об'ясняется следующим обстоятельством: на кого может опереться Германия в Москве; остается только буржуазная Республика, левые эсеры, или правые эсеры. Буржуазная республика означает то, что было на Украине, которая обходится им очень дорого, левые эсеры не признают Брестского договора и употребляют все силы, чтобы разорвать этот договор и втянуть Россию в „преступную" войну. Правые эсеры еще хуже. Остаются одни большевики. Отсюда я сделаю вывод: большевики для них наиболее приемлемое правительство, которое даст им все, что они пожелают (аплодисменты)

Вслед за этим следует об'явление войны Англии и Франции в лице чехо-словаков; сопоставьте эти факты и вы увидите, что по настоянию Германии, об'явлена война Англии и Франции. Сталин говорит, что народнические фракции невольно или вольно действуют в угоду английской буржуазии, а я говорю, что большевики невольно или вольно действуют в угоду германской буржуазии.

Относительно Бичерахова, тов. Палашков сказал не все, что следует. Он изложил об'ективно, но некоторые штрихи он упустил: во-первых Бичерахов заявил, что все данные, которые он говорит, относятся ко времени, когда он был в Персии—два месяца назад; то что произошло с тех пор, он не знает, у них был небольшой отряд и все усилия они употребляли, чтобы перебросить на север возможно большую силу.

Слова о трехнедельном максимуме надо понимать так: если даже на севере Персии нет никаких сил, то и в этом случае англичане могут в двух-трехнедельный срок перебросить свои силы. Эти слова занесены в протокол и другие подтвердят это. От этой помощи нам нет смысла отказываться, ибо если мы откажемся от английской помощи, мы потеряем Баку для России, которая откажет нам в помощи, совершит такое же преступление, как Брестский договор.

Я заявляю, что у нас на этот факт не обращают внимания. Если Германия захватит Баку, то у нее есть возможность выкачать нефть, это указано в письме Сталина, который говорит, что мы уступим в вопросе о грузинской республике и т. д.

Спрашивается: каким путем англичане будут выкачивать нефть, через Персию на автомобилях. Для них имеет смысл воспользоваться Баку как оборонительным пунктом.

Большевистская власть сейчас находится фактически в состоянии союза с Германией и войны с Россией и употребляет все усилия, чтобы сдать Баку Турции, эти усилия бессознательно направлены к одной цели и угрожают не только Бакинской, но и Российской демократии.

Тов. Туманьянц (левый эс-ер). Когда мы выступали против Брестского договора, мы определенно заявляли, что ни с одним империалистом мы не можем заключать никаких договоров. Это заявление мы повторяем по отношению к англичанам, что Брестский мир довел до оккупации России, но они забывают, что, приглашая англичан, они подписывают оккупацию Баку Англией.

Говорить о том, что англичане не будут вмешиваться во внутреннюю политику нет оснований. С принятием Брестского договора нам говорили, что Германия не будет вмешиваться во внутреннюю политику России.

Английские Мирбахи точно также будут вмешиваться в наши внутренние дела.

Не все еще наши силы исчерпаны. Вся наша Российская организация, стоящая на точке зрения непризнания Брестского договора, повсеместно боролась и борется с германским империализмом. Наша организация прислала нам помощь. Сюда прибыл представитель нашей партии с отрядом. В Баку об'является мобилизация членов партии и сейчас вести какие-либо переговоры и допустить, чтобы англичане пришли сюда нельзя, ибо у нас есть опыт другого договора с другими империалистическими государствами.

С другой стороны я должен сделать заявление всем присутствующим здесь партиям, что наша партия не допустит и заключения мира с германцами вроде Брестского мира (с места: „какими силами?").

Мы согласны всей организацией встать на защиту, на помощь к нам придет Всероссийская организация. Мы не должны надеяться на то, что сказал Бичерахов, что англичане недалеко, так как мы не имеем абсолютных данных об этом. Англичане не имеют никаких сил они пошлют только своих инструкторов и заставят нас же итти на фронт сражаться (смех, крики: „а вы не хотите итти").

Я думаю, что нам не нужно ждать, чтобы кто-нибудь заставил нас сражаться, у нас хватит гражданского мужества бороться самим.

У нас была сильная организация фронтовиков, которые заявили что они пойдут защищать Советскую власть, теперь они обязаны пойти и заявить, что они пойдут на фронт. А они ждут англичан, которые будут платить им по полторы тысяч в месяц.

Нужно удивляться, что предлагают заключить союз с Англией, а не с нашим врагом. Ведь, казалось бы, если мы заключим союз с Германией, мы будем спасены (шум).

Тов. Председатель: Когда говорил представитель правых здесь не мешали.

Тов. Туманьянц. Мы не можем заключать союза ни с кем. Отдельные выступления отдельных групп, выступления обывателей на митингах, не могут служить для нас доказательством (с места; „с каких пор"). На митингах были обыватели, которые заинтересованы в защите своих собственных шкурных интересов (крики слева: „правильно, правильно").

Прошу выслушать теперь резолюцию нашей партии (читает резолюцию).

Резолюция левых эс-еров покрывается аплодисментами слева.

Тов. Миракян (Дашнакцутюн). Совет Народных Комиссаров посылая на фронт людей думал, что наша армия будет иметь такой же успех за пределами Бакинского уезда, как и на внутреннем фронте. Эта уверенность была так велика, что представитель центральной власти в своем обращении к войскам говорил: мы идем бороться не только с турецким империализмом, но и с дашнакцаканами. Уверенность в победе была так велика, что они рассчитывали дойти до Тифлиса. На прошлом собрании Шаумян сказал: мы были уверены, что наши войска таким же победным маршем дойдут до Евлаха и укрепятся там на выгодных позициях.

Эта слепая уверенность дала самые отрицательные результаты. Люди занялись узко-партийной политикой и палец о палец не ударяли, чтобы снабжать армию не только военными припасами, но и живой силой.

Мало того, ослепленные тем же узко-партийным чувством они повели такую гнусную политику по отношению к красноармейцам, что один батальон изменил и в результате было поражение и невинные жертвы.

Я и сам пережил этот кошмар, когда люди шли не цепью, а гуськом. Слева было непроходимое болото, а справо полотно, по которому неприятель палил из орудий.

Противник обошел нас и мы понесли неисчислимые жертвы.

Для армии не было сделано абсолютно ничего. Если бы тыл уделил ей максимум внимания, по крайней мере, если бы вы не занимались партийной полемикой, не было бы этой позорной работы, не было бы этого потому что в рядах этих войск были герои, которые несколько десятков лет провели в непрерывных боях, там были люди, которые боролись с турецкой армией лишь с немногими товарищами, боролись до последнего издыхания. Когда у них кончались патроны они хватали ружья в руки и бросались на врага. Наша армия стойко находилась на позициях в самом жарком бою и испытала несколько моментов, когда люди не могли двигаться от жажды. Доставить воду этим людям не представлялось большой трудности. Стоило только узнать все то, что творится на фронте, реквизировать здесь у водовозов сотни бочек и послать на фронт. Если бы своевременно были приняты меры, то не было бы того, что теперь. Если бы на автомобилях, на

которых раз'езжают здесь наши товарищи, доставляли бы пищу для армии, этого бы не было.

Если бы красноармеец был уверен, что раненый он будет вовремя доставлен в медицинский пункт (а это возможно только тогда, если имеются средства передвижения и так как лошади мрут от жажды, то нужны автомобили), если бы солдат был бы уверен, что если он будет ранен, он будет доставлен в пункт, а не будет лежать без помощи и умирать под солнцем, то положение создалось бы совершенно иное.

Когда опытные поседевшие в боях воины указывали Корганову что продвигаться вперед, когда мы стали удаляться от базы, нельзя, ибо враг находится в лучших условиях; мы же не можем наступать и результатом нашего наступления может быть только поражение, Корганов приказал наступать именем Советской власти, люди принуждены были наступать и нести лишние жертвы.

Один военачальник говорил: после того как из 4000 осталось только 700 после ураганного огня я ухитрился снабжать их пищей, но у нас не было лошадей, которые могли бы снабжать армию, были только штыки. Когда военачальники указывали, что нужны резервы, Корганов говорил: никаких резервов,—нам нужен фронт. Мы развертывали фронт во всю Коргановскую, наступали во всю Коргановскую и терпели поражение во всю Коргановскую.

Таким образом для каждого человека, у которого есть совесть, который может подняться выше партийного чувства, ясно. что наша армия могла бы успешно бороться, но так как она была не организована, так как не было органической связи тыла с фронтом, благодаря тому, что люди забыли старую истину, что фронт и тыл есть одно целое, что малейшее настроение тыла отражается на армии, что тыл должен напрягать все силы, так как этого не было, результатом было поражение.

После этого поражения наши товарищи спохватились. Они поняли, что необходимо доставить в армию все, что может укрепить ее посылался хлеб не во время, посылались отряды, пушки без прислуги, посылались артиллеристы, которые не умели стрелять и, выпустивши несколько сот снарядов, только три или четыре раза попадали в цель.

Когда спросили, отчего нет попадания, они ответили, что нас послали, чтобы в Маразах нас научили стрельбе в артиллерийском парке, но там никакого парка не было.

Если Совет Народных Комиссаров должен был собрать отряд и снять хлеб и не сумел этого сделать ответственность падает на него.

У нас совершенно нет резервов, откуда хотите достаньте их, если их даст Центр. Россия, мы ей скажем спасибо, но когда она не может оказать нам помощи, потому что сама нуждается в ней (прочтите телеграмму Троцкого). Какие бы комментарии не писал к ней „Бакинский Рабочий", ясно, что она не может справиться с сотней фронтов и в ближайшие дни прислать нам помощь. Центральное пра-

вительство на запрос Шаумяна через Сталина отвечает, что народнические фракции хотят кустарным образом решить вопрос о призвании врагов и советуют принять экстренные меры вплоть до арестов членов военных миссий.

Это пишет правительство, которое убийство Мирбаха—называет авантюрой, ибо это вовлечет нас в войну с Германией, а нам нужна передышка, но разве каждому из нас не известно, что арест членов военной миссии означает об'явление войны этой державе. Если вы не можете бороться с Германией, то почему вы хотите войны с Англией, а если вы боритесь против всякого империализма, отчего вы отдали Украину и все хлебородные губернии. Ответствуйте вы, жалкие люди (сильный шум).

Тов. Председатель. Призываю вас к порядку. К тому же ваше время кончилось.

Тов. Зевин. При обсуждении этого вопроса нужно поменьше беллетристики, поменьше истерики, которую проявляют некоторые ораторы, называющие себя представителями партий и если предыдущие ораторы говорили, что наша партия ничего не сделала для армии, то я должен сказать: вы не правы дорогие друзья, вы увлеклись беллетристикой, вы впали в истерику до того, что не видите что делается.

Быть может здесь имеются об'ективные причины, а не роль тех или иных личностей.

Тем более странно слышать после того, как вы бросали по нашему адресу упреки, что мы ведем политику в армии, после того, как тот гражданин, который бросает упреки направо и налево, ссылается на „Бакинский Рабочий", который будто бы дезорганизует баталионы.

Если представитель дашнакцаканов выходит теперь с истерикой и не понимает, что всякий стратегический вопрос является вопросом политическим, то наша партия не меняет своей позиции. Нужно ставить точки на „и".

Уже с начала войны все интернационалисты указывали, что *война может быть закончена только гражданской войной, а не гражданским миром.* Нами поднята была гражданская война, как во всех других местах, это был единственный выход для Российского и мирового пролетариата. Вы стоите на точке зрения „оборонительной" войны. Откройте же ваши карты. Ваша тактика не тактика Советской власти, вы идете в об'ятия английского империализма для того чтобы восстановить мир и покончить с гражданской войной, которая является единственным спасением для мирового пролетариата.

Последнее лучше всего доказывает с'езд английских рабочих, которые начинают уже поворачивать фронт и разрывать свой союз с империалистами. Вы же поддерживаете политику Ллойд-Джоржа, Асквита, вы идете против английских рабочих, во имя интересов английских капиталистов.

То, что говорят о фронте не оспаривается ораторами, но одного ораторы не доказали, что силы Англии дадут непосредственную по-

мощь. Вы должны вспомнить, что в тех местах, куда вмешивалась английская власть: в Греции, на Балканском полуострове, там была полнейшая неудача, этого не нужно забывать, ибо здесь не только принципиально, но и с точки зрения обороны Баку приглашение англичан теряет смысл. Англичане не сумеют помочь нам, так же, как и в Греции и на Балканском полуострове.

Мы знаем, что чехо-славацкое восстание предшествовало убийству Мирбаха и если здесь пытаются доказать противное, то только для того, чтобы запугать наше сознание. Прав Туманьянц, когда он говорил, что англичане заинтересованы в получении долгов, которые были аннулированы Советской властью. Это является тем символом, которым они хотят подействовать на нас и не дать нам нефти (с места: а Брестский договор?) Брестский договор был необходимостью для продолжения гражданской войны (смех).

Сколько бы вы ни кричали, но с'езд меньшевиков, где имеются более ответственные люди, высказался против разрыва Брестского договора. Это об'ясняется тем, что они сами убеждаются в необходимости Брестского договора, ибо Россия была бессильна продолжать войну.

Но эти же господа, которые кричат здесь, после заключения Брестского договора, стали провоцировать Центральное Правительство, те, которые в Тифлисе бряцали оружием против Турции, несмотря на десятки телеграмм Ленина обходили их молчанием, и вот мы получили то, что должны были получить, и после этого вы вините нас в заключении Брестского договора. Нет, история докажет, что это был единственный выход для русской революции. Вы не должны забывать, что пятый с'езд высказался против какого бы то ни было соглашения с англичанами, за сохранение в политике Брестского мира. А обращение к англичанам вызовет об'явление войны со стороны Германии.

Тов. Айолло (протягивая текст резолюции). Вот резолюция меньшевиков, найдите то место, где, как вы говорите, с'езд меньшевиков высказался против разрыва Брестского договора. Ничего подобного. Резолюция говорит как раз об обратном.

Тов. Зевин. Вопрос о приглашении англичан есть вопрос практический и мы слыхали, что Бичерахов сказал, что у Германии есть стремление к Царицыну по Каспийскому морю. До сих пор у них не было стремления к Каспийскому морю, ибо они были связаны договором. Вашим решением о приглашении англичан, которые пока еще только собираются притти, вы бросите вызов Германии и она двинет свои силы из Батума и из Тифлиса на нас. Бороться с Германией вам не удастся (сильный шум).

Тов. Председатель призывает к порядку.

Тов. Зевин. Но есть еще один момент. Если мы говорим о вчерашних митингах, то признайтесь, что именно лозунг этот создал психологическое настроение в массах, как раньше террористические акты. И как только мы говорим о мобилизации всех живых сил мы

слышим „долой", это доказывает. что лозунг о приглашении англичан охвативший в последнее время массы, деморализовал нас и будет доморализовывать, если вы признаете его официально. Знайте, наряду с тем, что вы разорвете Брестский договор и призовете силу германцев, которым вы не сможете противопоставить свои силы вместе с англичанами, вы создаете психологическое настроение, которое можно охарактеризовать так: барин приедет и спасет нас. Это все следует учесть прежде, чем сказать: нам нужно пригласить англичан.

Вы знаете, что настоящее положение, которое было вызвано восстанием чехословаков, привело к тому, что все Поволжье от Царицына отошло от России. Чехо-словаки разгромили Советы. И если вы говорите, что единственная сила это англичане, то вспомните и о чехословацком восстании, ибо и английский империализм не церемонится с Россией. Вы не достигнете никаких реальных результатов, вы разорвете только внутренний фронт.

Не удивительно. что когда сегодня товарищи. пришедшие из России, хотели явиться на наше собрание, представители партии эсеров отнеслись отрицательно к этому, не удивительно. что они готовы забыть, что приглашение англичан оторвет нас от России, что они хотят взвалить вину на рабоче-крестьянскую Россию, если они не окажут содействия вам, когда вы пойдете вместе с врагами революционной России.

Во имя сохранения единого фронта, во имя того, чтобы сорганизовать собственными силами оборону, вы отвергните предложение о приглашении англичан.

Тов. Азизбеков (от крестьян). Мы говорим на двух языках и поэтому не понимаем друг друга. Одни говорят на языке Федеративной Советской Республики, а наши противники на языке Учредительного Собрания и единения всех живых сил страны Рябушинского. Коновалова, Терещенко, и т. д. Тов. Айолло почему то не приглашает германцев, как его единомышленников в Тифлисе.

Теперь скажу несколько слов о положении на фронте. Корганов говорит одно, а Бичерахов другое, но как вы думаете, кому более дороги интересы революции: Корганову или Бичерахову?

Относительно приглашения англичан, если они представляют из себя реальную силу, они пришли бы и без нашего приглашения, видя, что турки и немцы захватывают Баку, почему же они не являются сюда с 300-тысячной армией, очевидно, у них нет сил. Я могу сказать на основании фактов, потому что из Персии приезжали мои знакомые, что в Реште у них всего около 1000 человек и то крестьян и арабов, Стабо-быть они за большие деньги (они дают 1500 руб.) прельщают их и сманивают к себе золотом. Явившись сюда они не захотят сражаться для нас, и если разобьют турок, мы их не выгоним никогда.

Тов. Тер-Оганов говорит, что Россия должна быть восстановлена, но кем и чем? Англичанами, Мурманским дессантом, чехословацкими войсками, право-эсеровскими и меньшевистскими Советатами или гайдамаками. Мы знаем со слов тов. Александрова, что на

Украине меньшевистские и право-эсеровские Советы занимаются чисто обывательскими делами. Может быть и здесь они хотят установить такой же порядок. Вы не добьетесь этого.

Наше крестьянство пойдет на защиту революции. До сих пор крестьянство дало в войска более 600 человек, а если вы об'явите принудительный набор, то поверьте, что пойдут все.

Список фракционных ораторов исчерпан.

Выступления отдельных ораторов.

Тов. Захаров (большевик). Мне, как русскому человеку, тяжело смотреть на молодых людей„ сидящих здесь. Товарищи, разве вы не видите, что будет, когда придут англичане; разве вы не видите, товарищи матросы, что когда вы приедете в Россию на своих броненосцах, то что вы ответите там.

Товарищу Айолло наша революция 9-й гвоздь в пятке, но когда я вижу вас, молодых людей, мне тяжело. Тяжело видеть матросов и солдат кричащих об англичанах. Положение фронта тяжелое. Может быть мы не могли сорганизовать его хорошо, но ведь старая армия организовалась столетиями, а вы хотите, чтобы наша армия сразу сравнялась с ней.

Вы убежали из России когда нас мобилизовал Николай и работали звесь на оборону, а теперь вы хотите бороться за революцию? Помните, что англичане поставят сзади нас пулеметы и вы тогда пойдете, но вам будет стыдно. Мое чувство русского человека возмущено.

Тов. Розенблюм (председатель Каспийской Флотилии). Я протестую против того, что резолюция моряков не была напечатана в „Известиях", которые должны быть органом не большевистской партии. а всего Совета. Между тем нашей истинной резолюции там нет, хотя резолюция дворников нашла себе два раза место.

Я отвечу теперь тому товарищу, который угрожал, что англичане отправят нас на фронт. Это нас не пугает, мы на фронт, пойдем.

Я должен раз'яснить то обстоятельство, что газеты три раза помешали противоположные резолюции моряков: пригласить англичан не приглашать англичан. 1-ое было постановление судовых команд, 2-ое было вынесено на собрании, в котором приняли участие новые элементы которые были в Баку без году неделю; эта последняя резолюция была принята небольшим числом голосов.

Наыонец, была принята третья резолюция.

Говорят, что англичане не дадут помощи, а надо надеяться исключительно на центр. власть. Но откуда вы получите помощь зимою когда замерзнет Волга?

Разве мы не видим, что центральная власть идет на все, чего требуют немцы. Сдан будет и Баку, как и все, что требовали немцы.

Нам говорят о том, что приглашение англичан вызовет напор турецких и немецких сил, но скажите, разве по Брестскому договору

хоть один баталион имел право наступать на Баку? Мы видим, что турки и немцы и без того разрывают Брестский договор. Прочтите хотя бы сегодняшние „Известия“ и вы увидите, что на Воронежском фронте, на Курском фронте, сданы такие же деревни.

Нас пугают Мурманским Советом, но не дают правильных сообщений. Когда после Брестского договора началось новое наступление немцев, они потребовали сдачи порта Ино. Командир порта Ино на собственную ответственность взорвал свой порт. Тогда немцы потребовали отдачи им Мурмана. На это Чичерин ответил: я согласен, если мы получим мир.

Когда финские банды под командой немцев стали продвигаться то английские войска высадились и прогнали их.

Для Баку также стоит вопрос: или турки, или англичане.

Я хочу ответить теперь еще на одно.

Говорят, что сам Бичерахов не советует спешить, подождать, может быть, можно как нибудь справиться собственными силами. Но это заявление Бичерахов делал до поражения под Шемахой, когда еще можно было ждать. Теперь же ждать нельзя.

Моряки заявляют, что они требуют безотлагательного проведения в жизнь этой меры и не допустят, чтобы нашу резолюцию спрятали под сукно. Обратите внимание на настроение в городе. Вопрос перенесен уже на улицу.

Тов. Уманский. На прошлом заседании Совета я имел честь обосновать точку зрения партии эсеров и теперь мне не придется прибавить ничего к тому, что было сказано представителем нашей партии, но в виду того, что здесь говорилось о центральном комитете нашей партии, я должен заявить следующее:

Здесь говорилось, что политика наша клонится к приглашению иноземных сил и что чехо-словаки прежде всего разгоняют Советы.

Мы должны ответить, что они свергают не Советы, а большевистские группы Советов, которые выступили с вооруженной силой по приказу Троцкого.

Не чехо-словаки вводили цензуру, а центральная советская власть устанавливает цензуру, подобную временам Николая II.

Партия эсеров вовсе не стремится к свержению советской власти, как таковой. ибо в органе партии эсеров определенно сказано через Советы предлагается партии эсеров работать в пользу об‘единения всех трудящихся масс для создания единой России (аплодисменты).

Тов. Джапаридзе. Мы присутствуем здесь не на митинге. Выслушайте меня спокойно. Я хочу говорить не как фракционный оратор, а как председаталь Совета и Исполнительного Комитета, ибо, по моему глубокому убеждению, сейчас решается вопрос не отдельной партии или фракции, а решается вопрос о судьбе Совета и Советской власти в Баку.

В такой ответственный момент я не могу понять многих ораторов. Я обращаюсь к фракции „Дащнакцутюн“: мы не могли ожидать в такой ответственный момент от официального представителя вашей

партии такого заявления. Сравните речь Миракяна с речью Еолчияна в прошлом заседании. Что общего между ними? Если записать его речь не только стенографически, но только в общих чертах и прочесть ее армянским рабочим через некоторое время это будет самым строгим наказанием для вас, для всей вашей политики (аплодисменты).

Тов. Джапаридзе (стенографисту) отметьте товарищ, что апплодируют и некоторые дашнакцаканы.

Да будет стыдно собранию, которое выслушивает такие речи Мне странно слышать и представителей тех партий, которые обращали свои взоры к Турции и Германии, которые открыли железную дорогу и пропустили германо-турецкие войска в Баку (сильный шум). Ваш же однофамилец (обращаясь к товарищу Рамишвили) сказал мне по радио, что они разрешили свободный проход германской армии по Закавказской ж. д.

Я говорю все это не для того, чтобы сводить счеты, а чтобы вы сознательно относились к тому, за что вы будете голосовать.

Здесь выступал тов. Розенблюм от имени флота. Я помню, когда этот товарищ и Наджаров также выступали от имени флота, но вы потом сами краснели за эти выступления и говорили, что ошибались что именно они заставляли вас сталкиваться с Бакинским Советом вынося такие постановления. Но это можно было исправить, а сейчас они ведут вас в такой тупик, из тоторого выйти не будет возможности и никакими раскаяниями не сможет поправить дело. Я знаю, что Наджаров и Розенблюм сознательные враги советской власти которые боролись и будут бороться против нее. Даже партия правых эсэров не раз вооружалась против Наджарова, который сейчас является вашим лидером.

Теперь я обращаюсь ко всем рабочим. Помните, что если англичане даже будут призваны сюда, то наше спасение будет только тогда, если мы сами будем представлять единую силу.

Говорят, что в С. Н. К. не были представлены все партии, но такого единения с правыми эсерами и даже с некоторыми интернационалистами-меньшевиками ни в одном городе не было. С приходом англичан вы подрубите тот сук, на котором сидите. Вы добьетесь разложения Бакинского Совета и окажетесь только с английским капиталом, инструкторами с автомобилями, а с этим вы далеко не уйдете. Но тем самым мы порвем связь с Российской революционной демократией.

Я говорю вам: не зовите англичан, потому что вы погубите советскую власть, оторвете Баку от России, и эта ошибка будет непоправима (крики с мест). Я слышу протесты с тех мест, которые никогда не сколачивали Бакинского Совета, а боролись с ним. Ваш приговор, ваше решение пригласить англичан будет смертельным ударом Бакинскому Совету.

Тов. Мелик-Еолчиянц. Я был избран официальным представителем партии Дашнакцутюн и должен был выступить здесь, но, к

сожалению, у меня голос пропал, и я вынужден был передать свое слово, т. Миракяну.

Находился ли он под впечатлением отступления на фронте и обрисовал все положение в таких красках, но я думаю, что если бы он присутствовал здесь и принимал участие в своей работе, он не говорил бы в такой форме.

Я один из тех, которые принимали участие в ежедневной работе и говорю по совести революционера, что ту работу, которую совершили большевики, несмогла бы совершить никакая другая партия (апплодисменты слева).

Искренний революционер не должен пользоваться неудачами и выступать с демагогическими речами. И когда здесь говорили, что многие не могли поступать в армию, потому что их представителей не было в Комиссариате, то я не мог назвать этих людей честными революционерами. Мы не гнались за министерскими портфелями. Мы работали и помогали руководящим партиям и будем продолжать работать, ибо знаем, что большевики стоят за власть Советов. Это не только мое мнение. это мнение всей нашей фракции и партии.

Мы должны собрать весь наш опыт и знание и отразить того врага, который надвигается на нас и только, если все меры, на которые мы способны не помогут нам. лишь в том случае мы можем принять услугу англичан, если они согласятся на наши условия. Таковое мнение нашей партии.

Прения прекращены.

В 9 час. 15 мин. об'является перерыв.

После перерыва вносятся две резолюции. Одна от имени большевиков, левых эсеров и левых дашнакцаканов и вторая от фракции правых эсеров,

Первая резолюция гласит:

„Бакинский Совет Рабочих, Красноармейских, Матросских и Крестьянских Депутатов с участием Районных Советов депутатов, Центрокаспия, военно-революционного комитета Кавказской Красной армии, судовых и ротных комитетов, на заседании от 25 июля, заслушав доклад делегатов, ездивших на фронт, и обсудив военное положение г. Баку, постановляет:

1) Поручить Исполнительному Комитету и Совету Народных Комиссаров принять немедленно все меры, чтобы вернувшиеся с фронта, уставшие воинские части отдохнули, оправились, вновь сорганизовались и стали боеспособными единицами.

2) Собрать всех обученных, бывших в строю воинов, которых имеется несколько тысяч в Баку, под видом еще

не мобилизованных или дезертиров и создать из них новые боевые части.

3) Об'явить новую мобилизацию за 10 лет и поручить Совету Народных Комиссаров принять самые энергичные меры, чтобы провести эту мобилизацию быстро и полно, не останавливаясь перед самыми строгими репрессиями против уклоняющихся.

4) Обратиться к Революционной России с призывом притти на помощь скорейшей присылкой войск для усиления обороны г. Баку.

5) Что касается агитации за приглашение англичан Совет заявляет:

а) Принимая во внимание, что появление английских войск на территории Баку будет—означать оккупацию этого города английским империализмом и город Баку будет потерян для России;

б) принимая во внимание, что эта агитация разрушает внутренний революционный фронт, вносит разлад и деморализацию в армию и мешает созданию необходимых новых частей, без которых и с англичанами и без англичан мы погубим наше дело обороны;

в) принимая во внимание определенное решение против приглашения каких бы то ни было империалистов на Российскую территорию, которое принято 5-м Всероссийским С'ездом Советов, а также определенное заявление Центрального правительства, не допускающего приглашения англичан в Баку,—Бакинский Совет постановляет отстаивать Баку своими революционными силами и силами революционной России и положить конец всякой растлевающей и дезорганизующей агитации за приглашение англичан.

Тов. Айоло. Наша фракция присоединяется к резолюции правых эсеров, при чем мы оговариваемся, что для нас гарантией невмешательства англичан во внутренние дела как России, так и „Бакинской Республики" является организация власти на демократических основах путем приглашения в состав правительства всех партий, входящих в Совет и создание способной к обороне армии.

Тов. Мелик-Еоличиян (дашнакцакан). Наша фракция заявляет, что мы будем организовывать нашу силу, чтобы защищать фронт, что мы согласны на пропуск англичан, что же касается состава правительства, то мы против резолюции правых эсеров.

Председатель—голосуются две резолюции, одна левых эсеров, большевиков и левых дашнакцаканов, другая—правых эсеров.

Голосование происходит при напряженном внимании всего зала.

Председатель—(оглашает результаты голосования). Резолюция Шаумяна получила 236 голосов, резолюция социалистов-революционеров 259 голосов (бурные апплодисменты справа).

Председатель. Ко мне поступило заявление от фракции большевиков и левых эсеров с просьбой устроить перерыв.

Шаумян получает внеочередное слово как представитель Центральной власти.

Тов. Шаумян. Резолюция правых эсеров получила на 23 голоса больше, чем другая резолюция. Большинством 23-х голосов при 500 присутствующих решился этот вопрос. Это вызвало бурю восторгов на правой стороне. Я спрашиваю по поводу чего вы ликуете? Вы не нашли еще Англии, но вы потеряли Российскую Центральную власть. Вы не нашли еще Англии, но потеряли нас. (Шумные апплодисменты слева).

Товарищи, вы знаете, что как представитель Центральной власти я ответственен перед нею за все, что я до сих пор делал, за те подписи, которые я клал на требования сотен миллионов денег и миллиарды оружия. В качестве ответственного представителя Советской власти я протестую против этого предательства (крики справа, громкие апплодисменты слева долгие и не умолкающие).

Я заявляю, что как представитель власти снимаю всякую ответственность за дальнейшую политику. От имени нашей партии я заявляю, что ответственность за это предательство мы на себя не возьмем (апплодисменты).

Тов. Председатель, Мы выслушали официально заявление представителя Центральной власти.. Теперь представители трех партий заявляют, что в виду создавшегося положения необходимо устроить перерыв. Об'являю перерыв на пол-часа.

Фракции большевиков, левых эсеров, и левых дашнакцаканов удаляются на фракционное совещание. Настроение повышенное. У под'езда стоит огромная толпа публики, ожидающая решения Совета.

Перерыв вместо полчаса продолжается полтора часа.

Заседание открывается в 12 час. 35 м. ночи. Председатель звонит. Заседание об'является открытым. Слово предоставляется представителям фракций для заявлений.

Тов. Шаумян. По поручению трех фракций: большевиков, левых эсеров и левых дашнакцаканов я делаю следующее заявление:

В принятой резолюции имеется три пункта. Один пункт о приглашении англичан, другой пункт о составлении коалиционного правительства и третий об отказе Бакинского Совета от признания Центральной Советской власти (с места—неправда). Всякий честный человек, тот, который не хочет вводить людей в обман, не посмеет возражать, когда я делаю это заявление. Вот три пункта принятой резолюции. По этому поводу от имени трех фракций я заявляю:

Во-первых приглашение англичан мы считаем предательством по отношению к революционной России. В этом предательстве нам с вами не по пути, мы поддерживать вашу политику не можем (Шаумян кричит. Долгие апплодисменты и крики слева „браво").

Во-вторых, нам предлагают коалиционное правительство из всех партий, входящих в Совет. Мы говорим: правительство это есть технический орган, который может работать только тогда, когда он однородный. Мы говорим об однородном правительстве, тем более в такие критические минуты. Имея однородное правительство как технический аппарат, мы призываем к работе все партии во имя защиты фронта и об'единения пролетариата. Те, которые говорят о фракционной политике большевиков бесстыдно клевещут. Ни в каком коалиционном правительстве мы участвовать не будем (опять долгие апплодисменты слева).

В-третьих, поскольку большинство Совета сказало, что оно признает Советскую власть только на местах и отказывается от признания Советской власти в России, мы считаем, что если товарищи из флота голосовали за это, то они не понимали, за что голосовали. Я говорю это потому, что флот всегда высказывался единодушно за признание Российской Советской власти (сильный шум). Поскольку за эту резолюцию голосовали дашнакцаканы, которые вчера на своей партийной конференции решили, что признают власть и Российскую и Бакинскую, какая она есть, и никаких изменений не потерпят, они голосовали по недомыслию.

Что касается правых эсеров и меньшевиков, то они были всегда врагами Советской власти (бурные апплодисменты слева).

Воспользовавшись нашей неудачей, при этих условиях, вы, принявшие эту резолюцию, порвали всякую связь

между вами, ставшими на предательскую точку зрения, и нами. Мы снимаем ответственность за преступную политику, которую вы начинаете и отказываемся от постов Народных Комиссаров (крики: „браво", и бурные аплодисменты слева).

Тов. Шаумян садится, потом снова встает и подходит к трибуне и добавляет:

Что же касается меня, как уполномоченного от Центральной власти, то я доведу до сведения правительства, что правые советские фракции, воспользовавшись замешательством в Баку, совершили акт черной неблагодарности и предательства по отношению к революционной России. Пока им нужно было получать от Центральной России денежные средства и вооружение, обманным путем, пользуясь подписью представителя Советской власти, до тех пор они выманивали и получали, а сейчас совершили акт самой черной неблагодарности (бурные аплодисменты слева).

Председатель. Я обращаюсь теперь к левой стороне с просьбой хладнокровно выслушать заявления других фракций.

Слово предоставляется представителю фракции Дашнакцутюн Аракеляну.

Тов. Аракелян. Нас много раз упрекали, что мы поддерживали большевиков. Но другие социалистические партии имели немецкую, турецкую и т. подобные ориентации. Единственные партии с русской ориентацией это были партии Дашнакцутюн и большевиков.

Мы никогда не хотели порывать связи с центром. Мы признавали власть Советов в центре и на местах. Мы знали, что после революции единственным органом власти должен быть Совет на местах.

Когда с одной стороны у нас английские войска, а с другой германские и турецкие, мы берем меньшее зло, т. е. решаемся пригласить англичан.

Мы знаем,—что если допустить сюда турецкую армию, то здесь будет поголовная резня. Поэтому мы сторонники того, чтобы сюда пришли англичане. Теперь, когда Великой России уже нет и нет ее грозной армии, враг воспользовался этим и идет со всех сторон на Баку.

Тов. Шаумян говорит, что это измена. Но я его не понимаю, когда жизнь пролетариата в опасности; и так должен заявить каждый искренний работник. Мне больно, что 16 месяцев мы работали и теперь сюда придут англичане, но мы должны сказать им, что пригласили их только для того, чтобы они на фронте боролись с империалистами.

И сейчас мы заявляем нашим товарищам большевикам и просим их, как искренних работников пролетариата, чтобы они остались на своих постах.

Каждый революционер должен умереть на своем посту. Мы поддерживаем товарищей большевиков и будем с ними работать и дальше и просим их не уходить и не расстраивать наши ряды.

Тов. Велунц (эсер). Я обращаюсь к товарищам эсерам и ко всем тем, кто голосовал за нашу резолюцию. Момент настолько важен, что вы должны сохранить величайшее хладнокровие и только оно сможет помочь вам провести все то, что намечено в нашей резолюции. Заявление, сделанное здесь от имени большевиков и других фракций не имеет права делать политический деятель в такой момент, ибо эти заявления делаются на улице, а не в таком высоком собрании, как Совет (аплодисменты).

Шаумян говорит, что принятие нашей резолюции предательство и так далее.

Пусть кто-нибудь из большевиков, честный политический деятель, не такой как Шаумян (крики: „это оскорбление")...

Никогда партия эс-эров не говорила о центральной власти. Во всех резолюциях мы говорили о местной власти и когда здесь образовалась местная власть и нам говорили: признайте власть в центре, чтобы покончить с конфликтом и заявите, что ваша партия признает большевистскую власть, то мы не признали большевистской власти в центре.

В центре будет другая власть. Эта наша позиция остается прежней.

Тут говорят о предательстве, Это с большим успехом можно вернуть тем, кто говорит это. Ведь или завтра город должен быть сдан туркам или нужно найти другие пути. Мы изыскиваем эти пути и приглашаем англичан, которых и мы также называем империалистами. Но мы говорим, судьба Российской демократии в конце концов разрешится при помощи английской и англо-французской демократии, в союзе с ней (апплодисменты справа).

Перед нами дилемма: отдать город Баку или искать другого выхода. Мы выбрали меньшее зло, чем сдать город туркам. А если вы хотите этого, то предатели вы.

Говорят, что правые эсеры, якобы, вымогали от Советской России все, что можно. Это чистейшая ложь, ибо правые эсеры никогда не вступали в сношение с центральным правительством. С центральным правительством вступало в сношение местное большевистское правительство, во главе которого стоял Шаумян.

Никогда наша партия не пошла бы на то, чтобы сегодня вымаливать, а завтра изменять.

Что касается помощи, то мы говорим, что если будет реальная помощь из России, которая удержит бакинскую промышленность и город Баку, то никакого вопроса о приглашении англичан быть не может. Но мы более, чем уверены, что эта сила не придет, ибо в России ведется на улицах городов гражданская война.

Имея в виду это, мы не только на местах, но и в центральном органе и во всех русских городах также выносили резолюции о соглашении с бывшими союзниками. Эту линию мы ведем и вели, как политические деятели.

Мы уверены, что наша политика свяжет нас более тесными узами с Россией, чем губительная и преступная политика фракции, которая довела нас до этого состояния. Я заявляю это громогласно.

Не с Россией мы порвали, а мы порвали связь с большевиками, с которыми порвала связь вся Россия (апплодисменты справа).

Тов. Айолло. Мое положение гораздо более выгодно, чем положение других фракций. Мы никогда не говорили, что признаем власть Совета на местах и в центре. („правда"...—слева). Мы вели определенную политику, которая ни для кого не была двусмысленной. Мы всегда ставили точки на „и" и говорили все, что думали и знали.

С Шаумяном я веду непрерывную борьбу в Совете и в районах и я никогда не походил на Шаумяна, который всегда отделывался от наших доводов словами о предательстве, измене и т. д.

Я всегда говорил, что у него имеется политическое чутье, политическая точка зрения. Можно относится как угодно к его политике, но нужно признать, что у него эта линия имеется. Против него можно было бороться, ибо он то знал, чего хотел, а большевики слепо шли за ним.

Но сейчас заявляю перед советом, что я не знаю, чего хочет Шаумян (Шаумян с места: „поймете") и я не знаю чем вызвана его безумная политика.

Вы говорите о Советской власти.

Я заявляю, что мы полагаем, что Советской властью вы не дадите успокоения нашей родине, в пятке которой—запомните тов. Захаров—имеется не девять, а все терновые гвозди.

Под Советом мы понимаем классовую организацию пролетариата, которая дает ему возможность организоваться, ибо в организации залог его победы. Но когда вы говорите о Советской власти, вы подразумеваете исключительно власть большевиков. Пятый С'езд Советов это подтверждает. В Центральный Исполнительный Комитет вошло 193 большевика, 1 анархист, 1 с.-д. интернационалист. Как вы думаете, последние двое окажут какое-нибудь влияние на государственную политику?

К чему же сводится вся эта трагикомедия, которую перед нами развил Шаумян. Он говорит: „Я признаю волю Совета". Вот здесь, в Баку, большинство бакинского пролетариата выразило в Совете свою волю, может быть неправильно, почему же вы не признаете этой воли. Как к этому должен был отнестись ответственный политический деятель? Он должен был сказать, вы ошибаетесь, думая, что вы достигнете чего нибудь этой резолюцией и мы будем бороться, чтобы прояснить сознание масс, чтобы они поняли свою ошибку.

Шаумян же сказал; мы порываем с вами, ибо вы ведете предательскую политику,

Совет, это наша большая семья, где нет ни левых, ни правых эсеров, ни дашнакцаканов, и я хотя плохо, но отражаю мнение части пролетариата, который, по вашему, заблуждается, и от вас зависит, чтобы этот пролетариат был на вашей стороне (с места: „станет на нашу сторону").

Станет, но каким образом, если вы будете угрожать ему выкриками подобными тем, которые позволяет себе Шаумян.

Я утверждаю, что Шаумян сейчас ведет свою политику под влиянием оскорбленного самолюбия, но попытайтесь стать на политическую платформу.

Ваша политика — есть политика раскольничества, и слезы и кровь тех, кто пострадает от этой политики, падут на вашу голову (аплодисменты справа, крики слева).

Вспомните, что вы говорили на расширенном заседании Совета, где произошла такая же картина, но только мы были в вашем положении (тов. Шаумян с места „мы не уйдем").

Я тогда, придя с температурой в 40 градусов на заседание, сказал, наше место среди рабочего класса, мы всегда должны быть с ним.

Вы говорите, что вы не уйдете, а что означают ваши угрозы?

Вы говорите, что англичане придут сюда для оккупации, но вы же сами утверждаете, что они продвигаются по два человека на трех автомобилях, что у них нет людей.

И я, становясь на минуту на вашу позицию, спрашиваю, людей которые сейчас под влиянием безумного самолюбия, пытаются пойти на рискованный шаг раскола бакинского пролетариата: если англичане не имея людей, не представляют, очевидно, такой империалистической опасности, но зато могут влить к нам прекрасные инструкторские силы, для создания армии, которая сумеет защищаться, то почему же наша армия должна будет плясать под дудку англичан? Организовавши все нащи силы, мы можем великолепно противодействовать и английскому империализму.

Кто же будет виновен, если в результате политики Шаумяна Баку погибнет (крики: „вы").

Нет, будут виновны не те, которые говорили, что надо спасать Баку, а те, которые из фракционного безумства пошли на все; правительство должно быть пополнено представителями всех партий, входящих в Совет. Это даст возможность нам дать отпор германским империалистам, а затем уже будем бороться за большевистскую или меньшевистскую точку зрения.

Тов. Председатель. Я должен заявить, что тов. Айолло истолковал совершенно превратно заявление трех фракций. Из него совершенно не вытекала та тактика, что будто мы уходим от Совета, что мы умываем свои руки.

Нет, время диктует нам, чтобы мы работали не в три раза, а в десять раз больше чем раньше, потому что появились враги в лице английских империалистов, которых призвали вы, но ответственность за эту политику мы нести не момем. Извольте ее вести вы. Извольте

стать на место комиссаров, а во всей работе мы будем принимать участие, из нашей партии никто не уйдет из Совета.

Тов. Шаумян. Я хочу пополнить заявление тов. Алеши. Мы будем работать, но будем бороться и против германцев и против той предательской политики, на которую вы стали.

Тов. Председатель. Об'являю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 1 час. 40 мин. ночи.

„Бюллетень Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполкома", №№ 2, 3, 4 и 5, от 3, 4, 5 и 6-го августа 1918 года.

Письмо Ленина к С. Шаумяну.

Москва. Кремль 14/II—1918 г.

Дорогой товарищ Шаумян!

Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики: сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением,—и мы победим.

Трудности необ'ятны; пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами Умейте использовать эти конфликты: пока надо научится дипломатии.

Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям.

В. Ульянов (Ленин).

Письмо Сталина к С. Шаумяну.

Так как времени у меня мало, начинаю прямо с дела.

...Общая наша политика в вопросе о Закавказьи состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский, и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать. Именно поэтому мы не признаем независимости Грузии, признанной Германией.

2. Возможно, что нам придется уступить немцам в вопросе о Грузии, но уступку такую мы в конце дадим лишь при условии признания немцами невмешательства Германии в дела Армении и Азербайджана.

3. Немцы, соглашаясь оставить за нами Баку, просят уделить некоторое количество нефти за эквивалент. Мы эту „просьбу“, конечно, можем удовлетворить.

4. Ваши успехи радуют нас, но мы хотели, чтобы, во избежание осложнений с немцами, вы не пошли дальше Елисаветполя, т.-е. не вторглись бы в пределы Грузии, независимость которой официально признана Германией.

5. В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно не обращая внимание на телеграмму. Можете быть уверены, что Совнарком будет с вами.

6. Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку.

Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу.

Сообщаю, что партия левых эс-эров (по постановлению своего ЦК) убила Мирбаха и подняла петушиное восстание против нас в Москве, и восстание подавлено, но неизвестно еще, чем и как ответит Германия на этот акт. Левые эс-эры в Москве арестовываются, их дружины разоружаются. Примите меры для предупреждения эксцесов со стороны этих жалких провокаторов войны с Германией.

Ну, жму руку. Привет друзьям.

И. Сталин.

Царицын. 8 июня 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Статья „Новый взрыв Революции в Петрограде“ безусловно не была первой статьей Шаумяна за 1917 год. По отзывам т. т. сотрудников тогдашнего „Бакинского Рабочего“ Шаумян писал статьи и заметки почти для каждого номера этой газеты, но нам пока не удалось точно установить—какие статьи в предыдущих номерах принадлежат его перу.

[2]) Клеветническая кампания против большевиков, поднятая буржуазией и соглашателями в центре была подхвачена бакинской буржуазной и соглашательской печатью. Статья „Еще раз о клеветниках“ имела для Баку актуальное значение и только этим об‘ясняется фраза: „авторитетный орган русской революции“ и выражение удовлетворения тем, что „центральный орган русской демократии, наконец опомнился“.

[3]) Сведения об июльском выступлении в Петрограде вызвали серьезные осложнения в Баку. Даже в Совете положение большевиков стало весьма затруднительным. Статьи Шаумяна о Петроградских событиях ознаменовали начало развернутой борьбы против социал-предателей.

[4]—[5]) Вермишев, редактор газеты „Баку“, и вождь бакинских кадетов. Газата „Баку“ орган армянской буржуазии, с первых дней революции фактически стала газетой бакинской кадетской организации.

[6]) Киреев—Член Бакинского комитета кадетов. Ашуров—представитель тюркской крупной буржуазии в городской думе.

„Особый Закавказский комитет“ был учрежден Временным Правительством из членов Государственной думы Джафарова, Попанджанова, Чхенкели, Харламова и Переверзева для управления Закавказьем.

Промыслово-заводские районы не входили в состав города Баку и обслуживались в школьном и санитарном отношении Советом С‘езда нефтепромышленников. С первых же дней революции Советские партии подняли вопрос о включении этих районов в состав города.

Против этого требования восстала тюркская буржуазия, настаивая на том, чтобы промысловые районы входили в состав тех селений к которым районы примыкают. На этот раз вся буржуазия, и в том числе армянская, из опасения, что рабочие районы создадут в городской Думе социалистическое большинство, весьма энергично противодействовала проекту присоединения районов к городу.

[7]) Статья о финляндском вопросе была конкретной иллюстрацией тех лозунгов, который „Бакинский Рабочий“ противопоставлял меньшевистко-эсеровской борьбе против „мусульмаиского национализма“

Шаумян своевременно разоблачил, что меньшевистские нападки на „мусульманский национализм", продиктованный великодержавным шовинизмом, ничего общего не имеет с интернационализмом.

[8]) Вопрос о повальных обысках, возник в связи с усилением продовольственного кризиса. Никчемная деятельность меньшевистско-эсеровского совета дала возможность случайным элементам завладеть вниманием рабочих и на собраниях и митингах выносились резолюции с требованием немедленной организации повальных обысков.

Ссылаясь на бытовые условия жизни тюрок, партия мусават подняла провокационную кампанию по поводу повальных обысков и эта агитация имела успех также среди значительной части рабочих тюрок.

В связи с этим вопрос об обысках принял серьезный оборот и ему пришлось уделять много внимания.

[9]) „Не мешайте солдатам быть гражданами" является ответом на статью „О дисциплине" прап. Мельникова (Известия от 2-го сентября 1917 года), назначенного, в связи с Корниловским выступлением, соглашательским Исполкомом на пост Комиссара при начальнике гарнизона. Под давлением большевиков Мельников был снят с этого поста после чего соглашательским Исполкомом был назначен на пост председателя Бакинского Губернского Продовольственного Комитета.

Т. Джапаридзе от имени Бак. К-та большевиков на заседании Исполкома Бак. Совета 11/24 сентября заявил, что большевики до сих пор не имеют свободного доступа к солдатам в казармы, и потребовали широко открыть двери казарм перед представителями революционных партий. Исполком вынужден был постановить ходатайствовать об этом перед Краевым Центральным Комитетом Армии.

[10]) После контр-революционного восстания Корнилова перед рабочими массами и Бак. Советом встал вопрос об организации сил для борьбы с нарастающей контр-революцпей.

28 августа (10 сент.) экстренное закрытое совещание членов Исполнительиого Комитета С. Р. и В. Д. с представителями социалистических партий, посвященное вопросу о текущих событиях, в связи с восстанием ген. Корнилова, постановило: организовать бюро по борьбе с контр-революцией из представителей Исполнительного Комитета, Социалистических партий и представителей профсоюзов. Бюро согласно решения соглашательского исполкома должно было войти в полном составе в Исполнительный Комитет общественных организаций, который и должен был явиться высшим органом правительственной власти. Предложение это закрепляло и углубляло политику коалиции с буржуазией, ибо бюро по борьбе с контр-революцией становилось таким образом игрушкой в руках буржуазных партий. 30-го августа (12 сент.) С. Р. и В. Д. после бурных прений голосами большевиков, эсеров интернационалистов и части членов Совета рабочих, формально примыкавших к соглашательским партиям принял следующую резолюцию болшевиков

„Обсудив вопрос о происходящих событиях, Совет Рабочих и Военных депутатов Бакинского Района заявляет, что он всемерно будет поддерживать те органы власти, которые будут вести решительную борьбу с контр-революцией, причем указывает, что эта борьба не

должна останавливаться перед такими мероприятиями, как во внутренней и внешней политике, которые могут привести к разрыву с буржуазией...

... Что же касается местного органа борьбы с контр-революцией, Совет находит, что созданное Исполнительным Комитетом Бюро должно действовать в вопросах борьбы с контр-революцией самостоятельно, как орган Совета Рабочих и Военных Депутатов, независимо от Исполнительного Комитета Общественных организаций".

После тзкого решения Совета, Исполком, считая, что принятая резолюция противоречит его решениям и является, таким образом, как бы выражением недоверия И. К-ту. постановил уйти в отставку.

На следующем своем заседании (1/14) сентября Совет под угрозой отставки И. К. постановил принять отвергнутую им на заседании 30-го августа резолюцию Исп. К-та о текущем моменте—отклонив резолюцию большевиков, принятую двумя днями раньше; вслед за этим Совет выразил особым решением полное доверие Временному Правительству.

Среди подавляющей массы рабочих поведение Совета встретило дружное возмущение—на многочисленных собраниях рабочие требовали перевыборов Совета.

[11]) Речь идет о выборах в Городскую думу.

Из 3.093 солдатских голосов, за большевиков подано было 2.675 голосов. Остальные 318 голосов разделились между остальными участвовавшими в выборах 11-ю партиями.

[12]) 15 октября расширенное заседение Б. С. Р. и В. депутатов по докладу левого эс-ера Сухарцева о демократическом совещании приняло резолюцию о передачи всей власти Советам. 27 октября, после первых известий о перевороте в Петрограде тот же Совет в своем большинстве состоявший из колеблющихся элементов принял резолюцию эс-еров, меньшевиков, дашнаков осуждавшую октябрьский переворот. Поведение соглашательских партий и колеблющихся элементов внутри Совета вызвало возмущение и протесты со стороны рабочих, требовавщих принятия большевистской резолюции. Давление со стороны масс оказало свое воздействие на колеблющуюся часть Совета и на заседании Совета 31-го октября, после оглашения громадного количества резолюций, вынесенных на местах о присоединении к большевистской резолюции—Совет принял резолюцию большевиков о поддержке октябрьского переворота. После этого эс-еры, меньшевики и дашнаки, огласив декларацию, покинули заседание Совета и образовали комитет общественной безопасности—призвав население не подчиняться Совету.

Новый взрыв возмущения, охвативший рабочих и солдат, заставил снача эс-еров, а потом дашнаков и меньшевиков через несколько дней вернуться обратно в Совет.

[13]) Статья „Русская Революция и Закавказская власть" написана тов. Шаумяном в период его пребывания в Тифлисе во время 2-го Краевого С'езда Кавказской Армии и была первоначально помещена в газ. „Кавказский Рабочий", органе Кавказского Краевого Комитета большевиков, выходившего в Тифлисе.

Статья написана в момент провозглашения груз. меньшевик., дашнаками и мусаватистами независимости Закавказья и образования Закавказского Комиссариата, взамен распавшегося до него Озакома.

14) Закавказский комиссариат, под видом товарообмена снабжал Сев.-Кав. контр-революцию оружием, имея задачей создать вооруженный контр-революционный барьер между Закавказьем и Революционной Россией.

Генерал Пржевальский — командующий кавказским фронтом в 1917 г.

Караулов, Половцев—генералы, деятели казачьей контр-революции на Северном Кавказе.

Донской—правый эсер. Комиссар Временного Правительства при штабе Кавказской армии.

15) Статья т. Шаумяна написана для газеты „Кавказский Рабочий" (органа Кавказск. Краевого Комитета большевиков) в период пребывания т. Шаумяня на 2-ом Краевом с'езде Кавказской Армии в Тифлисе.

Утверждение т. Шаумяна о том, что застрельщиками сепаратистической и националистической политики на этот раз в 1917 году стали не старые „националисты" дашнакцаканы, а грузинские меньшевики об'ясняется тем, что создавшаяся в 1917 г. в Закавказьи обстановки и урозой захвата его турками, обострением национального антагонизма между грузинами и тюрками с одной стороны и армянами с другой, заставили армянские националистические круги искать себе опору и поддержку вне Закавказья, отстаивая территориально единство с Россией.

16—17) На втором краевом с'езде Кавказской армии фактически решалась судьба революции на Кавказе. Меньшевики в союзе с эсерами выбивались из сил, чтобы завладеть руководством остатками армии. Особое место на этом с'езде занял вопрос о Северном Кавказе. где атаман Караулов, пользуясь поддержкой армейского комиссара и меньшевиков вообще, организовывал национальную войну между горцами и Терскими казаками. С документами в руках Шаумян доказал причастность меньщевистско-эсеровских комиссаров к Карауловской контр-революции.

Несмотря на все усилия меньшевиков резолюции большевиков были приняты с'ездом, но весьма незначительным большинством. Меньшевики пошли на раскол и с того времени существовали два армейских комитета: большевистский переехал в Баку, а меньшевистский остался в Тифлисе.

18) В выборах в Городскую думу, осенью 1917 годг не участвовало население промыслового района. Большинство получили социалистические партии, но соглашатели, ратовавшие за присоединение промыслового района к городу, после выборов не предприняли никаких шагов к осуществлению этого постановления.

19) Фраза Шаумяна—„мы констатируем с удовлетворениеи, что и дашнакцаканы и мусаватисты, не принявшие участия в нашем с'езде по формальныи сображенням, разделяют нашу политическую линию и во всяком случае далеки от жорданизма",—имеет исключительно временное тактическое значение. В борьбе за Советскую

власть в Закавказье большевикам приходилось использовать национальное движение с одной стороны и борьбу между различными национальными группировками, с другой. Это обстоятельство, конечно, не ослабило борьбу большевиков против националистических партий и тов. Шаумян в ряде статей и выступлений разоблачал контрреволюционный характер этих партий и т. н. национальных советов.

Саакян был лидером бакинских правых эсеров.

[20]) В периоде „собирания сил" партия Мусават и ее лидер Расул заде (в 1905 году он состоял членом тюркской социал-демократической партии Гуммет) подчеркивали свою, якобы, революционность и по тактическим соображениям поддерживали большевиков по обще-российским вопросам. Октябрьская Революция не была, конечно, приемлема для партии тюркской буржуазии и Расул-заде, жонглируя лозунгом самоопределения, доказывал, что на Востоке нет классовой дифференциации и поэтому „методы Москвы" не применимы к Азербейджанской действительности. Мусават не довольствовался словами, а, по примеру „Дашнакцутюн" занялся организацией национальных воинских отрядов.

При таких условиях самоопределение обозначало бы захват власти тюркскими помещиками и буржуазией, что означало возникновение истребительной национальной войны.

[21]) Опасаясь большевистски настроенных солдат, идущих с фронта, Тифлисские меньшевики направили эти эшелоны в сторону Елисаветполя, где тюркские помещики устроили засаду с целью ограбления и разооружения солдат. Меньшевики содействовали бекам избивать солдат и вооружаться для борьбы против бакинского пролетариата.

[22]) Тагиев и Нагиев крупные тюркские капиталисты, финансировали организацию тюркских вооруженных отрядов.

Ленкоранский уезд в Бакинской губернии, где царское правительство пыталось создать казачество из переселенцев из России. Осенью 1917 года, при активном содействии мусаватистов, вспыхнула там жестокая национальная война.

[23]) В пролетарском Баку мусават разыгрывал роль демократической и даже советской партии, но одновременно деятели этой партии в Союзе со всеми контр-революционными группировками обосновали свой штаб в Гандже (Елисаветполе). Для борбы против революционного Баку грузинские меньшевики заключили союз с тюркской оголтелой контр-революцией, снабжая ее оружием и активно содействовали тюркским помещикам разоружать и избивать революционных солдат. В резултате этой предательской политики меньшевиков произошло на ст. Шамхоре массовое избиение солдат, возвращавшихся с фронта в Россию.

[24]) Сепаратистская политика грузинскнх меньшевиков в союзе с тюркскими помещиками вызвала призрачное об'единение почти всех фракций в бакинском совете. Эсеры, которые в Баку представляли собой национально-русскую групировку с английской ориентацией были недовольны союзом Тифлиса с тюркскими помещиками и провозглашением независимости Закавказья, которое, вполне правильно было расценено как ориентация на Турцию и Германию. Дашнакцаканы правда, участвовали в Тифлисском сейме но все же продолжали ори-

ентироваться на Антанту. Борьба Большевиков против отделения Закавказья была, конечно, продиктована совершенно иными мотивами это была борьба за революцию, за советизацию Закавказья, что отнюдь не входило в планы эсеров и дашнаков. Тов. Шаумян подчеркивал важность интернационального об'единения трудящихся масс Закавказья против шовинизма и контр-революции, но указанные выше соображения заставили эсеров и дашнаков разыгрывать роль сторонников Советской власти.

[25]) Борьба против революции поставила грузинских меньшевиков во главе всей Кавказской контр-революции. Выступая против гражданской войны, Тифлисские „социалисты" организовывали национальную войну и только на этой почве возник трогательный союз между карауловцами, тюркскими помещиками и грузинскими меньшевиками. Тюркская помещичья контр-революция пользовалась полной поддержкой Тифлиса в деле создания вооруженных отрядов и борьбы против революционного Баку. Тов. Шаумян вполне правильно оценил, что Закавказский сейм является организацией длительной братоубийственной национальной войны.

[26]) Расстрел большевистского митинга в Александровском саду в Тифлисе был произведен меньшевистской „Красной Гвардией" 10-го февраля 1918 г.

Убитых и раненых по одним только оффициальным сведениям было до 20. На самом же деле их было значительно больше.

С целью арестовать искали, между прочим, среди участников митинга, т. Шаумяна которого вовсе не было на митинге. Расстрел был до того жесток и циничен, что даже право-эсеровская печать его решительно осуждала. Впоследствии правительством Закавказского сейма совместно с меньшевистским Исполкомом Тифлисского Совета была создана следственная Комиссия, которая оправдала ответственных организаторов и мелких исполнителей кровавого расстрела.

Ныне документально доказано, что решение о разгоне-расстреле митинга было принято на совещании, при Бюро Тифлисского Совета, на котором были Жордания, Гегечкори, Ребрух, Цинцадзе и Мухаринский—лидеры грузинских меньшевиков и эсэр Верещак.

[27]) „Известия Мусульманского Национального Комитета" издавались ввиде приложения к газете „Каспий". Руководителем „Известий" был лидер мусавата Расул-заде.

Сафикюрдский—крупный Ганджинский помещик—лидер правого крыла тюркских эсеров. В мусаватском правительстве, был министром труда.

Хасмамедов—крупный помещик, один из лидеров тюркских федералистов, затем мусавата.

[28]) Тов. Голембиевский погиб очень молодым,—19 лет. Убийца был офицер, некий Попов, примыкавший к эсерам.

[29]) Бак. Совнарком образовался после подавления мусаватского восстания в г. Баку против власти Бак. Совета 18—21 марта. До мартовского контр-революционного выступления мусавата бакинский Совет фактически полной своей власти не осуществлял и в своих мероприятиях принимая во внимание национальный переплет в Бакинском

районе должен был быть чрезвычайно осторожным. Подавление мусаватского мятежа развязало руки Бакинского Совета и утвердило его власть в Бакинском районе полностью и целиком.

. Поэтому стало настоятельно необходимым создание такого авторитетного, полновластного органа власти, который мог бы проводить в жизнь социалистические мероприятия Бак. Совета, и осуществить победу советской власти по всему Закавказью.

Состав Бак. Совнаркома был следующий: Председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров и комиссар по внешним Делам С. Шаумян. Комиссар по внутренним делам. П. Джапаридзе. Комиссар по военно-морским делам П. Карганов. Комиссар по делам юстиции А. Каринян. Комиссар по делам народного хозяйства В. Фиолетов. Комиссар по делам просвещения Н. Колесникова. Комиссар по делам городского хозяйства Н. Нариманов. Комиссар финансов Киреев. Комиссар почт и телеграфа Сухарцев.

Состав Бакинского Совнаркома за исключением 2 левых эсеров Киреева и Сухарцева весь большевистский.

Эсеры и дашнаки, которые настаивали на участии их в правительстве и не соглашались на условия персонального вхождения. настаивая на партийном представительстве, не вошли в состав Бак. Совнаркома.

30) Из всех соглашательских партий в Баку наиболее непримиримо-враждебную позицию по отношению к Совету занимали меньшевики.

Не осмеливаясь открыто выступать против власти Бакинского Совета, потому что рабочая масса в этот период полностью поддерживала Совет и все его мероприятия, меньшевики использовывали продовольственные затруднения для демагогической агитации среди отсталой части пролетариата. В борьбе против большевиков бакинские меньшевики прибегали к демагогии даже на почве национальных взаимоотношений.

31) Нобелевцы-рабочие „фирмы „Нобель", главным образом, из фабрично-заводского района.

Нобелевские рабочие представляя из себя наиболее квалифицированную часть Бакинского пролетариата в отношении материального положения находились в более превилегированном положении чем рабочие других фирм и районов.

Поэтому наибольшее влияние меньшевики имели среди нобелевских рабочих.

32) Созыв Фабрично-заводской конференции и выступление на нем С. Шаумяна с докладом о власти был вызван резолюциями рабочих собраний в Черном и Белом городе и Сураханах.

Эти резолюции носившие по существу анти-советский характер были приняты в результате демагогической агитации меньшевиков спекулировавших на резком ухудшении продовольственного положения.

Комитет Общественной Безопасности был создан соглашательскими партиями при первых вестях об Октябрьском перевороте в противовес Совету Рабочих депутатов.

Фролов—правый меньшевик—оборонец из группы „Единство", С первых дней Февральской революции был председателем Исполнительного Комитета общественных организаций и комиссаром Временного Правительства.

Шендриковская пристань Береговое местечко в северной части Каспийского моря, выше Петровска. На этой пристани скоплены были запасы хлеба собранного на Северном Кавказе, для переотправки в Баку.

Ашуров—Гласный Городской Думы—крупный домовладелец член партии „Иттихад".

Газета „Наш Голос"—орган Бакинских меньшевиков.

Айолло, Садовский, Атабеков Н.—лидеры Бакинских меньшевиков.

[33]) Речь С. Шаумяна „О старой школе" признесена была по докладу т. Н. Колесниковой—Комиссара Народного Просвещения Бакинской Коммуны на Заседании Бакинского Совета от 21 мая.

[34]) С'езд советов крестьянских депутатов Бак. уезда был созван в результате произведенной большой агитационной работы среди крестьянства Бакинского уезда. Работа среди крестьянства концентрировалась в иногороднем Отделе Бакинского Совета и осуществлялось главным образом через большевицкую организацию „Гуммет" и группой тюркских левых эсеров („Акинчи").

На с'езде присутствовало 77 делегатов от 30 сел. Таким образом с'езд представлял более половины Бакинского уезда. На с'езд, главным образом, прибыли представители близлежащих от гор. Баку и промысловых районов сел, крестьянство которых не занималось сельским хозяйством, промышляя главным образом огородничеством и извозным промыслом. Характерная особенность бакинского уезда отличавшая его от других уездов Азербайджана заключалась в том, что в нем отсутствовало помещичье землевладение.

Благодаря этим особенностям Бак. уезда, с'езд крестьян депутатов Бак. уезда не мог иметь такого значения, какое имели бы для усиления Сов. власти среди широких крестьянских масс с'езды в других уездах Азербайджана.

Осуществить же подготовительную работу и организовать крестьянские с'езды удалось, из других уездов, только в Шемахе.

Основных масс крестьянства Азербайджана, Бакинскому Совету затронуть своей работой не удалось, благодаря: 1) отсутствию какой либо парторганизации на местах, 2) могуществу контр-революции, опиравшейся на сильное помещичье землевладение, главным образом в Ганджинском уезде, 3) темноте и забитости тюркского крестьянства этих уездов, и 4) слабости и чрезвычайной малочисленности кадров тюркских работников, 5) отсутствию промышленных рабочих в Азербайджанских уездах,

Все эти трудности могли быть преодолены, если бы начавшаяся гражданская война против сил Закавказской контр-революции и турецких войск не изолировала окончательно революционный Баку от крестьянства Азербайджана и Закавказья.

[35]) Речь тов. Шаумяна произнесенная им 29 мая в момент получения известий о роспуске сейма и об'явления независимости Грузии.

По докладу была принята следующая резолюция предложенная Шаумяном:

„Соединенное заседание Бакинского Совета Рабочих, Солд. и Матрос. Депутатов и заседающего в Баку С'езда Мусульманских крестьян, Депутатов Бакинского Уезда, заслушав доклад тов. Шаумяна е положении в Закавказье, выражает свое негодсвание против заседающей в Тифлисском сейме презренной кучки беков и ханов, их лакеев—меньшевиков и армянских националистов-дашнакцаканов, которые дерзнули провозгласить независимость Закавказья и в настоящее время, в лице своих представителей, ведут в Батуме переговоры об отправке германо-турецких войск против Бакинской Советской Власти.

Мы представители Бакинского пролетариата и мусульман-крестьян Бакинского уезда, об'являем врагами народа всех, голосовавших в сейме за отделение Закавказья, и перед лицом всей Российской демократии и всего мира заявляем:

1) Как Бакинская Демократия, так и рабочие и крестьяне всего Закавказья ни в коем случае не примирятся с отделением Закавказья от Революционной России и будут с оружием в руках бороться как против турецко-германских банд, так и против их союзников—предателей Чхенкели, Чхеидзе, Ханов-Хойских и Ко.

2) Никакой мир, заключенный этой кучкой узурпаторов, нами но может быть признан. Составляя неделимую часть Великой Российской Федеративной республики, мы тесно связываем свою судьбу с судьбой революционной России и можем признать только мир, заключенный Центральным Российским Рабоче-Крестьянским Правительством.

Бакинский пролетариат так же, как и крестьянство Бак. уезда и всей губернии, как это явствует из решений ряда уездных с'ездов мусульманских, армянских и русских крестьян, будут отстаивать Советскую власть и будут оказывать самое решительное вооруженное сопротивление наступающим сеймовским и турецким бандам.

Дополнение. Получив во время обсуждения вопроса сообщение из Тифлиса о распаде так называемой Закавказской Республики и о роспуске сейма, об'единенное заседание Совета и Крестьянского с'езда констатирует крушение преступного контр-революционного блока меньшевиков, мусаватистов и дашнакцаканов. Об'явление независимости Грузии является новой преступной националистической авантюрой гг. Чхенкели и Ко и новым предательством как по отношении к грузинскому крестьянству, так и тем более по отношению к армянскому и мусульманскому крестьянству и ко всему пролетариату Закавказья.

Соединенное заседание Совета Рабочих, Солдатских и Матросских Депутатов и Крестьянского с'езда, перед лицом новых авантюрных попыток разбить ряды Закавказской демократии, заявляет свою твердую решимость продолжать борьбу против контр-революции в Закавказье и выражает уверенность, что недалеко то время, когда оторванные от Западного Закавказья Бакинский пролетариат и кре-

стьяне Бакинской губернии об'единяться в братский Союз с грузинским и армянским крестьянством и пролетариатом и с оружием в руках установят в Закавказье Советскую Власть и восстановят единство с Великой Революционной Россией.

После вынесения резолюции т. Шаумян выступил со следующей оценкой результатов голосования предложенной им резолюции:

„От имени Совета Народных Комиссаров я выражаю глубокое удовлетворение по поводу единодушия, с которым была принята резолюция, предложенная мною от имени Правительства,

Позвольте выразить надежду и уверенность, что когда придется приводить в исполнение эту резолюцию, бороться за нее с оружием в руках, быть может, умирать, то мы проявим такое же единодушие, как и здесь. (Бурн. аплодисменты).

[36]) Конспект лекции о „Парижской коммуне" представляет из себя не стенографическую запись речи Шаумяна проверенная им. Эта лекция читалась Шаумяном во всех районах.

[37]) Вопрос о групповых закупках продовольствия возник в мае месяце 1918 г., из-за резко-ухудшившегося продовольственного положения и неналаженности продовольственного аппарата.

Слепченко — беспартийный рабочий Балахано-Сабунчинского района, нобелевец, выбран был промыслово-заводской конференцией председателем Комиссии по проведению групповых закупок;—выступал на заседании Совета от имени комиссии.

[38]) Воззвание написанное Шаумяном было опубликовано за подписью всех Народных Комиссаров.

[39]) Эту речь тов. Шаумян произнес на заседании Бак. Совета 7-го июня 1918 года, по докладу члена Краевого Комитета партии т. С. Кавтарадзе „О положении в западном Закавказье".

По докладу Кавтарадзе была принята следующая резолюция написанная Шаумяном:

„Заслушав доклад тов. Кавтарадзе о политическом положении в Закавказье и радиотелеграммы из Тифлиса о подписании мира и согласии меньшевиков и дашнаков пропустить турецкие войска против Баку, Бакинский Совет Рабочих, Красноармейских, Матроских и крестьянских депутатов подтверждает свои прежние решения о преступной полчтике закавказского сейма и клеймит, как предателей гг, Чхеидзе, Чхенкели, Качазнуни и Ко. Совет заявляет, что Бакинский пролетариат, как один человек будет поддерживать свою Красную Армию, которая выступила, чтобы дать отпор контр-революционным бандам, надвигающимся со стороны Тифлиса и Елисаветполя. Бакинский Совет Рабочих, Красноармейских, Матросских и Крестьянских депутатов высказывает свое твердое убеждение, что нашей Армии при единодушной поддержке пролетариата удастся не только отстоять единственный очаг революции в нашем крае гор. Баку, но и двинуться победоносно вперед и в союзе со всем пролетариатом и крестьянством Закавказья избавить край от ига не только турок и мусаватистов, но и предательских партий тифлисских меньшевиков, и дашнак-

цаканов, утвердить в Закавказье Советскую власть и восстановить единство с революционной Россией".

40) Несмотря на внешне-каррикатурный характер заговора позднейшие обстоятельства заставляют думать, что заговор имел серьезную почву, и странным образом совпадал по времени с целым рядом контр-революционных заговоров, имевших место на Северном Кавказе и в других частях Р. С. Ф. С. Р.

Мемуары английского генерала Денстревиля (Команд. английск. экспед. корпусом в Персии и на Кавказе) косвенным образом подтверждают, что заговорщики были связаны с англичанами и Бичераховым, а также с некоторыми кругами эс-эровской партии.

41) Вопрос о приглашении аргличан по этому докладу тов. Шаумяна на Чрезвычайном заседании Совета от 16 июля окончательно решен не был, а был перенесен на следующее заседание, состоявшееся 25 июля и как известно большинством в 23 решившее вопрос—за приглашение англичан.

42) Воззвание к бакинским рабочим относится к началу августа т. е. после того как власть фактически перешла к Диктатуре Центрокаспий состоявшей из соглашательских партий.

По позднейшим данным видно, что соглашательские партии сознательно вели политику саботажа обороны гор. Баку для того, чтобы поставив в безвыходное положение Бакинскую Советскую власть доказать массам необходимость приглашення англичан. Этим об'ясняется снятие с фронта частей английского агента Бичерахова и оголение фронта трусливым саботажем со стороны армянских национальных частей.

43—44) Статьи „Физиономия новой власти" и „Бесчестные клеветники" являются последними статьями С. Шаумяна из последнего номера „Бакинский Рабочий" выпущенного нелегально 8 августа в период Диктатуры Центрокаспий".

45) Воззвание выпущено 12 августа накануне неудавшейся попытки прорваться из Баку на Астрахань. Отпечатано в кустарной типографии экспроприированной Боевой Дружиной б-ков, находившейся на одном из пароходов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От института Шаумяна:

Новый взрыв революции в Петрограде 3
Еще раз о клеветниках 5
Петроградские события 8
Позор 11
Революция в опасности 13
Ответ гр. Вермишеву 16
„Мертвецы“ Государственной Думы 18
Реакция 20
О кадетском с'езде 22
Политика малых дел 24
Современный момент 27
Печать 30
Политика Временного Правительства и национальности 32
Революция живет 34
Начинается 37
К повальным обыскам 39
Не мешайте солдатам быть гражданами 41
Воля бакинских рабочих 45
К товарищам солдатам 47
Совет Рабочих и Солдатских Депутатов бакинского района 49
Русская революция и Закавказская власть 51
Кавказские оборонцы – союзники Караулова 54
Национализм на Кавказе и оголение фронта 57
Второй Краевой С'езд Кавказской армии 60
О событиях на Северном Кавказе 63
Присоединение промыслов к городу 66
С'езд советов рабочих депутатов Кавказского края 68
Всем советам и комитетам солдат. Всем солдатам Кавказской армии 71
Всем советам и комитетам солдат, всем солдатам Кавказской армии 75
Удержат-ли большевики государственную власть 79
Самоопределение народов в понимании националистов 83
Ко всем советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ко всем рабочим и крестьянам Кавказа 85
К крестьянскому населению мусульманских провинций Закавказья 88
Крестьянское восстание в Закавказье 91
Земельный вопрос и крестьянская революция в Закавказье . . . 95
К разоружению войск Совета Народных Комиссаров на Кавказе . 99
К созыву Закавказского сейма 101
Ответ гражданину Расул-Заде 103
Правда о елисаветпольских событиях 107
Положение дел на Кавказе 114

Закавказский Комиссариат и революция в Закавказье 119
Правда о тифлисских событиях 124
Маленькое об'яснение 130
Памяти тов. Голомбьевского 134
Бакинский Совет Народных Комиссаров 137
Костлявая рука голода и темная агитация 141
К выступлению нобелевцев 144
О власти в Закавказье 147
О старой школе 160
Речь на с'езде советов крестьянских депутатов Бакинского уезда 26 мая 1918 г. 163
О политике сейма и положении Закавказья 166
О Парижской Коммуне 180
Речь в заседании Бакинского Совета 187
„Ко всем рабочим и крестьянам Закавказья без различия национальности—к мусульманам, армянам, грузинам и русским от бакинского пролетариата“ 189
О роли меньшевиков в Закавказье 193
О заговоре против Советской власти 197
О национализации нефтяной промышленности 213
Вопрос о „третьей силе“ 217
Воззвание к бакинским рабочим 230
Физиономия новой власти 235
Бесчестные клеветники 240
Воззвание к бакинским рабочим 243

ДОБАВЛЕНИЯ:

К выборам в городскую думу 247
Текущий момент и организация власти 250

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Чрезвычайное заседание Бак. Совета от 25 июля 255
Письмо Ленина к С. Шаумяну 292
Письмо Сталина к С. Шаумяну 292
Примечания 295